

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

20 Března 1934.

Volné Kozáctvo

Ročník VII.

20-го марта 1934 г.

148-149

20-го березня 1934 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой

РІК ВИДАННЯ 7-ий

Ж. Титон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Константин Поляков: Атаман Булавин. (Ataman Bulavin).
2. И. Назаров: На смерть Петра Григорьевича Богатырева. (Verše).
3. С. Савицкий: Квіти Кубані. (Verše).
4. Знамение времени. (Znamení doby).
5. Очередное и назревшее. (Časové a mimořádné).
6. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
7. Ген. Т. Стариков: Зависимость создания армии от состава населения страны. (Odviclost branných sil od obyvatelstva).
8. А. Ленивов: Материалы по истории Степного Похода. (Materialy k historii Stepního tažení).
9. Р. Мкурнали: Общность интересов. (Jednotnost zájmů).
10. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
11. От Округа В. К. во Франции. (Od VK ve Francii).
12. Ответ оппозиции. (Odpověď opozicii).
13. В. К.: Тому, кто ушел в оппозицию. (Tomu, kdo šel do opozice).
14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
15. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Чикаго. — С. С. — Исполнено. Привет.
Везин. — Н. И. — Фот. получена. Привет.
Пирей — В. — Все получено. Спасибо. Привет.
Св. Клемент. — Б. Л. — Получено. Привет.
Польша. — А. Г. — Получено. Привет.
Польша. — А. Т. — Получено. Привет.
Граево. — В. Е. Получено. Ж. высылается.
Тулуза. — Г. Ш. — Получено. Привет.
Галац. — А. Б. — Получено. Будет помещено в след.
номере. Привет.

Караша (Индия). — Ф. Е. — Исполнено. Привет.
Белград. — П. П. — Все получено. Привет.
Будейовице. — Г. — Послано. Привет.
Канада. — Д. Г. — К сожалению, бесплатно посылать не можем.
София. — Ф. Б. — Ответ — письмом. Привет.
Белград. — С. Щ. — Получено. Привет.
Суботица. — В. П. — Будет помещено в следующем номере. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вильне Козацтво“:

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff. Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. W. P. S. Tulajew. Wilno.
Ф. Сафонов. F. Safonow. Augustow.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. М. Егоров. Лом.
Ф. Е. Бабкин. София.
И. Д. Кузнецов. Ески-Джумая.
С. Поляков. Варна.
С. А. Гринкин. В-Търново.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

В БЕЛЬГИИ:

Г. К. Рудаков. Брюссель.

В О ФРАНЦИИ:

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff. Lyon.
З. Д. Кондрашов. M-eur Kondrachoff. Colombelles.
Ив. Т. Курило. M-eur Kourilo. Toulouse.
И. Д. Попов. M-eur Popoff. Vichy.
И. С. Орехов. M-eur Orekhoff. Uginge.
А. Г. Дронов. M-eur Dronoff. Tourcoing.
Н. П. Ивановсков. M-eur Ivanovskoff. Montargis.
В. Богданов. M-eur Bogdanoff. Lille-Fives.
Б. Лепешкин. M-eur Lepchkin. Sens.
В. Ф. Фролов. M-eur Frosloff. Décines.
И. З. Зотов. M-eur Zotoff. Valence.
Я. Л. Безгласный. M-eur Besglasny. Dijon.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland. (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

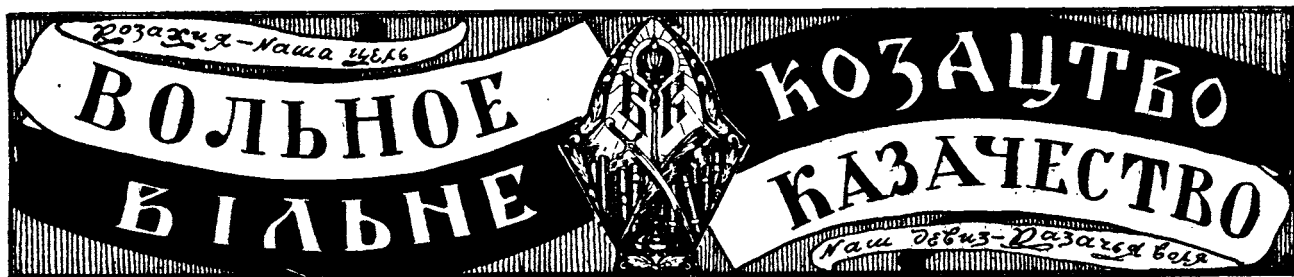
С. С. Савицкий. S. Savitzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. С. Константинов. Харбин.

С апреля журнал „ВК“ будет выходить по-прежнему два раза в месяц. Следующий, 150-ый, номер выйдет 10 апреля.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 148—149

Вторник, 20 марта 1934 = Вівторок, 20 березня 1934.

№ 148—149

Константин Поляков.

Атаман Булавин.

Кутаясь пылью широкого шляха —
Кто там так скачет? Куда он стремится,
Степи бросая далеко сзади,
Будто бы быстрая вольная птица?
Алый тумак полыхает по ветру,
Сабля о стремя вдруг зазвенит...
Кто он, куда он так мчит? —
К Хортице всадник спешит!
Грамота в шапке его Атамана,
Завтра в Сечи должен быть уже рано.
Выслал его Атаман Булавин,
Слову и воли своей господин.
Грамоту в руки давая ему,
Твердо сказал он гонцу своему:
„Днями, ночами скачи,
Да передай на Сечи:
Помощь их войском нужна —
Русская рать уж над Доном видна!“
И загорелись, как яркие свечи,
Сразу его атаманские очи...
Вдруг потемнели и черные стали,
Будто беззвездные темные ночи:
„Да передай всей Сечи от меня:
Ежели Дон наш лишится воли,
Не быть и им уж свободными боле!
Ну, поспешай, на коня!“

Кровью казнимых Москва пропиталась...
В воздухе пахнет навозом и кровью,
И, не моргнув волосатою бровью,
Вскинул палач высоко свой топор.
Стоны казнимых как будто бы глушит
Звоном Успенский собор...
Там чью то спину широкую с мясом
Рвет разгулявшийся кнут;
Здесь — палачи деловито, спокойно
Ноздри за что то кому то там рвут.
В храмах возносят моления Богу.
Молятся чинно, умиленно, строго.
Молят за тех, что убили сегодня,

Может за тех, что и завтра убьют...
.....
Завтра все так же свистеть будет кнут,
И палачи в ярко алых рубахах
Ноздри кому то за что то порвут!
Кровью и ладаном пахнет в Москве...
Завтра чьей там с высокой плахи
Катиться черед голове?

Слышали что ли, московские люди? —
То то нам зрелище дивное будет:
Бают, над Доном шалят снова воры
И одного из них, главного, скоро
К нам на Москву привезут.
Это не то, что холопа какого...
Этого будут толково казнить:
При правеже том — ни мало, ни много —
Пять палачей царю будут служить!
Левую руку отрубят сначала,
Правую ногу отхватят потом,
А уж затем, как и эта упала,
Хватят по правой руке топором.
Левую ногу и голову тоже
Вору отымут царевым судом.
То то насмотримся, братцы, да, да-с!
Что, никак звонят... Пора уж молиться,
Чтобы Господь наши душеньки спас...
(Истово стали москвины креститься).
.....
Кровью и ладаном пахнет в Москве...
Завтра чьей там с высокой плахи
Катиться черед голове?

Я вам, полковники, Дона старшины,
Нынче на сабле клянусь
В том, что пред Русью, в борьбе за Свободу,
Я ни за что, никогда не склонюсь!
Нашим предателям, знаю, им любя
С царских кладовых дареная шуба,

Вспомнят их внуки потом,
 Как москвитам они помогали
 Свой же отцовский жечь дом.
 Разина взяли, казнили на плахе...
 Слово даю, что меня не возьмут!
 (Алый взметнулся тумак на папахе,
 Очи, как угли горящие, жгут).
 Знаю я, вольного Дона старшины,
 Мы пред Москвой не согнем свои спины!
 Я же опять вам на сабле клянусь,
 Что москвитам живой не сдадусь...
 Ну, а теперь пусть седлают гонцы —
 Весть разнесут во все Дона концы:
 Топчет уж степь Долгорукий конем,
 Послан на нас он московским царем!
 Вам же людей половину оставить,
 Другую же в поле на битву поставить...
 . . . . .
 Славушка с нами, над нами — Бог,
 Смело вперед за родимый порог!

Тихий Дон вовсе сегодня не тихий,
 Песен веселых не слышно на нем...
 Так зато страстно целуется, звонко,
 Сабля москвина с казачьим копьём.
 В этом бою он везде поспевает:
 Здесь его видят, заметили там,
 И атаманская сабля сверкает —
 Пал Долгорукий к казачьим ногам.
 Кони без всадников скачут на воле,
 Смутно удилами, сбруей звенят.
 Мертвые очи погибших на поле
 В темное звездное небо глядят...
 „Что, атаманы, аль все они пали,
 Аль москвитов живых не нашли?
 . . . . .
 Что же, к себе их на Дон мы не звали!
 Сами они к нам пришли“...

В горнице низенькой, тяжело ступая,
 Как разъяренный затравленный зверь,
 Ходит царь Петр, руки в злобе ломая,
 И с нетерпением сморит на дверь.
 Рано сегодня поднялся с постели:
 Думы тяжелые спать не дают.
 Время проходит, уходят недели —
 С Дона вестей никаких не везут...
 Серый измятый немецкий камзол,
 Руки сжимают тяжелую палку...
 „Царь москвитов безумен и зол
 И он не ведает слова: жалко! —
 Царь Антихрист!“ И весть та идет
 По Руси до холодного Белого моря,
 И волнует сермяжный Московский народ,
 И народ ждет великого горя...
 . . . . .
 Входит Меньшиков. „Что там на поле,
 Всех ли Юрий воров порешил?“
 „Нет уж, царь, Долгорукого боле:
 За тебя свою жизнь положил!“
 „Лжешь! Позоришь! Не может быть так!“
 И в лицо побледневшего князя

Впился царский огромный кулак.
 Зашатался, дрожит от обиды,
 Кровью залитый, жалкий старик,
 Разметался по полу сбитый
 В грязь затоптанный белый парик...
 . . . . .

На полу суковатая палка,
 Весь измятый Петровский камзол...
 Царь московский безумен и зол
 И не знает он слова: жалко!

Синим морем казачьим клокочет,
 Бьет, бушует Черкасский майдан.
 Нынче что то особое хочет
 Перед Кругом сказать Атаман.
 Вышли стали в Кругу есаулы,
 Вышел в Круг и Максимов сам.
 Взор потуплен, какие то думы
 Его клонят к казачьим ногам...
 „Вот что я вам скажу, Атаманы:
 Булавин весь нам Дон помутил.
 Нынче весть к нам гонец принес рано,
 Что он войско Царево разбил!
 И убит был при том Долгорукий...
 Да аль ведает Круг наш о том,
 Что великие пытки и муки
 Нам дарованы будут царем.
 Мы схватить им Кондрата поможем,
 И, как царская милость узрит,
 Он нам гнев свой на милость положит,
 Он нам наши проступки простит.
 Мало нас! Попрошу у Азова,
 Чтобы русское войско готово
 Было выступить с нами на них.
 И узнает царь ревность ту нашу,
 И не будем хлебать мы тогда
 Булавинскую горькую кашу.
 А теперь приготовьтесь к походу!
 Подождем из Азова гонца
 И потом уже выступим войском.
 Булавин должен быть у Донца...
 . . . . .

И зовет он их к бою угрюмо,
 И не смотрит в глаза казакам.
 Взор потуплен, какие то думы
 Его клонят к казачьим ногам...

„Что, Максимов опять шевелится —
 Хочет Доном царю поклониться?
 Как везде, и у нас есть предатели...
 Не без червя и яблонь цветет,
 Но мне жалко убогой той матери,
 У какой народился вот этот урод.
 Да, сегодня пусть он Атаман...
 Ну, а завтра, судом казаков,
 Будет плавать в Дону, как сазан!
 Да, старшины, и вы, казаки,
 Он, тума, казаков же на нас напускает,
 Но пусть он и они твердо знают,
 Что мы сабли свои и на них наточили.
 И не мы против них, а они к нам идут,
 А в борьбе за свободу казачью

Нет средь Дона врагов нам родни...
 Я зову Вас на бой
 За присуд степовой!
 И забудьте, что там казаки,
 Что на шапках у них, как у вас,
 Алой кровью горят тумаки, —
 Да сердца не горят их любовью
 И не блещут отвагой глаза...
 Завтра будет над Доном гроза,
 Завтра алые станут от крови
 Голубые волны Донца.
 Будем биться за Дон до конца,
 Приготовьтесь к тяжелому бою!“

Ночью жутко так ветер воет
 И карежит волны реки,
 Но не спят в Булавином стане
 И не дремлют совсем казаки.
 Ветер раненым зверем стонет...
 Кто то завтра головушку склонит;
 Кровь чья алой брызнет струей;
 Чья жена и чья горем убитая мать
 Будут завтра по мужу и сыну рыдать,
 Подружившись с черной тоскою?

И с одной и с другой стороны бунчуки:
 Казаки с казаками сегодня бьются...
 Но вон там и знамена московские выются
 И под ними на братьев идут казаки!
 Их предатель Максимов ведет:
 Он сегодня Отчизну свою' продает;
 Он торгует казачьей кровью...
 Воздух рвут и бичуют крики,
 И оделась трава кровяною росой,
 Песнь стальную поют нынче сабли и пики.
 И, схватившись в смертном объятии,
 Тяжко падают мертвые братья...
 И, скрывая позор пред людскою молвой,
 Накрывает Донец их волной голубой...

Как побитыми градом цветами,
 Степь покрылась нашедшими смерть казаками.
 Ветер воет над павшими. С злобой
 Ветер знамя московское рвет...
 Нет! не может, не может быть, чтобы
 Победили каты, а воля умрет.
 Нет, лежат булавицы по полю:
 Не разбудит их ветер донской.
 Те, что бились за Дон и за волю,
 Не увидят простор степовой...
 Что иль правда совсем умирает?
 Злая воля сегодня над степью царит,
 И изменников Дона царь Петр одарит?

Что никто среди мертвых его не встречает?
 „Нет его! Не похож ни один!
 Нет, ушел, ускакал Булавин!“
 И слова те, как тяжкие камни упали,
 Как гранитные плиты на сердце легли...

Жив он! Снова отвагой глаза запылали,
 За оружие взялись все те, кто могли.
 Славу тем, что в степи полегли,
 И проклятые предателям слали.

Там, где Днепр свои воды льет,
 Средь степи безграничной, пригожей,
 Там походов и битв новых ждет,
 Сабли точит свои Запорожье.
 Тех, кто хочет с церквей крест сорвать золотой,
 Иль невинных и слабых затронет,
 Захлестнет своей синей могучей волной
 И затопчет копытами коней.
 И, когда орды крымцев стремились на Сечь,
 Угрожая ее разорить и пожечь,
 Приходил ей на помощь Донской Атаман.
 И скрывался пред силой казачьей
 Пораженный татарский хан...
 Если ж турок шалил у Азова,
 Сечь всегда была к битве готова:
 И на чайках, и в пешем строю
 Билась рядом с донцами в бою.
 На врагов была сабля всегда их остра.
 Так и жили, как брат и сестра...
 Тихий Дон, Запорожская Сечь
 Свою славу и волю умели беречь...

Потому на исходе дня
 Прискакал сюда всадник один.
 Хлопья пены летели с коня...
 Это был Атаман Булавин...
 Словно вихрь Сечь сегодня шумит,
 Возмущеньем и гневом клокочет:
 Тихий Дон братской кровью залит,
 Растоптать Русь свободу казачью хочет!
 И на север грозят кулаки,
 И от злобы вздымаются груди...
 В помощь Дону пошлем мы полки,
 До последнего биться мы будем...
 Царь наказы и грамоты шлет...
 „Нет в Сечи здесь его между нами,
 Гордиенко ответ свой дает,
 На своей он реке с казаками!“

А меж тем Сечь полки собирает
 И в поход их на Дон снаряжает.
 Гордо реют в степи бунчуки
 И под ними, как синие волны,
 В бой за волю идут казаки.
 И спешит — их ведет Булавин нынче сам
 В помощь верным Отчизне донцам.

Словно молнии сабли сверкают,
 Кровь изменников нынче на них,
 Булавин за измену карает
 И за смерть на Донце своих...
 Смерть на Крынке сегодня гуляет
 И с размаха сечет косою...
 Кровью алой реку разбавляет,
 В кровь одела простор степовой.
 Запорожские сабли звенят
 И донские пронзают пики...
 Здесь предателей не пощадят:
 Слышны только проклятья и крики.
 Замолчали Максимова пушки:
 Они нынче уже не нужны...

Свои сабли вложили в ножны,
Булавинцы, уставшие в битве...
.....
А казачки в степных куренях
Молят Бога в горячей молитве
О живых и погибших в бою казаках.

„Где Максимов? Ушел? Не уйдет!
Суд казачий его найдет...
Кровь казачью не смоешь он с рук,
Не простит ему Дон всех тех мук,
Что на Войско он наше навлек.
И тот час не далек,
Когда даст он пред Доном ответ...
И ответит своей головой
За измену свободе Донской!
И не будь я Кондрат Булавин,
Если наш Круг Донской Войсковой
Не разлучит его с головой!“

Бьется с войском Хохлач у Азова
И Некрасов Царицын берет...
Над Черкасском набат ревет:
Булавин, разбив войско царево,
Знать сегодня уж в город войдет.
На Руси войско снова готово —
В барабаны походные бьет...
И, суля Дону страшные муки,
Рать Василий ведет Долгорукий.
Не на бой, он идет мстить за брата:
Будет делать он нынче царю
На Дону добровитого ката.

Много знает Черкасский майдан...
Это здесь пред походами речи гремели
И от них в Цареграде султаны бледнели.
Это здесь Разин войско поднял,
От которого Кремль задрожал...
И бояре от страха стонали,
Пред иконами лбы разбивали.
Это тут зарождалась та сила,
Что за слабых-обиженных мстила,
Что с раскатов тиранов кидала
И с невольников цепи срывала.
Знает много Черкасский майдан:
Как изменников Войско карало,
Как Васильева в воду сажало —
Был предатель такой Атаман:
Он продать собирался народ,
Был московский такой доброхот...
Но сегодня не так, как всегда,
Не случилось так никогда...
Жутко хлещет, рвет воздух набат
И на Круг казаки так спешат...
Но не вышел на древний майдан,
Не стоит в том Кругу Атаман.
И... как острые, крепкие пики,
Небо колят звенящие крики:
„Булавин! Булавин Атаман!“
То, как страшный степной ураган:
„Булавин будет нам Атаман!“

Вот выходит. Над ним бунчуки
Крепко держат в руках казаки.
Булаву в руки сильные дали...
.....
„А теперь, доброхоты, конец!
Вспомним вам и Миус и Донец.
Вы последнее утро видали!“

Брошен вызов сегодня Петру.
И не он, и не князь Долгорукий
Летописца письмо не сотрут
И не вырвут историй страниц:
Как тогда, когда были великие муки,
Среди крови, пожаров зарниц
Дон державное слово сказал.
И тому в руки дал булаву,
Кто и сам, и других призывал
Не склонять пред Москвою главу.

Нынче старый майдан кровь увидит опять —
Войско будет измену карать...

.....
Вот ведут... Рядом два казака.
Это страж Пристанного полка.
И Максимов так тяжело идет,
Будто жернов тяжелый несет.
Нет и сабли: не видно в ножнах.
Да она уж теперь не нужна...
Рядом тут же Петров без папахи
И в разодранной в клочья рубахе.
Тоже Зерщиков с ними Илья,
Соколов, тупо в землю глядя...

.....
„Это все доброхоты Кремля,
Что хотели продать право наше:
С Дона выдачи нет!
Вы сегодня пред Кругом дадите ответ!
Это им была горькой казачья каша,
Аль вам слаще давала Москва?
Ты, Максимов, поруху всем нам учинил,
И не Дону — Москве ты служил!
Ты тума и царя доброхот,
И хотел ты продать свой народ
За московский червонец златой...
А Айдар, а Миус, а Донец?“
И гудит Круг, как моря прибой:
„Положить ему саблей конец!“
И среди криков и громкого гула
Слышен внятней призыв есаулов:
„Атаман свою речь поведет!
Атаман наш трухменку гнет!..“

.....
„Так зато, что ты волю не думал беречь,
Саблей снять тебе голову с плеч!..“

.....
„А Петров краснойбай, ты не Дону служил!
Царя тешил ты тем, что свободу хулил...
Не казак ты, Петровский шут.
Не папаху тебе с тумаком,
Обрядить бы тебя калпаком,
Шутовским калпаком с бубенцами!
Нет здесь места тебе промеж нами!..“

А чтоб Дон не хулил он уж дюже
И чтоб царь нашу волю узнал,
Затянуть ему шею потуже,
Так, чтоб вовсе, совсем не дышал!..“

Поле кровью казенных багрится.
Скоро вороны, черные птицы,
Будут мертвые очи клевать...
Но не все... Их потомки казачьи будут
За доброхотство Москве проклинать.

И, кусая сердито свой ус,
Вспоминая кровавый Миус
И, разбитую в страшной схватке,
Рать царя на реке Лесковатке,
Письма пишет донцам Долгорукий.
То сулит он им страшные муки,
Не скупясь, не жалея угроз,
То к себе он зовет их в обоз,
Обещая им царскую милость...
Если верно они царю будут служить,
Царь укажет их вины простить
И не снимет их головы с плеч,
Жен, детей их прикажет беречь.
А уж тех, кто не помнит Бога,
Кто про милость забыл царя,
С тем не будет шутить он зря!
На таких вот воров убогих
Беспощаден царь, лют и зол...
Их всех будут сажать на кол!
Их мучение страшное ждет...

Дни проходят и в стане своем
Долгорукий мечет и рвет:
Он напрасно ответа на письма ждет...

Еще больше горит Дон восстаний огнем
И никто в его стан не идет...

Степь затихла и тучей свинцовою
Надвигаются вражьи полки.
И последнего боя сурового,
Боя смертного, ждут казаки...

Вынул саблю полковник Дранный,
Осмотрел, испытал лезвие...
„Их полки будут здесь завтра рано.
Правда с нами: идем за свое,
Да за Дон и за честь Атамана!“
Бросил взгляд в беспредельную степь...
„Краше смерть, чем московская цепь!“

По широкому вольному шляху
Гонит всадник, что силы, коня.
Потерял в диком скачке папаху,
Запыленную сбруей звеня.
Весть везет своему Атаману:
Войско пало и с честью пал Дранный...
И никто не просил о пощаде:
Все легли, нападённые сзади.
И, тяжелою вестью гонимый,

Не глядит он, не видит кругом,
Не заметил, что крайний в Черкасске
Смотрит смутно разрушенный дом...
Над иными вздымается пламя,
А над старым майданом с орлом
Развивается русское знамя...
Было поздно, враги увидали
В ярком свете пожаров огня,
Словно вороны с криком напали...
Стал он, повод к луке уроня.
И с коня его силой тащили,
Уже сабли над ним заносиля,
Но какой то гвардеец со смехом
И солдатам своим на потеху
Крикнул: „Стой! Ты остался один:
Погляди! Там лежит Булавин“...
У гонца очи вдруг загорелись,
Кровью алою щеки зарделись...
„Лжешь! Совсем я, совсем не один!
Еще вчора ваш Бильсов полк
Наш Некрасов донскими саблями
В нашу землю донскую втолок!“
„Ты кричать еще будешь, вор дикий?
Да наш Петр, царь московский великий,
Он тебя!..“
„Не кричи, москвит! Не из робких ведь я!
Ты назвал меня вором диким?
Вы пришли к нам на Дон воровать!
Кто же вор? Ваша рать!
Кто же дикий? Да царь ваш великий,
Что наказ дал детей, наших жен убивать!“
„Гей, солдаты, аркан! Да потуже
Затяните воровские руки:
Поживет он, куда нам нужен...
Ты, ничтожный!
Так ли ты загутаришь в правежной?“
„Все о том же, что здесь я сказал, москвит,
Повторю много раз я, пока не убит!“

Так на пытки пошел юный храбрый донец —
Сын полковника славного — Дранный...
Не на поле нашел своей жизни конец,
А в правежной московского стана.
И смеялся в глаза он своим палачам,
Видя их озлобленные лица,
И, как камни, он бросил слова, закричал:
Вам рабом наш казак лишь приснится!
Покоряться нам вам не пристало!..“
И его голова с плеч упала.

„Твоей милости царской я нынче пишу,
Известить тебя с Дона спешу:
Тебе верных здесь нету совсем...
Каждый, всякий из них шатается:
На допросе как будто бы нем
Или дерзко в лицо ругается...
Взяли Драного сына вчера, —
Был в правежной уже три раза, —
Он молчит, царь, смеется в глаза...
А, когда проходил Бильсов полк,
Каждый смотрит на них, будто волк...“

Даже всякий казацкий мальченок
 Озирается, будто волченок.
 Здесь не хватит московского ката:
 Земля эта ворами богата.
 Здесь нужны лишь кресало да трут.
 Запалить их осиные гнезда...
 Каждый к бунту причастен тут.
 Поспешать с этим, не было б поздно!..
 Много пишет Петру Долгорукий:
 За письмом он встречает зарю...
 Муки будут, великие муки...
 Не на бой, он пришел мстить за брата,
 Он уж делает нынче царю
 На Дону добровитого ката.

„Ты мне пишешь, „что каждый там нем“?
 Мы заставим молчать их совсем;
 Мы ломаем казацкие пики;
 Поле Дикое — сделаем диким...
 На Москву, как пойдешь ты домой,
 Покарай ты их твердой рукой...
 По Айдару, по Иловле — все,
 По Донцу на верховиях — тоже...
 На пустыню чтоб было похоже!
 Всех колоть и рубить без пощады:
 Они будут почину не рады!
 Заправил, вожakov их — на кол!..“

Царь московский безумен и зол...
 А по Дону, с конца и в конец,
 Говорит сыну старый отец,
 Дочке — горем убитая мать:
 „Кто же вор? Да их рать,
 Что пришла к нам на Дон воровать!
 Кто же дикий? Да царь их великий,
 Что наказ дал все жечь, всех велел убивать“...
 Над Москвою пасхальные звоны
 И толпа словно в праздник одета:

Торжествует победу над Доном,
 Ликованьем и солнцем согрета...
 „Сам покончил с собой главный вор“,
 Потому то искрится свечами
 В свете ярком Успенский собор.
 И кладут кресты русские руки,
 И моления шепчут их рты,
 Над казачьими радуясь муками...

А по Дону поплыли плоты...
 И на них черных виселиц ряд...
 И теперь много, много о них говорят:
 Как средь ночи так жутко качались
 Трупы тех, кто за Волю старались...
 Говорят: Дон от крови стал алым
 И, бросая кровавой волной,
 Бушевал и шумел небывало,
 Но уж не было воли Донской...
 Потому то искрился свечами
 В свете ярком Успенский собор,
 Что над Доном, степною рекою,
 Вырос виселиц жуткий бор...

Дон метался кровавой волной
 Над погибшей свободой Донской.

Эта кровь будет памятна нам...
 Эту кровь не забыть казакам
 И того, чья совесть прямая,
 Чья острая сабля кривая
 Воле нашей служили всегда...
 Не забыть, не забыть никогда.

Р. С. Поэма эта написана мной на основании исторических документов, взятых из неизданной работы ген. Т. М. Старикова — „Булавинское восстание“.

К. Поляков.

Иван Назаров. (Княжевац).

НА СМЕРТЬ ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА БОГАТЫРЕВА.

Вдали от родины, больной, с душой разбитой,
 Борясь с тяжелою, бескрайнею нуждой,
 В больнице умер он, народом позабытый,
 И погребен, как странник, — всем чужой...
 Чужой обряд, молитвы речь чужая,
 Не свой народ, чужая сторона...
 И ни одна слеза горячая, родная
 Не пала на холме могильном... ни одна...
 Меж тем, вы знаете ль, кто он — в земле
 болгарской
 Нашедший, наконец, неведомый покой?
 — Не жалкий „беженец“ с безвестною судьбой,
 Не генерал бывалой службы царской,
 А сын степей, народный наш герой!

... Был страшный день... Средь гроз войны
 когда-то
 На вызов подвига, презревши всякий страх,
 Он полетел над станом супостата
 И пал в Кудиновских восставших округах.
 Его души безудержные крылья
 Внесли последний взрыв в смертельный бой.
 Он вдохновил безумные усилья —
 Бороться до конца за вольности свои.
 ... С тех пор прошли года, как черной муки
 тучи,
 Меж горестных забот и тяжкого труда...
 Он жил... Забыл народ о подвиге мочучем...
 Но не забыть его поэтам никогда!

К нему зовут они, народные преданья,
 Туда, где лег во всю донскую ширь
 И спит тревожным сном... до нового восстанья
 Петро Богатырев — казачий богатырь.

Сергій Савицький. (Бразилія).

КВІТИ КУБАНИ.

Квіти Кубані, мережані квіти...
Ніжно-прозорі в сльозах пелюстки...
Хмари насунули, сонце не світить...
Краплями крові спадають листки...

Квіти Кубні, мережані квіти...
Смуток розвіється: прийде весна!
Будуть на волі й козацкі діти —
Зникне з степів доля зла та сумна...

Знамение времени.

Что настоящий „отрезок времени“ является моментом весьма интересным и ответственным, может быть даже поворотным моментом для судьбы многих народов и государств, — в том большого спора сейчас нет: даже те, кто не знают ничего „конкретного“, и те „чувствуют“, что где-то что-то готовится, где-то что-то делается; борются интересы и сталкиваются теории и мировоззрения; осуществляются одни дела и готовятся к осуществлению, дела и планы еще большие; лихорадочно перестраиваются государства и ставятся на очередь дня международные и междугосударственные вопросы, еще вчера считавшиеся забронированными... Много говорят о мире и разоружении и еще больше вооружаются и готовятся к войне...

Перед чем же мы стоим и что ожидает нас? Что и чего вообще может ждать Казачество для себя от складывающейся вокруг него обстановки?

В последних трех номерах нашего журнала мы дали уже часть ответов на поставленные выше вопросы.

В номере 142 „ВК“ мы говорили о постепенном падении роста и влияния социалистических партий в Европе, о разгроме их в некоторых государствах, в жизни которых еще недавно они играли решающую роль; особенно пошла на убыль партия коммунистическая, ликвидированная уже во многих странах. Это свое утверждение мы можем подтвердить ныне еще раз недавней ликвидацией имевшей сильный левый крен австрийской социал-демократической партии. На смену „интернациональным“ социалистическим партиям идут везде движения национальные.

В том же номере „ВК“ мы говорили о постепенном сглаживании „острых углов“ между некоторыми европейскими государствами, на несогласиях которых московские большевики строили до сих пор свою внешнюю политику. С этой точки зрения — с точки зрения замирения Европы ради уменьшения международной роли Москвы и усиления роста в культурном мире стремлений к активной борьбе с русским большевизмом, — имеет большое значение польско-немецкий пакт 26 января с. г., так встревоживший наркома Литвинова и его московских товарищей.

В номере 144—145 „ВК“ мы большевизскими данными иллюстрировали рост националь-

ных движений среди поработанных ныне Москвою народов, а в следующем 146—147 номере подтвердили, на основании большевизского же свидетельства, рост национального самосознания и самостоятельных стремлений не примирившегося с московскими оккупантами населения Казачьих Земель там...

Все это — рост национальных движений среди народов нынешнего СССР, непрекращающаяся борьба за освобождение и стремление каждого из них к государственной самостоятельности, с одной стороны, а с другой — далеко не блестящая международная ситуация „Советского Союза“ в настоящее время и некоторые признаки дальнейшего ее ухудшения, — все это сейчас весьма тревожит и волнует и, русскую эмиграцию (несомненно о многом осведомленную), по поведению которой можно многое отгадать.

До некоторой степени вообще можно считать поведение русской эмиграции разных толков и настроений своего рода барометром политической погоды и международного положения сейчас Сов. России. Это поведение и настроения русской эмиграции и ее отношение к „текущему международному моменту“, с одной стороны, а к советской власти в своей стране, с другой, — не только характерны, но имеют для нас, казаков, свой особый интерес, именно в той своей части, где русские эмигранты решают русский вопрос („на случай падения большевиков“) и — прямо или косвенно — казачий вопрос.

Как же предвидят русские люди грядущие события, чего ждут от внешнего мира, что хотят, за что они будут бороться? — И: какое место, какую роль они уделяют казакам, как решают казачий вопрос?

Постановка и решение всех этих вопросов имеет для нас и свой особый смысл, ибо существуют еще и „русские казаки“, решающие казачий вопрос не с точки зрения казачьей, а с точки зрения „общей“, подчиняющие „частный“ для них казачий вопрос общему вопросу русскому. Итак: куда зовут нас „русские казаки“, вернее: куда ведут их русские люди, и куда они потащили бы за собой Казачество, если бы оно за ними пошло?

Ответы на все эти вопросы можем найти в многочисленных выступлениях и заявлениях,

представителей самых различных русских эмигрантских лагерей за последние три месяца.

Первым забил тревогу по поводу „подготовляемой операции расчленения России“ вождь зарубежной русской демократии Милюков, выступивший с рядом докладов в конце прошлого года с целью „предупредить покушение на Россию“, которой грозит „серьезная опасность“ (см. „П. Н.“ от 23 декабря 1933). Международную ситуацию проф. Милюков оценивает так: ... „положение грозно и надвигаются события великого и страшного значения не для России только, а для всего мира“. О роли русской эмиграции, а значит и своей, почтенный профессор вынес такое решение: ... „Пятнадцать лет мы думаем и говорим о падении советской власти, плодов же этого не видим“... А выводы (Милюкова)? — выводы такие: если сов. России будет грозить „раздел“, Милюков станет на сторону большевиков. Уже сейчас внешнюю политику тов. Литвинова он считает отвечающей национальным интересам всякой России.

Итак: освобождение народов, находящихся под властью красной Москвы, есть раздел России. Поэтому, согласно г. Милюкову, пусть лучше все они страдают под большевиками, лишь бы была сохранена единая, пускай даже и красная, Россия.

Никакого, конечно, казачьего вопроса для проф. Милюкова не существует.

Делай, читатель, свои выводы, особенно ты — „русский казак“. Делай их и из оценки г. Милюковым современного международного положения Сов. России, и из оценки им же роли русской эмиграции, и из совершенного игнорирования им казачьего вопроса. Только делай свои выводы добросовестно — честно и искренно.

Выступление проф. Милюкова послужило как бы сигналом для подобных выступлений и заявлений представителей других русских эмигрантских группировок. Состоялся целый ряд докладов и лекций; вопросы, поднятые Милюковым, подверглись всестороннему обсуждению и на страницах печати. Словом, за неполных три месяца высказались все течения русской эмигрантской мысли, высказались люди штатские и военные, политики и стратеги.

Что же во всех этих выступлениях, суждениях и прогнозах интересного для нас, казаков?

Советофильское выступление Милюкова вызвало большое раздражение в правых кругах русской эмиграции. Целых три организации представителей молодого поколения этого крыла эмиграции — „Союз Национальной молодежи нового поколения“, „Имперцы“ и „Кружок белой идеи“ 18 января с. г. устроили собрание протеста против призывов г. Милюкова к поддержке внешней политики красной Москвы (см. „Возр.“ от 20 января с. г.), но в вопросе о праве народов нынешнего СССР на политическую свободу и национальное самоопределение они со своим противником не разошлись. — И для этих претендентов на будущее руководство судьбами

„освобожденной России“ никакого казачьего вопроса не существует.

Отозвался на „тревогу“ проф. Милюкова и „рядовой“ русский эмигрант (А. Матвеев: „П. Н.“ от 9 января с. г.). Рядовой русский эмигрант, с своей стороны, считает, что „международная обстановка сложилась и благоприятно, и опасно для советского правительства. Оно боится за целостность своей территории, которой грозит опасность, как с запада, так и с востока, но оно в то же время находит неожиданных союзников в международной игре, которым так же, как и СССР, угрожает Германия и Япония“... Понимая так современную международную обстановку, рядовой (своего рода „неизвестный“) русский эмигрант больше всего хотел бы, чтобы советская власть „замирением с собственным населением выбила почву из под ног интервентов и сепаратистов“... И, конечно же, — никакого казачьего вопроса для рядового русского эмигранта на существует.

Горячо принял к сердцу выступление Милюкова видный русский дипломат и общественный деятель Е. В. Саблин. Не менее, чем Милюкова, и г. Саблина тревожит международное положение Сов. России: „Положение нашей отечественной проблемы становится все более и более сложным... Вопрос национальностей России входит в тревожную фазу“... (см. „П. Н.“ от 20 декабря 1933). Тот же Саблин приводит и свидетельство проф. Федотова о том, что „при насильственном свержении большевицкой диктатуры Россию ждет взрыв национальных восстаний“... А он, Саблин, как и все другие русские, этого не хочет, т. к., опять таки в унисон со всеми своими соотечественниками, хочет сохранить единство России. Правда, в отличие от других единомышленцев, г. Саблин готов строить будущую Россию, как „союз народов государства Российского“ („П. Н.“ 20 дек. 1933). Принимая младоросскую формулу „освободиться внутри и защититься во вне“, г. Саблин хочет такой России, в которой „каждой национальности была бы обеспечена свобода развития своей культурной индивидуальности“... („П. Н.“ 2 февраля). Госп. Саблин идет гораздо дальше: советуя самостийникам умеренность, он советует и великороссам „поднажать на свои задерживающие центры“ (там же). Одновременно он не прочь вступить с „благоразумными“ самостийниками в непосредственные разговоры и сесть с ними для того за один „круглый стол“... — Но даже и для так далеко идущего в национальном вопросе (собственно — на федерацию) г. Саблина казачьего вопроса не существует — это раз, а второе — сам Саблин остался со своим федерализмом среди русских в полном одиночестве. — Об этом особенно следует поразмыслить некоторым казачьим федералистам.

О „решении“ казачьего вопроса младороссами мы говорили недавно специально (см. № 144-45 „ВК“). Не будем повторяться здесь, скажем только, что младоросское „решение“ казачьего вопроса — это еще одна попытка политического

обмана Казачества, поддерживаемая (как это было почти всегда в нашей истории!) и частью „русских казаков“...

„Смятена российская душа“ Е. Кусковой. И не знает она: „что надо делать? Что надо делать в этой сложнейшей международной обстановке и при возможной угрозе целостности России и ее будущему — как независимому государству?“... („П. Н.“ от 27 января с. г.). Не трудно все же понять, что госпожа К. хотела бы такой перемены в поведении сов. власти, при которой русским людям легче было бы быть патриотами России и вместе с властью защищать страну. Опять таки, и для этой русской интеллигентки никакого национального, а тем более казачьего, вопроса не существует.

Сильно тревожится и А. Ф. Керенский. Он думает (или знает?), что „над Россией все определеннее нависает угроза второго брест-литовского раздела. Вокруг ее тела все сильнее сжимается „кольцо: Япония-Германия-Польша“... („Возр.“ 31 января с. г.). И он готов призывать эмиграцию... обратиться к Кремлю с мольбой: „Пусть он (Кремль) пойдет, пока не совсем поздно, навстречу народу, сделает самые неотложные для восстановления мощи и обороноспособности страны уступки здравому политическому и хозяйственному смыслу... И тогда... каждый из нас (т. е. русских) поможет ему (т. е. красному Кремлю) сохранить в неприкосновенности единственную бесспорную для всех нас и вечную ценность — Россию.“ — Следует ли говорить, что как и в 1917 году не было для г. Керенского казачьего вопроса, так нет его для него и сейчас...

Хочет разобраться в современном положении „русского вопроса“ и сильно пессимистически настроенный лидер „крестьянской России“ С. Маслов. В февральском номере журнала „Знамя России“ он так рисует внутреннее и внешнее положение Сов. России:

„Внешние опасности существуют давно, но за последний год сделались яснее, острее и выросли в числе... К внутренним бедствиям России прибавились внешние опасности для нее“...

... „Самые страшные и самые важные из внутренних бед: 1. голодное вымирание ее населения в тех областях, которые всегда были самыми хлебными и богатыми (г. Маслов не хочет говорить, что вымирают, собственно, Казаки и отчасти Украина — „самые хлебные и богатые области“, ограбленные и намеренно доведенные до такого состояния Московской властью. Ред.)... 2. Физическое вырождение народа; оно идет почти во всех общественных слоях и на всех просторах России... 3. Умирание российского государства в душах его подданных. Оно происходит не только на окраинах... Разными руслами на просторах России течет по существу единый процесс: умирает великая нация... Россия гниет и гибнет. А главное — она слабеет“...

... „Потому-то и кружат над ней... новые внешние опасности, что ослабела она, что, по-

добно Турции при последних султанах, превратилась в „больного человека“...

... „Два года назад захватнические замыслы в адрес России можно было лишь предполагать, и только у одного государства; теперь их число поднялось до трех, а их планы уже не предположение, а факт, доступный прямому знанию. Ставящиеся при этом задачи... включают в себе отторжение от России ее земель на западе, юге, востоке. Отечество должно быть отброшено от Черного и Балтийского морей, от Великого океана. От него должны отойти весь европейский юг, Кавказ, Среднеазиатские владения, вся огромная область за Байкалом“...

... „Положение — грозно... Внутренними бедами и внешними опасностями государство (Россия) поставлено... под угрозу исчезновения“...

— Попробовав посмотреть современной правде в глаза, г. Маслов сознательно не хочет смотреть ей в глаза до конца. Он намеренно не хочет видеть национально-освободительных движений народов, которые не только страдают, но которым, по признанию самого же Маслова, как раз и грозит голодное вымирание. Он тоже принадлежит к числу тех русских, для которых вымирание не русских народов (не великороссов) — меньшее зло, чем освобождение их и отделение от источника их гибели. Стоит ли повторять, что для лидера крестьянской России никакого казачьего вопроса не существует!

С большим докладом на тему „о международном положении, России и эмиграции“ выступил и ген. Деникин, так много сделавший в недавнем прошлом зла Казачеству, погубивший его освободительную борьбу 1918—20 годов и под ее развалинами похоронивший и свою „белую идею“...

Что же, научился ли чемунибудь за годы своего неудачного политическо-военного водительства, а потом и за годы эмиграции, генерал Деникин? — Ответ на этот вопрос совсем не трудный: ген. Деникин ничему не научился и, если бы только мог, с таким же точно „успехом“ и с теми же результатами проделал бы еще не раз 1918—1920 годы... Последнее его выступление — зарука тому.

Оценивая внутреннее положение в Сов. России, ген. Деникин признает, что „советская власть... углубила существовавшие и без того местные национализмы, создав благоприятную почву для центробежных устремлений“... Казаки, слишком хорошо знающие Деникина, нисколько не сомневаются и в том, что для него „наше (т. е. Деникина и русских) непротивление, наше попустительство, а тем более сотрудничество, не допустимы... Я восстаю всемерно против раздела“... („П. Н.“ 25 января).

Как и раньше, Деникин и сейчас считает, что самостийники всего лишь „создают благоприятное прикрытие для внешних сил — серьезных и враждебных“... (Там же). По сведениям Деникина: „Германию „интересуют“ Финляндия, балтийские республики, Украина, „казачьи государства“ (кавычки — Деникина), Кавказ и Тур-

кестан. Последние земли должны быть отторгнуты от России, а большевизм „останется достоянием Великороссии“... („П. Н.“ 24 января). „Вообще, утверждает ген. Деникин, история, политика и стратегия, не взирая ни на какие пакты, согласно указывают на обширную равнину между Вислой и Днепром, как на театр грядущих событий“... („П. Н.“ 23 января). — Не знаем, каков ген. Деникин историк; пусть оценят его, как стратега (а оценить есть что!), военные специалисты (и оценят, конечно, если не сейчас, то в будущем — наверное), но что он плохой политик, мы, казаки, знаем это слишком хорошо. Не будем, впрочем, спорить с ген. Деникиным, заметим только, что по нашему мнению театр грядущих событий далеко шире, чем указываемая им равнина между Вислой и Днепром.

Странные люди эти русские люди! Они видят, что среди поработанных русскими большевиками народов „местные национализмы“, существовавшие и без того, растут ныне и ширятся, растет их национальное самосознание и стремление к свободе; они (т. е. русские люди) видят, что народы эти безмерно страдают, что и духовно и физически они уничтожаются; они видят, что народы эти хотят спасти себя, хотят вырваться из железных объятий оккупантов, — вырваться и уж больше ни к кому в подобные „объятия“ не отдаться, — хотят жить своею собственною национальною и государственною жизнью... Все это русские люди видят и, тем не менее, все эти стремления народов к своему спасению, к своей самостоятельности, к тому, чтобы быть и жить своей волей и своим разумом, как живут все другие „исторические“ народы, — все это они хотят представить как... иноземные интриги. Русские сознательно обманывают самих себя и хотят обманывать других... Неужели ген. Деникин так таки взаправду думает, что казаки или украинцы так страстно борются сейчас за свое освобождение исключительно для того, чтобы одно ярмо заменить другим ярмом?

Нужно ли ко всему этому добавлять, что для ген. Деникина сейчас (как и тогда, в 1918—20 годах) никакого казачьего вопроса не существует, как не существует его и для ген. Миллера (нынешнего главы РОВС) — „врага всяких сепаратистских движений на русской территории“ („Возрождение“ 19 января)... Интересно отметить (особенно к сведению „русских казаков“), что для всех русских — Миллеров и Деникиных, Сталиных и Керенских — казачья территория — русская территория. Потому и распоряжался в свое время на ней ген. Деникин, как на своей территории. Потому и распоряжается сейчас там тов. Сталин — тоже, как на своей территории...

На ту же тему „о современном политическом моменте“ поместил большую статью („Суд идет!“) в двух номерах „Возрождения“ (2 и 3 февраля) его редактор, г. Семенов. Его оценка международного положения укладывается в конечном счете в две фразы: для него ясна „не-

избежность столкновения, в котором будет решаться судьба нашего отечества“, и он видит „относительную внутреннюю слабость всех государств“... Являясь сторонником свержения сов. власти „какою угодно ценою“, г. Семенов не прочь от „сговора с „самостийниками“ в целях совместной борьбы“... Чтобы не было недоразумений, следует добавить, что речь идет о тех самостийниках, которых г. Семенов может взять в кавычки... Какого же сговора с „самостийниками“ и ради чего хочет его г. Семенов? — А хочет он его „во имя идеи целостности России“ (теперь понятно, почему он самостийников берет в кавычки)... „Самый элементарный здравый смысл требует от нас (т. е. русских) стремиться к совместной, согласованной со всеми „самостийниками“ борьбе, к предварительному сговору с ними о практических возможностях и о методах борьбы“, кончает г. Семенов. Для вящей убедительности своего предложения, он напоминает, что „точку зрения о соглашении со всеми народами принял в 21 году Русский Национальный Съезд в Париже и в 1925 г. Зарубежный Съезд“.

Для большей ясности добавим и мы, что с самостийниками без кавычек г. Семенов договариваться совсем не собирается, ибо и для него разговоры о действительных самостийниках — „кошунственные разговоры“, а казаки вообще могут „не беспокоиться“: их г. Семенов не включает в число ни самостийников в кавычках, ни самостийников без кавычек, — с казаками г. Семенов собирается разговаривать не сговорами, а приказами.

Не существует никакого национального вопроса в России и для политика и экономиста проф. Бернацкого, выступившего с докладом в Российском Центральном Обединении в Париже тоже на тему „Россия и международное положение“ (см. „Возрождение“ от 10 февраля). О казаках же и их политических стремлениях этот профессор вряд ли вообще что слышал в своей жизни.

Что касается международного политического положения, то проф. Бернацкому тоже кажутся неизбежными „в ближайшем будущем тяжкие столкновения народов“. „Комбинации участников борьбы, ее размер и длительность, продолжает он, — не могут быть преуказаны с отчетливой достоверностью; можно только с достаточною определенностью установить, что все соперники, независимо от их официального отношения к СССР, будут склонны предвратить, приостановить или локализовать борьбу, может быть, за счет интересов России“.

— Итак, перед нами прошел целый спектр русских деятелей — от левых к правым. Все они не только откровенно высказались по интересующим и нас вопросам, но и борются или готовы бороться за осуществление своих взглядов и убеждений. С этой борьбой встречаемся часто и мы, казаки, когда защищаем свою точку зрения, когда боремся за осуществ-

вление своих политических идеалов, своего символа веры... Мы действительно живем в тревожное и ответственное время, когда нужно хорошо и отчетливо знать свои задачи и конечные цели, когда нужно знать не менее хорошо задачи противника и намерения и „ходы“ противников—„попутчиков“...

Из всех приведенных выше речей и заявлений деятелей русской эмиграции, представляющих все ее политические течения, нас интересовали прежде всего:

1. Оценка ими международного положения Сов. России, 2. отношение к национально-освободительным движениям народов СССР (или РСФСР) и особенно 3. отношение всех этих русских людей (как выразителей различных оттенков русской политической мысли и русских политических стремлений) к казачьему вопросу.

Как видим, все представители русской эмиграции сходятся на оценке международного положения Сов. России, и эта оценка, весьма неблагоприятная для Сов. России, рассматривается ими как угроза для России вообще, и это тревожит в одинаковой мере почти всех выступавших. Русские видят, что среди подвластных ныне большевикам народов растут и развиваются национально-освободительные движения, стремящиеся к политическому сепаратизму и государственной самостоятельности, но признавать эти движения они не хотят; в целях же облегчения своей борьбы с этими национальными движениями, они стараются представить их, как внешние интриги, направленные к разделу

России. Что касается казачьего вопроса, то такового не существует почти для всех русских, даже для тех, кто в трудную минуту готов идти на федерацию с Украиной и даже с Грузией.

Для кого не существует казачьего вопроса, для того не существует и самого Казачества; существуют иногда „казачки“, как пушечное мясо — не больше...

Из всего этого казаки должны сделать свои выводы. Должны сделать их обязательно, если хотят жить, если хотят сохранить себя, если хотят творить сами свою историю, если хотят жить хозяевами на своей земле и если хотят сохранить за собою эту землю и хотят строить на этой своей земле свой Дом... Должны сделать выводы и соответственно тем выводам поступать.

Мы, вольные казаки, эти выводы сделали. Сделали их до конца. И за эти выводы боремся... Сегодня же мы хотим обратиться ко всем тем нашим братьям по крови, которые еще не с нами, чтобы и они попробовали разобраться в современной обстановке и своевременно подумали о судьбе Казачества... Друзей, ведь среди русских нет не только у казаков-самостийников, но и у „русских казаков“... Не будем и скрывать, что говорим мы это вам — сегодня еще „русским казакам“ — для того, чтобы меньше пришлось нам тратить своих сил на борьбу взаимную в казачьем лагере, ибо слишком много их нужно будет для борьбы внешней за долю и волю казачью. А борьба эта, может быть, не так уж и далека.

Очередное и назревшее.

Станичник редактор!

Извиняться за свою не слишком большую грамотность не буду, ибо не по своей воле я не имела возможности учиться в школе. Как писать и читать научил меня покойный отец мой. Да и знаю я, что Вы не чуждаетесь малограмотных...

Услышите голос жен зарубежных казаков-эмигрантов и на страницах уважаемого журнала „ВК“ уделите место для пары строк. Вы разбудили наших заспавшихся мужей, а они разбудили нас, своих жен; поэтому — не обижайтесь за беспокойство... Вправе ли мы, связавшие свою судьбу с казаками и вместе с ними переносящие всю тяжесть их бедствий и бесприютности, тоже влюбиться в „Черного Всадника“? Думаю, что да. Думаю также, что и помочь общему вольно-казачьему делу мы должны всем, чем можем. Главная наша помощь, по моему, должна состоять в воспитании нового поколения казаков во внушении казачатам с детства любви к неизвестной пока ими Родине — родине славного Казачества. На обязанности жен вольных казаков лежит воспитание будущих вольных казаков, которые в свое время

должны будут сменить нынешнее поколение и продолжить начатое Вами дело.

Я не знаю, имеем ли мы (не казачки по происхождению) право считать себя казачками... Лично я даю Вам трех казачат-богатырей. Если этого недостаточно для того, чтобы быть казачкой, то я все же, хоть „самозванно“, обращаюсь к зарубежным матерям-казачкам:

Дорогие матери-казачки зарубежья! С девичьей недалёковидностью отдали мы себя навсегда чужим людям, изгнанникам казакам, которых мы знали раньше только по наслышке. Свядав свою судьбу с ними, мы этим самым лишились права иметь Родину и должны вместе с нашими мужьями пить горькую чашу бесправного и тяжелого существования. Что же нас заставило связаться с этими бездомными скитальцами, с людьми неизвестными, имя которым казаки, с людьми, о которых в детстве слышали много страшных рассказов, рисующих их непобедимость, зверства и насилия? Почему мы предпочли их нашим соотечественникам, у которых и Родина есть, и родные, и собственность? — Да потому, что, увидев их на положении изгнанников, мы были побеждены их

трудолюбием, бодростью духа, удастью, доверчивостью, честностью и откровенностью. А пожив с ними, мы убедились в лживости старых рассказов, представляющих казаков в виде грабителей и насильников. Кому-то, видимо, шло на пользу это вранье...

Теперь мы стали матерями. Задумывались ли вы когда нибудь о будущем наших детей и задавали ли вы себе вопрос, что мы им должны внушать и чему учить? Многие из наших мужей, работая в глуши, не имеют возможности посылать своих казачат в школу, хоть и в чужую. Мы должны заменить мужей в деле воспитания детей, давая этим самым возможность нашим мужьям отдохнуть лишний час после работы. Получаемое в школах образование мы тоже должны дополнить хотя бы рассказами о Казачестве. Из рассказов мужей мы многое знаем о прошлом Казачества — славной и многострадальной родине наших детей. А что не знаем, — почерпнем в журнале „ВК“. Внушим нашим детям интерес к славной истории их предков, научим их любить Родину свою Казакию, страдающую ныне в лапах красных русских людоедов; воспитаем их так, чтобы они в нужный момент не пощадили бы своих жизней для Родины!

Однажды станичник Минаев в своей речи упрекнул наших мужей в том, что они „акклиматизировались, подпали под влияние своих зарубежных жен, забыли славное прошлое Казачества, забыли свой язык“ и выразил опасение за судьбу потомства... Станичник Минаев, к сожалению, был отчасти прав. Мужья наши, стойко боровшиеся за Родину, пролившие много крови, потерявшие здоровье и лишившиеся, наконец, Родины — обессилили, а после того, как увидели измену своих вождей, которые, кроме устройства балов, ничего для спасения Казачества не делали, стали терять веру... И если бы неутомимый редактор г. Билый не выступил на страницах „ВК“ с горячей проповедью о служении Казачеству, о работе для его спасения и

возрождения, наши мужья расказачились бы и... уснули.

Так давайте же, зарубежные казачки, постараемся сделать все от нас зависящее для того, чтобы ст. Минаев не имел больше основания бросать упреки по адресу наших мужей! Я предлагаю вам обратиться к редактору „ВК“ с просьбой придти нам на помощь в деле воспитания наших детей в казачьем духе. Предлагаю вам обратиться к И. А. Билому с просьбой издать:

1. Букварь для детей с картинками из казачьего быта и с соответствующим текстом.

2. Краткую, понятную для детей историю Казачества.

3. Краткую детскую географию Казачьих Земель с описанием быта, нравов и занятий жителей Казакии.

Если найдется возможность издать эти учебники, то долг каждой матери-казачки — найти средства на приобретение их, и тогда — с Богом за дело!

Там, на родной Казачьей Земле, — красные русские уничтожают Казачество. Здесь — мы должны сохранять его. Если нам самим не придется отдохнуть в тени казачьих виноградников, то подготовим хоть наших детей к работе по осуществлению этой мечты... Воспитаем из них крепких духом казаков, которые способны будут к борьбе за осуществление вольно-казачьих идеалов и смогут вернуть Казачеству и свободу, и благополучие.

Казачка-мать! От тебя зависит доля твоих детей. Если ты сможешь научить их любви к Родине, сумеешь внушить им сознание долга перед родным Казачеством и воспитаешь из них будущих стойких бойцов, — они не будут чужими батраками, у них будет своя Родина и будет право пользоваться ее несметными богатствами.

Казака В. В. Д. Д. Уварова жена ЮЛИЯ, мать трех сыновей и одной дочери.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

События на Кубани.¹

Кубанские казаки и горцы, неся огромные потери убитыми, ранеными и от усилившегося до небывалых размеров сыпного тифа, в декабре 1918 г. и в январе 1919 г. одержали блестящие победы над противником и при помощи терских казаков очистили от большевических армий весь Северный Кавказ.

В это время в казачьем тылу царил полный политический хаос. Победившие на атаманских выборах в декабре 1918 г. (см. ч. I. Траг. Каз.) кубанские „русские казаки“ стремились взять всю власть в свои руки. Действуя в полном контакте с Деникиным, они ввели в состав Кубанского Правительства людей, преданных идее

служения Великой России и стоявших за самое тесное военное, политическое и хозяйственное сотрудничество с русскими людьми, возглавлявшимися ген. Деникиным. В составе Кубанского Правительства видим, прежде всего, тех особ, которые, как авторитетно свидетельствует ближайший сотрудник ген. Деникина, проф. Соколов, еще осенью 1918 г. дали закулисное обещание поддерживать ген. Деникина (Соколов. Правление Деникина, стр. 37-39); это — председатель Куб. Правительства Ф. Сушков, министр юстиции П. Каплин и мин. земледелия Д. Скобцов. Далее, в состав Правительства входили: военный министр ген. Науменко, который был представителем Деникина на Краевой Раде в ноябре 1918 г. (Деникин. Очерки, т. IV, 45), и

министр внутренних дел, ген. Н. Успенский, который предлагал выбрать генерала Деникина в Атаманы Кубани — „для согласования деятельности Кубани и Доброй армии“ (там же, стр. 53). Все эти твердые сторонники России и Деникина в составе Кубанского Правительства, как видим, ведали наиболее важными сторонами жизни Кубанского Края. В составе этого Правительства не было ни одного кубанского самостийника.

При этом необходимо особенно подчеркнуть и то обстоятельство, что кубанские самостийники не только во время выборов Атамана, но и известный промежуток времени после этих выборов проявляли неясность линии поведения и даже некоторую растерянность.

Атаман, ген. Филимонов, хорошо зная, что явное большинство Кубанской Краевой Рады и населения Кубани, без сомнения, являются несомненными защитниками самостийности Кубани, видя, что в Кубанские Атаманы он был избран незначительным и случайным большинством голосов, только благодаря растерянности в среде тогдашнего состава вождей самостийников и открытому давлению со стороны представителей Англии и Франции, — предложил некоторым руководителям самостийной группы принять прямое участие в составлении Кубанского Правительства. Однако, быв. председатель Куб. Правительства с ноября 1917 г. и до декабря 1919 г. Л. Быч, председатель Краевой Рады Н. Рябовол и Ив. Макаренко, не посоветовавшись со своей группой, ответили Атаману, что „сторона, получившая большинство в Раде, должна стать у кормила правления“ (Стенограмма засед. Куб. Зак. Рады, 5. II. 1919).

Формально они были правы, но по существу такой ответ был ошибкой, хотя и было известно, что ген. Филимонов делал свое предложение, только продолжая вести сложную русскую игру вокруг кубанских вооруженных сил, что в действительности ген. Филимонов не хотел допустить самостийников к участию на руководящих постах в Кубанском Правительстве.

Отказавшись принять участие в составлении Кубанского Правительства, самостийная группа, естественно, не собиравшая прекращать борьбу ради окончательного освобождения Кубани не только от красной, но и от белой России. 15-го декабря 1918 г. в председатели Куб. Зак. Рады был избран самостийник Л. Л. Быч, отправлявшийся за границу во главе Кубанской Делегации, избранной Кубанской Краевой Радой; товарищем председателя Зак. Рады был избран самостийник Султан-Шахим-Гирей и Краевым контролером — самостийник Ив. Макаренко. Таким образом, Кубанское русское Правительство Ф. Сушкова должно было работать под непосредственным контролем Куб. Законодательной Рады, имевшей самостийническое большинство.

Вообще на Кубани создавалось чрезвычайно запутанное и ничего доброго не предвещавшее положение: насквозь пропитанное самостийническим духом законодательство Кубанской Краевой Рады — с одной стороны, и на посту Атамана „русский казак“ единоевропейец, сторонник Деникина, Филимонов — с другой; блестяще бьющие противника кубанские войска, охваченные вековым духом казачьей самостийности, — с одной стороны, и над ними в роли главнокомандующего — русский телом и духом ген. Деникин с его кубанскими помощниками — Атаманом Филимоновым и военным министром ген. Науменко; больше чем руссофильское Правительство Ф. Сушкова, и над ним — контроль самостийнической Законодательной Рады; без сомнения, героические кубанские войска, начиная с июня 1918 г., разгромили во многих боях большевицкие армии и очистили Кубань, Ставропольскую и Черноморскую губернии, Терскую обл. и часть Дагестана, теперь должны были выходить на север для непосредственной помощи Дону, но их вел туда русский ген. Деникин, всеми силами стремившийся доблестные кубанские полки втянуть в борьбу России белой с Россией красной, а значит, на плечи кубанцев возложить бремя, которое они не в силах были снести, во-первых; и принудить кубанцев делать совершенно ненужное для интересов Кубани дело, во-вторых. Ко всему тому еще кровоточили раны, нанесенные Кубани внутренней вооруженной борьбой между кубанскими иногородними, поддерживавшими советскую власть, и кубанским казачеством... И

при этих условиях надо было организовывать оборону от 4-х русских армий, двигавшихся с севера на завоевание Казачьих Земель и для уничтожения Казачьих Республик...

Кубанское Правительство Ф. Сушкова немедленно приступило к углублению и укреплению русского влияния на внутреннюю и внешнюю политику Кубани. Не имея возможности из-за недостатка места обстоятельно останавливаться на деятельности этого Правительства, отметим только некоторые факты.

Правительство Сушкова немедленно „восстановило в правах русские газеты „Россия“, „Утро Юга“ и „Кубанец“, которые были закрыты, и типографии их были опечатаны министром внутренних дел А. И. Кулабуховым во времена правления Правительства Л. Быча.

Правительство Ф. Сушкова наводило Кубанский казачий фронт русскими газетами и особенно черносотенной и единоевропейской газетой „Великая Россия“, бывшей официозом Добровольческой армии. До чего доходило в своей деятельности это Правительство, видно из объяснений председателя его Ф. Сушкова, данных им по поводу рассылки русских единоевропейских газет казакам в заседании Куб. Зак. Рады 5-го февраля 1919 г., при обсуждении в Раде декларации этого Правительства: Правительство, говорил Ф. Сушков, „рекомендовало посылать на фронт в некоторых случаях газету „Великая Россия“, но не за направление ее, а потому, что там помещаются приказы, как в официальном органе Добровольческой армии, потому что помещать длинные приказы в „Вольной Кубани“ (официальный орган Кубанского Правительства) нельзя было, так как не хватало места“ (стенограмма засед. Зак. Рады 5. II. 1919). Таким образом, Кубанская Республика доборолась до того, что официальный орган Добровольческой армии, проповедывавший государственные идеи, отброшенные Куб. Краевой Радой, стал фактически официальным органом и Кубанского Правительства. Согласно объяснению Ф. Сушкова, богатая Кубань не могла найти места в официальном правительственном органе — „Вольной Кубани“ — для помещения необходимых с точки зрения Правительства материалов и пошла „в приемы“ к „Великой России“, издаваемой на той же Кубани русскими людьми без своей территории. В то же время Правительство Сушкова (собственно, министр внутр. дел, генер. Успенский) штрафовало единственную на Кубани газету с самостийническим направлением — „Кубанский Край“ (та же стенограмма).

В то же время на территории Кубани продолжала действовать военная и гражданская власть Деникина. Деникинская контр-разведка наводила ужас на мирное население, подрывая авторитет органов власти Куб. Края и сея обоснованные сомнения в демократизме Кубанской Республики. Как мы упоминали выше, эта контр-разведка в январе 1919 г. арестовала в ближайшей к столице Кубани станице Пашковской четверых ни в чем неповинных казаков и по дороге в Екатеринодар застрелила их. Деникин действовал на основании русского „положения о полевом управлении войск“, при чем председатель Правительства пояснил в Зак. Раде, что осуществление власти Деникина в пределах Кубанской Республики „является неизбежным; раз здесь находится штаб Армии, то у штаба Армии должны быть известные права, и их штаб должен осуществлять“ (стеногр. заседания Зак. Рады 5. II. 1919 г.).

Кубанские казаки и горцы проливали кровь на фронте в борьбе с красной Россией, а под защитой казачьих сабель и штыков в казачьем тылу, при поддержке Кубанского Правительства, широкой рекой лилася проповедь необходимости построения Единой Неделимой России; на Кубани безнаказанно и бесцеремонно действовала власть Деникина, и его контр-разведка убивала невинных кубанских казаков на основании... русского „положения о полевом управлении войск“...

Кубанская Краевая Рада категорически отбросила претензии Деникина на диктатуру, Рада единогласно приняла Кубанскую Конституцию, закон об Армии, выбрала Заграничную делегацию. Тогда „белая“ Россия обошла Кубань с тыла — через дворец Атамана и теплые кабинеты членов Кубанского русского Правительства — и тихой сапой „белая“ Россия подкладывала

мины под молодую и еще не окрепшую Кубанскую Республику.

Правительство Сушкова немедленно приняло также меры в том направлении, чтобы и на фронте внешних сношений Кубанской Республики защищались бы интересы России. Мы уже говорили выше о том, что Кубанская Рада избрала Заграничную делегацию во главе с Л. Бычом. Не только глава делегации был кубанским самостийником, но и среди членов делегации были последовательные самостийники и твердые противники „единой неделимой“: покойный А. И. Кулабухов, И. А. Бильный, А. А. Намитоков, С. Ф. Манжула, ген. Савицкий. Словом, в Кубанской делегации явно преобладали самостийники. Правительство Сушкова не могло приостановить выезда этой делегации за границу. Тогда русские и кубанские защитники единой и неделимой России решили аннулировать работу этой опасной для них делегации путем посылки за границу параллельной делегации от Правительства Сушкова. В состав этой, другой, делегации Кубанское Правительство ввело известного на Кубани русского эсера, бывшего комиссара Временного Правительства, Н. С. Долгополова, столько же причинившего кубанскому казачеству в 1917 г. (см. ч. I. очерков Трагедия Казачества, стр. 28-29, 53). Вокруг заграничного представительства Кубани началась острая закулисная борьба. Параллельные выступления двух делегаций Кубани за границы были, конечно, недопустимы. В результате вырост новый компромисс: Кубанский Атаман и Правительство назначили еще и Особую Кубанскую Делегацию в составе: Л. Л. Быча (казак — самостийник), Н. С. Долгополова (русский иногородний — единоеделимец) А. А. Намитокова (черкес — самостийник), и Д. А. Филимонова (казак — единоеделимец, племянник Атамана Филимонова). Наказ, данный этой Особой делегации, свидетельствовал о том, что защитники России снова одержали победу над самостийниками. За границу выехало две делегации: от Краевой Рады и Особая. Обе возглавлял Л. Быч.

Если подвести общие итоги внутренней борьбы, происходившей на Кубани в 1918 г., можно сделать следующие выводы:

1. Весьма серьезная поддержка, которую оказало Советской России иногороднее население Кубани не только морально, но и путем массового вступления в большевистские войска и даже путем создания отдельной Таманской армии, разделило Кубань на два основных, явно враждовавших между собою лагеря; не более $\frac{2}{3}$ населения Кубани вело активную борьбу против советской России. Это внутреннее разделение Кубани до чрезвычайности ослабило ее и в борьбе с другим противником — „белой“ Россией.

2. Противобольшевистская Кубань, в свою очередь, разделилась на два лагеря: сторонников России, а значит и сторонников живого носителя идеи „единой неделимой“ — ген. Деникина, и — самостийников Кубани. Большинство противобольшевистского населения Кубани являлось неорганизованной самостийнической стихией. Сторонники России в своей деятельности опирались: а) на Добровольческий русский центр, б) на Союзников, в) на официальных руководителей политики Дона. Самостийники не имели внешних сил, на которые они могли бы опереться.

3. Самостийники проиграли в вопросе установления на Кубани исполнительной власти (Атамана и Правительства), и Кубань несла все тяжелые последствия этого проигрыша.

4. Сторонники России не могли все же чувствовать себя уверенно на Кубани, ибо а) постановления Краевой Рады по всем основным вопросам были всецело самостийнические, и именно эти постановления исполнительная власть Кубани должна была проводить в жизнь, б) Законодательная Рада, как живая Кубанская совесть, висела над Кубанским Правительством, в) Союзники присылали оружие, но не давали солдат, и русские единоеделимцы должны были среди населения Казачьих Земель искать живых людей, которые бы воевали не только ради защиты родной земли от нашествия красных армий, но добровольно согласились бы идти вглубь Великороссии, сметая с пути многочисленные

русские красные армии и всюду насаждая представителей „белой“ русской власти; г) чрезвычайно слабый приток русских добровольцев в армию Деникина не позволял ему, Деникину, и всем его тайным и явным сторонникам собрать вооруженный русский кулак, которым можно было бы одновременно бить и русские красные армии, и самостийников; вследствие этого русские люди беспощадно ругали и большевиков, и самостийников в русских газетах, кипели ненавистью на всех своих сборищах, но сами не имели сил ни для борьбы против красной России, ни для борьбы против самостийников.

Деникин и весь сонм русских людей, давно проживающих на Казачьих Землях или прибывших сюда только во время Мировой войны 1914-1918 г. г. и революции, при создавшейся обстановке не хотели отказываться от мечтаний об освобождении казачьими руками „Матушки России“ и от одновременной борьбы против казачьей же самостийности. А казаки самостийники должны были вести войну против России красной и в то же время не хотели и не смели допустить победы над собою и „белой“ единой и неделимой России... Деникин исключал самостийность казачью, украинскую и всякую иную, а самостийники исключали единую неделимую Россию, как красную, так белую и всякую иную. Ни одна из сторон — ни Деникин, ни самостийники — не могла ликвидировать другую силою оружия и всецело в свои руки взять ведение войны против России красной, но в то же время ни одна из сторон не хотела добровольно уйти с поля боя. Вследствие этого обе силы оставались на одной и той же территории, одновременно искали поддержки среди населения, одновременно обращались к внешним силам, каковыми тогда были союзники.

Организация Кубанской армии.

Кубанских казаков в высшей степени тревожил вопрос об организации самостоятельной Кубанской армии. Краевая Рада единодушно отвергла требование Деникина, чтобы Рада отказалась от организации своей армии и помогла бы организовывать единую русскую армию. Уже через два дня после выборов Атамана члены Рады (7-го декабря) с тревогой спрашивали Атамана Филимонова, почему не издан приказ о немедленном проведении в жизнь утвержденного Краевой Радой закона о Кубанской Армии (см. ч. I Очерков Траг. Казачества).

Все единоеделимцы прекрасно понимали, что Краевая Рада потребует по этому поводу ясного ответа. Ни Кубанский Атаман, ни Кубанское Правительство никак не могли обойти молчанием этот жгучий вопрос. Нелегкое положение создавалось и для русских людей: допустить организацию отдельной Кубанской армии значит — укреплять самостийность Кубанского Края, а не допустить, значит — рисковать, что Краевая Рада прогонит Атамана Филимонова, и этим самым будет разрушена с таким трудом поставленная русская власть над Кубанью. Русские люди, в целях и дальнейшего удержания Кубанских вооруженных сил в своих руках, нашли временный выход из весьма тяжелого положения. Этот выход заключался в следующем.

В декларации Кубанского Правительства Ф. Сушкова, зачитанной на публичном заседании Кубанской Законодательной Рады 29 января 1919 г., говорилось, между прочим, следующее:

„Ряды доблестных бойцов, которых Правительство приветствует со всей благодарностью и восхищением, справедливо ждут от нас полного внимания к их интересам и нуждам фронта. И правительство заявляет, что эти интересы и нужды для правительства являются первыми и важнейшими. Вопрос о военной реформе не только поставлен на очередь, — он почти разрешен. Через несколько дней мы будем иметь возможность и счастье приветствовать особую Кубанскую Армию, объединенную общим командованием со всеми армиями юга России. Продвижение частей Кубанской Армии с Кавказского на другие фронты не будет

производиться без согласия Войскового Атамана. Казаки будут служить только в своих частях и выделение казаков из неказачьих частей будет закончено в ближайшие дни. Вообще в военных вопросах Правительство с первых дней своей деятельности приняло все меры к осуществлению положений, которые были приняты в военной программе Краевой Рады. Многие уже сделано, остальное подлежит осуществлению в ближайшем будущем.“ (Взято из печатного экземпляра декларации Кубанского Правительства Ф. Сушкова, 29. I. 1919.).

Как видим, эта декларация Правительства возвещала населению Кубани, что наиболее больной и жгучий вопрос об организации самостоятельной Кубанской армии Кубанским Правительством уже разрешен и, как говорила совершенно ясно декларация, — „через несколько дней мы будем иметь возможность и счастье приветствовать особую Кубанскую армию“. Эта декларация читалась публично с трибуны Законодательной Рады и в печатном виде долетела до самых отдаленных уголков Кубани. Эту декларацию подписали: председатель Правительства Ф. Сушков, члены Правительства генерал-майор Успенский, генерал-майор Науменко, Д. Скобцов, П. Каплин, А. Трусовский, И. Подольский, Р. Натырбов, Я. Верещака, В. Скидан и и. д. секретаря Правительства П. Шрам.

И самые принципиальные и упорные противники Кубанского Правительства Сушкова были обезоружены. Всем хорошо известно, что это Правительство действует в полном контакте и согласии с Деникиным и его Особым Совещанием. Поэтому не было никакого сомнения в том, что военная программа деятельности правительства была объявлена в Раде с ведома Деникина, и многим хотелось верить, что и руководители русского движения на Казачьих Землях поняли, наконец, что без укрепления государственной самостоятельности Казачьих и иных Земель невозможно ликвидировать большевизм. Известно было, что еще 27 декабря 1917 г. руководители зарождавшейся тогда еще только Добровольческой армии выпустили воззвание, в котором между прочим было провозглашено: „Рука об руку с доблестным Казачеством, по первому призыву его Круга, его Правительства и Войскового Атамана, в союзе с областями и народами России, восставшими против немецко-большевицкого ига, — все русские люди, собравшиеся на юге со всех концов нашей родины, будут защищать до последней капли крови самостоятельность Облостей, давших им приют“ (см. ч. I. Траг. Казачества, стр. 92—93). Можно было думать, что год тяжелых неудач и разочарований, понесенных мечтателями о единой и неделимой России, в конце концов, заставил их здраво взглянуть на реальную действительность: тот народ, русский народ, который носители добровольческой идеи думали спасти от большевицкого порабощения, сам стал в рядах многочисленных русских большевицких полков и под руководством унтер-офицеров, офицеров и почти всего генерального штаба старой царской русской армии, не только отбивал все белые армии на всех фронтах, но сам со своей территории, из Великороссии, с мечом и огнем ринулся на территории соседних народов... Ставка белых на дивизии Союзных войск также была проиграна... И многие казаки поверили, что декларация Кубанского Правительства Ф. Сушкова в вопросе об Армии была действительно тем словом, которого так долго ждала Кубань от представителей русского политического течения среди Кубанского казачества. Это — защита и укрепление кубанской самостоятельности, это мобилизация и железное единение всех кубанских сил перед лицом надвигающихся беспощадных русских красных армий, несших Кубань кровь, разорение и вообще страшное порабощение. Ведь для блага Кубани надо было только честно и твердо провести в жизнь постановления Кубанской Краевой Рады...

Наконец, совершилось событие, которое могло окончательно рассеять все сомнения в вопросе об организации Кубанской армии: 1-го февраля 1919 г. открывались заседания Кубанской Краевой Чрезвычайной Рады, и в самый этот день появился приказ № 172 Кубанского

Войскового Атамана, ген. Филимонова, подписанный также тогдашним военным министром Кубани, ген. В. Г. Науменко, гласящий:

„... Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую Армию...“

С этого дня все вооруженные силы, выставаемые Кубанским Краем, объединяются в Кубанскую Армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мне...

... Для дальнейшей борьбы с большевиками Кубанская армия будет выделять части войск, сведенные в Кубанский корпус... а остальные части армии будут заканчивать очищение, обеспечение и умиротворение Края“... (Деникин. Очерки, т. IV, стр. 58).

Приказ Атамана абсолютно ясно говорил: „С этого дня все вооруженные силы, выставаемые Кубанским Краем, объединяются в Кубанскую армию“... Наконец-то разрешен положительно самый кардинальный вопрос! Подтверждение этому Казачество услышало из уст ген. Деникина 3-го февраля на Донском Кругу в Новочеркасске, где главнокомандующий, еще недавно отрицавший даже самую возможность организации отдельной Кубанской армии, в своей публичной речи перед казачьими депутатами вдруг заговорил о существовании Кубанской армии, как о бесспорном жизненном факте: „И в героической борьбе Дона, вместе с Добровольческой и Кубанской армиями“... (Деникин, т. IV, 79). Уже за границей ген. Деникин, безуспешно стараясь выпутаться из опутывающего его со всех сторон клубка неправды, по поводу приказа Кубанского Атамана 1-го февраля 1919 г. об организации Кубанской армии, говорит, что будто бы этот приказ Атаман Филимонов издал — „без соглашения со мною“ (с Деникиным) (Очерки, т. IV, стр. 58). Но тогда почему сам Деникин через два дня после издания этого приказа говорил на Донском Кругу о существовании Кубанской армии?

Почему в Указе Войскового Круга Донской армии, изданном 4-го февраля (значит, на четвертый день после издания Кубанским Атаманом приказа об организации Кубанской армии и на другой день после выступления ген. Деникина на этом Донском Кругу), тоже говорилось о существовании Кубанской армии?

И декларация Кубанского Правительства Сушкова, и приказ Куб. Атамана, и речь Деникина на Донском Кругу, и Указ Донского Круга Донской армии были полностью, широко и своевременно опубликованы в газетах и стали достоянием общественности. При этих условиях, кто мог сомневаться в том, что Кубанская армия существует уже в действительности, что эти публичные торжественные выступления ответственных руководителей казачьей и русской политики являются действиями честных людей, а не очередным обманом в нехорошей игре, которую вели русские люди на Казачьих Землях... Ведь факт существования Кубанской армии был опубликован перед казачьими представителями на Кубани и на Дону...

И Кубанская Квасевая Рада, собравшись в столице Кубани 1-го февраля, и население Кубани облегченно вздохнули, ибо все видели теперь, что, наконец, положительно разрешен тот больной вопрос, вокруг которого до сих пор были самые острые и чрезвычайно болезненные трения (см. ч. I. очерков Трагедия Казачества, стр. 163—168, 219—220, 236, 250). Наконец то проводится в жизнь п. 3 соглашения между Кубанской властью и командованием Добровольческой армии, подписанного в ст. Ново-Дмитриевской 17 марта 1918 г., гласящий:

„Командующий войсками Кубанского Края с его начальником штаба отзываются в состав Правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии“ (Трагедия Казачества ч. I, стр. 100).

Известно, что это соглашение было добровольно подписано русскими генералами: Алексеевым, Корниловым, Деникиным, Эрдели и Романовским и, следовательно, было обязательно для них.

Создание самостоятельной Кубанской армии, без сомнения, обезоружило самостийников — противников ген. Филимонова и Правительства Сушкова, так как и Атаман, и Правительство открыто пошли на так необходимое укрепление самостийности Кубани. Русские люди за короткий промежуток времени, с 29 января до 4-го февраля, пять раз публично и торжественно заявили о существовании Кубанской армии: в декларации Правительства Сушкова, в приказе Кубанского Атамана, в его же речи на Раде, в речи Деникина на Донском Кругу и в Указе Круга. Несмотря на это, все эти выступления русских людей были самым смелым и самым недопустимым и открытым обманом Казачества, так как фактически к организации Кубанской армии не было приступлено ни 1-го февраля, ни позже. И в этом неслыханном обмане приняли участие севодлаские выборные правители Казачества... Мы уж не говорим о русских генералах — Деникине, его начальнике штаба Романовском и многих других, славных и незабвенных „птенцах гнезда Деникина“... Выборными представителями Казачества, принявшими непосредственное и сознательное участие в этом очередном обмане рядового Казачества и рядового казачьего офицерства, несших на своих плечах всю тяжесть борьбы с русским большевизмом, этими выборными правителями забыты были совесть, честь достоинство человека, наконец, забыты были торжественная присяга, собственные слова и клятвенные обещания... Казачество было обмануто в минуты тяжчайших испытаний, грозивших его существованию.

А ради чего было обмануто, ради каких земных или небесных благ? Ценою неслыханного обмана было достигнуто оставление у власти на Кубани ген. Филимонова и Правительства Сушкова, и этим дана была возможность Деникину продолжать и далее работу опутывания Казачества ради вывода его вооруженных сил на кровавую и проклятую московскую дорогу, откуда представители бывших правящих классов России беспрерывно слышали такой приятный, манящий и много обещающий малиновый звон.

Русская и казачья точка зрения на борьбу с большевизмом.

В прогивобольшевицком лагере шла весьма серьезная борьба вокруг двух основных точек зрения на организацию противобольшевицких сил и на конечные цели самой борьбы.

Одни боролись за то, чтобы на место единой и неделимой большевицкой России поставить единую и неделимую белую Россию. Эту точку зрения в общем поддерживали все русские политические партии и политические группировки: Совет Государственного Объединения, Национальный Центр и Союз Возрождения России. Между русскими партиями, политическими группами, различными профессиональными и экономическими организациями были известные трения, даже политические распри, но все они сходились на одном — единая Россия. В своей деятельности носители этой идеи опирались на традиции несколько веков существовавшего русского государства с единой русской армией, русской церковью, русской школой, русскими законами и судами, русской администрацией и т. д. Защитники этой идеи шли „восстанавливать“, „возрождать“, „воскрешать“ и т. д. поруганную Матушку Россию или „Великую Свободную Россию“ или „Великую Свободную Демократическую Россию“, а некоторые добавляли к этому последнему титулу еще и „Федеративную“.

„Белая“ Россия пробовала действовать на территории нерусских народов, где только среди городского населения русские составляли иногда значительный процент; сельское же население являлось казаками, украинцами, горцами... Правда, в освобожденных от большевицкой власти районах скоро поднимались на поверхность общественной и политической жизни обломки старых русских классов и сословий — помещиков, фабрикантов, купцов и т. д. — русской администрации, судебных деятелей, офицерства, земских и городских деятелей, учителя, журналистов и т. д. Они издавали газеты, составляли партии, и их объединения устраивали конфе-

ренции, съезды, собрания, митинги, выносили протесты, пожелания, требования и т. д. Но... неустовую войну они поднимали только на словах, в армию же не шли... Если только отступала Казачья или Украинская, или какая либо другая национальная армия, эти на словах храбрые русские люди с криком и шумом, с визгом и слезами первыми бросались убежать в глубокий тыл, к берегам Черного и Азовского морей, в Крым, забывая станции железных дорог, портовые города, пароходы и вообще все средства передвижения... В русскую армию Деникина русские люди не шли, и поэтому эта армия никогда, собственно, не была армией, никогда она не собирала такого количества добровольцев, которыми можно было бы укомплектовать хотя бы одну дивизию нормального боевого состава (15-16 тысяч штыков).

Сила Деникина заключалась в том, что его активно поддерживала часть казачьих верхов и помогала ему обманывать и опутывать рядовую казачью массу... При чем, только за границей, на основании неопубликованных самими русскими, конечно, далеко неполных, данных, на основании данных, опубликованных большевиками, и документов, которые доступны нам, можно шаг за шагом проследить и раскрыть весьма сложную и закулисную, и публичную работу предательства, которым был опутан казачий тыл и казачий фронт... Если бы все то, что известно хотя бы нам теперь, за границей, было известно тогда, дома, в период самой тяжелой борьбы, можно было бы сравнительно легкой операцией удалить гнойник на казачьем теле, можно было бы изолировать вредные элементы и, без сомнения, Казачество с немалым успехом, нежели эстонцы, или финны, или латыши, могло бы освободить свою землю и не допустить всего того, что теперь творится на казачьих землях..

Руководители русского „белого“ движения хорошо понимали, что ни казаки, ни украинцы за ними не пойдут; поэтому они искали, и весьма настойчиво, иностранной помощи войсками. По этому вопросу мы уже приводили раньше достаточно документальных данных. Теперь же пополним их некоторыми новыми:

5-го января 1919 г. Деникин телеграммой просил французского генер. Бертелло о „возможно скорой присылке Союзных войск на Украину“.

Ответ на эту телеграмму не последовало.

19 января ген. Деникин телеграммой на имя того же генер. Бертелло просил „срочно занять, хотя бы маленькими Союзными гарнизонами, Мелитополь, станции Сиваш, Перекоп, Джанкой, Евпаторию, Симферополь, Феодосию и Керчь“.

4-го февраля ген. Бертелло ответил, что исполнить просьбу эту он не может.

15-го января Деникин обратился непосредственно к главнокомандующему Союзными армиями, маршалу Фошу, с такой телеграммой: „Пока на эле живом теле России идут споры и дебаты дипломатов, рушатся постепенно наши надежды. В грозной опасности Дон, пал Оренбург и Уральск, накануне анархии Малороссия, а Центральная Россия умирает. Я обращаюсь к Вашему солдатскому сердцу. Скажите Союзным Правительствам, что время разговоров миновало, что мы истекаем кровью, что необходима реальная помощь, которой мы не видим“.

На эту телеграмму ответа не последовало.

29-го января Деникин вновь телеграфировал французскому генер. Франшэ д'Эсперрэ: „Целым рядом телеграмм я просил оказать содействие Союзными войсками на Донском фронте. Значение этого фронта в борьбе с большевиками громадно, как прикрывающего Донецкий каменноугольный район и пути к богатому Северному Кавказу и портам Азовского и Черного морей“...

2-го февраля Деникин снова просил о помощи ген. Франшэ д'Эсперрэ и ген. Бертелло.

19-го февраля Деникин телеграфировал маршалу Фошу: „28-го января нов. ст. (15-го старого стиля) я обратился к Вашему Превосходительству с просьбой немедленной помощи. До сих пор таковая прибывала только на второстепенные театры. На главном направлении на Дону мы не получили ни одного солдата.“

Истощение продолжительной двенадцатимесячной борьбой надломил силы Донских казаков, они бессильны удерживать напор врага, занявшего уже часть Донской области и приближающегося к столице Новочеркаску. Создается крайне тяжелое положение и для Добровольческой Армии, занимающей Донецкий бассейн.

Если мы не будем в состоянии удержать угольный район в своих руках, то скоро весь Юг России и флот останутся без топлива. Посему вновь обращаюсь к Вам с просьбой ускорить присылку войск для Дона. Если помощь запоздает, то скоро мы окажемся в том положении, в каком были год тому назад, и все героические усилия, ознаменовавшие эту титаническую борьбу за право и цивилизацию, пропадут даром. Промедление в подаче помощи отразится прежде всего на интересах Союзных войск, которым придется начинать свои операции с расширения района будущей базы, отвоевывая территории от большевиков, вместо того, чтобы закрепить за собой территорию, добытую нами ценою беспримерных двенадцатимесячных усилий. 19 февр. (4 марта) № 275/II^а.

И на это обращение ответа не последовало.

(Все выше приведенные данные взяты из статьи: „Очерк взаимоотношений вооруженных сил Юга России и представителей Французского командования“. (Архив русской революции. Берлин. 1925. т. XVI).

В этих мольбах русских людей об иноземной помощи войсками бросается в глаза, прежде всего, присвоение русскими людьми себе тех побед над большевиками, которые были достигнуты почти исключительно казачьим оружием, а не русскими добровольцами.

Если сравнить тон и аргументы выше приведенных (и многих других) обращений Деникина к Союзникам с просьбами об иностранной помощи войсками, с тоном и аргументами его выступлений перед Казачьим Парламентом — Кубанской Радой и Донским Кругом, — бросится в глаза маленькая и бессильная, хотя и претенциозная, фигурка русского генерала-беженца, вождя „белой России“, в первом случае, и победоносная, всемогущая, надменная и грозная самостийникам всеми „видимыми и невидимыми силами Матушки России“, во втором случае...

Еще более удручающая картина получается, если сравнить публичное обращение Деникина к населению Крыма („Мы пришли к Вам по дороге в Москву...“) с закулисными многократными мольбами Деникина о занятии того же Крыма Союзными войсками. Следует отметить и тот многоговорящий факт, что в обращениях к маршалу Фошу ген. Деникин называл Добровольческой Армией 4^{1/2} тыщи войск дивизии-корпуса ген. Май-Маевского, с трудом собранных в Донецком бассейне, а на Донском Кругу, где более рискованно было смелое уклонение от истины, те же войска Май-Маевского Деникин называл несколько скромнее — „самым крепким корпусом Добровольцев“...

Все выше приведенные данные говорят ясно о тех силах, на которые хотели опереться русские люди, поставившие перед собою двойную задачу: 1. разбить стотысячные армии новой большевистской России и уничтожить советскую власть и 2. построить единую и неделимую Россию, покорив „под ножи ее всякого врага и супостата“ — поднявшиеся за свою свободу и самостоятельность народы. Русские люди делали ставку на чужеземные войска.

Видя, что Союзники войск не дают, а казачий Дон игрой Деникина и его несчастных, хотя и занимавших иногда высокие посты, приспешников из казаков поставлен на краю пропасти, видя, что при сложившихся условиях, в первую очередь, только Кубань может спасти положение, русские люди завопили во все колокола на Кубани и на Дону, благовествуя Кубанцам и вообще казакам радостную весть — немедленную организацию самостоятельной Кубанской армии. Случай с 9-м батальоном в Крыму не на шутку перепугал единоплеменническую братию. Сразу нашлись и подходящие слова для приказа: „Ныне настало время и является возможность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую армию“, писали в приказе 1-го февраля генералы...

Другую точку зрения на борьбу с большевизмом выявляла рядовая казачья масса и большинство казачьей интеллигенции, вышедшей из казачьей толщи народной и не оторвавшейся от нее (офицеры, учителя, кооператоры, выборная станичная администрация и т. д.): это — возрождение былой казачьей государственной независимости, оборонительная война против большевистской России, невмешательство в русские дела, союз с другими государствами, вырастающими на национальной базе и стремящимися освободиться от власти той же России. Практически это вылилось в появлении казачьих государств со своими конституциями, своими флагами, со своей законодательной и исполнительной властью; в попытке организации в 1917 г. Юго-Восточного Союза Дона, Кубани и Терека, Горцев Кавказа и Вольных народов степей; в кровавой борьбе против большевистских армий; в заключении целого ряда соглашений с Украиной в 1918 г., в посылке делегаций за границу и т. д.

Деникин умолял союзных генералов о помощи войсками, а сам растягивал свои руки от р. Аракса и до р. Днестра. Если сравнить претензии „белых“ русских людей в то время с их фактическими возможностями, станет ясным, насколько просто смешны были эти русские Дон-Кихоты с их каррикатурой на общерусскую власть — Особым Совещанием, с их до чрезвычайности малочисленной Добровольческой армией, с их многочисленными всевозможнейшими тыловыми учреждениями, служащими для легализации укрывательства от фронта...

Русские политики уже обманули Кубанскую Краевую Раду и успокоили ее атаманским приказом, декларацией Правительства, в Указе Круга и в официальных публичных заявлениях перед законными представителями Казачества, заявив о существовании самостоятельной Кубанской армии. Теперь все ожидали, разгадает ли Краевая Рада всю фальшь и обман, которыми опутывали Раду и все Казачество высоко стоящие некоторые казачьи вождятели, дирижируемые генералом Деникиным, но Рада поверила и успокоилась.

Но что скажет Краевая Рада по второму кардинальному вопросу: о путях организации противобольшевистского фронта, об отношении Казачества к соседним, в муках революции и тяжелой войны нарождающимся государствам; что скажет Рада, как законный представитель Кубани, вообще по вопросам внешней политики, по основным вопросам государственного строительства?

Положение было грозное: с Украины не только не было прямой помощи в деле защиты северных границ, но через территорию Украины наступали на Дон Московские войска; Союзники, как казалось, были всецело на стороне Деникина (выше цитированные документы о сношениях Деникина с Союзниками тогда не были известны казакам; напротив, Деникинская печать беспрепятственно возвещала сведения о самом хорошем отношении держав Антанты именно к Деникину и его идее необходимости возрождения Единой и Неделимой России)...

Кроме, казалось, благополучно разрешенного вопроса о Кубанской Армии, все прочие основные вопросы государственного строительства были внесены вновь на обсуждение и решение Кубанской Краевой Рады.

После всестороннего и обстоятельного обсуждения внутреннего и внешнего положения Кубани и Юго-Восточного Казачества вообще, учтя все главные обстоятельства войны по обеим сторонам фронта, 13-го февраля 1919 г. Кубанская Краевая Рада вынесла следующее постановление:

„Заслушав доклад г. Войскового Атамана, Председателя Кубанского Правительства, Походного Атамана и делегации Краевой Рады на Донской Большой Войсковой Круг и обсудив вопрос о текущем политическом моменте, Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада,

Постановила:

В целях наиболее успешной борьбы с большевизмом и анархией необходимо

1. Принять все меры к проведению в жизнь постановления Рады по вопросу об объединении

жужных государственных образований на федеративных началах, для чего Краевая Рада поручает Правительству срочно, и, во всяком случае, не позже марта месяца сего года, созвать в гор. Екатеринодаре конференцию представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Грузии, Армении, Азербейджана и др. на предмет составления и принятия союзного договора и конституции.

2. Во всех местностях государства Российского, по мере освобождения их от большевиков, проводить в жизнь принципы широкого народо-правства.

3. В интересах наиболее целесообразного и правильного урегулирования жизни Кубанского Края, а также поддержания авторитета Краевой Власти среди населения, Государственная власть Кубанского Края в области гражданского административного управления действует вполне самостоятельно и независимо, лишь согласуя свои действия в области военного дела с Главным Командованием вооруженными силами Юга России.

4. Проповедь устную и печатную как большевизма, так и монархизма, в условиях настоящей напряженной гражданской войны, признать преступной и подлежащей решительному прекращению путем принятия самых строгих мер и издания соответствующего закона, карающего за пропаганду и агитацию в пользу большевизма и монархизма.

5. Подвергнуть решительному преследованию дезертирство, а также агитацию против Армии.*

Как видим, законные представители Кубани снова отбросили русскую точку зрения на задачи и пути борьбы с большевизмом.

Если внимательно проследить, как развивалась в среде Казачества идея государственного строительства с марта 1917 до марта 1919 г., мы увидим, что сначала (весна и лето 1917 г.) Казачество думало устраивать свои казачьи Республики как автономные части великой российской республики, и деятельность отдельных Войск координировалась и согласовалась через Общеказачий Союз с его Правлением в Петрограде... С осени 1917 г. Казачество приступило к организации краевого государственного объединения — Юго-Восточного Союза, не выдержавшего, к сожалению, внутренних и внешних ударов. Погом, в постановлении Кубанской Законодательной Рады от 2-го мая 1918 г., в договоре Дона и Кубани 24-го мая того же года, в попытке организации Доно-Кавказского Союза мы видим попытки организации более самостоятельного государственного объединения... Среди Кубанцев все рельефнее и выразительнее вырисовывается стремление организовать многочисленный Союз государств от реки Припяти до реки Аракса (постановление Куб. Краевой Рады 11 ноября 1918 г.). Среди Донцов эта точка зрения поддержки не встречала. Донцы, да и кубанская Линия, ориентировались только на казачьи силы Юго-Востока. В грамоге Кубанского Агамана и Правительства Гегману Украины, переданной Чрезвычайной Кубанской миссией в октябре 1918 г., говорилось о желательности организации тесного братского Союза Украины и Кубани. А меморандум представителей Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, поданный в Одессе Верховному Командованию Держав Антанты 23 января 1919 г., защищал необходимость «укрепления в ближайшее время начал государственности и порядка в каждом из этих новообразований», при чем в этом меморандуме говорилось только о желательности установления единого командования и ничего не говорилось ни относительно союза, ни относительно федеративной связи между этими государствами. В выше приведенном постановлении Рады 13 февраля 1919 г. перечислялся целый ряд государств, которые по мысли Рады надо было пригласить к участию в организации Союза, но среди этих государств мы не видим ни Украины, ни Белоруссии.

Во всех этих проектах красной нитью проходит твердая защита права молодых государств на самостоятельное и независимое государственное существование, и категорически подчеркивается та мысль, что эти го-

сударства только по их доброй воле могут приступать к участию в каких-либо высших государственных объединениях (союзы, федерации и т. д.). Сама Кубанская Краевая Рада в своем постановлении, принятом 13 февраля, подчеркнула чрезвычайную спешность положительного разрешения вопроса о Союзе.

При этом надо подчеркнуть то колоссальное противоречие, которое заключалось в самом постановлении Краевой Рады: проектируемый Краевой Радой Союз имел включить в себя и те территории, на которых фактически действовало добровольческое командование, категорически отрицавшее право на государственную независимость молодых республик, последовательно и открыто ведшее упорную борьбу за восстановление единой и неделимой России; но тем же постановлением Краевой Рады это командование признавалось и, больше того, Кубанскому Правительству вменялось в обязанность «согласовать свои действия в области военного дела с главным командованием вооруженных сил Юга России».

Тут, конечно, политическая мысль творцов этого постановления Рады не только не отличалась необходимой ясностью и последовательностью, но выдвигала такие положения, одновременное проведение которых в жизнь было просто невозможно, неосуществимо. Признание самостоятельности перечисленных в постановлении государств отрицало и исключало всю ту идеологию, которой служил Деникин, и отрицало самого Деникина в роли командующего, а оставление в руках Деникина казачьих армий исключало Союз, отрицавший единую неделимую Россию, как обладательницу и тех земель, на которых выросли молодые государства. Или союз государств с новым союзным главнокомандующим, назначаемым общесоюзной властью, и война против захватнических стремлений красной или белой России; или оставление Деникина в роли главнокомандующего и тем самым отрицание своих же решений...

Если Деникин и вообще «белые» вожди допускали основную ошибку, стремясь силами нерусских народов строить единую неделимую, то несравненно большей ошибкой Казачества было оставление казачьих вооруженных сил в руках русского единонеделимца. Необходимо признать, что первородным грехом казачьих руководителей за весь долгий период борьбы против большевизма России был союз Казачества с русским единонеделимством: делал непоправимую ошибку Атаман Каледин, вступив с генералами Корниловым и Алексеевым в Триумvirат; сделали большой грех Кубанцы, назначив чужого человека, Покровского, командовать Кубанскими войсками, а потом, 17 марта 1918 г., заключив в ст. Ново-Дмитриевской военное соглашение с генералами Доброармии; делали они ошибку 2-го мая того же года, когда в постановлении Законодательной Рады говорили о желательности сотрудничества Кубанского Правительства с Добр. армией; совершили они непоправимую ошибку, избрав на Краевой Раде в 1918 г. ген. Филимонова в Атаманы Кубани; повторили они свою основную ошибку и в феврале 1919 г.

Эту же ужасную путаницу мы видим и в постановлениях Донского Круга: с одной стороны, Дон — самостоятельное и независимое государство, имеющее свою территорию, свое население, свою власть и свою армию, вступающее в соглашения с близкими и дальними государствами, а с другой, на посту Донского Атамана и на посту председателя Круга мы видим русских единонеделимцев, почти ничем по существу не отличающихся от Деникина в русском вопросе, и Указы Круга от 20 сентября 1918 г. и 4 февраля 1919 г., проявлявшие заботу о России.

Нет ничего удивительного в том, что казачьи самостийники, зовя Казачество на борьбу за полное и независимое государственное существование Казачества, в постановлениях Круга и Рады находят неопровержимое доказательство своей правоты; но в то же время в тех же постановлениях находят пищу для себя и казачьи защитники России. Разница между ними только та, что первые берут суть постановлений, а вторые продолжают ту работу опутывания Казачества русскими сетями, которой они занимались и во времена вынесения постановлений Круга и Рады, в результате че-

го и получалось вавилонское столпотворение, приведшее Казачество к поражению...

Грешили вожди, грешило рядовое казачество, а в результате — новое и наиболее грозное порабощение. Задачей нашей и является нелегкая работа: внимательно разобраться в прошлом, объективно вскрыть положительные и отрицательные стороны казачьей политики и вооруженной борьбы.

В самом Казачестве мы видим, таким образом, постоянную борьбу двух течений: одно меньшее и более слабое, мобилизовавшее свои силы, главным образом, среди руссифицированной казачьей гражданской и военной интеллигенции, среди казачьих помещиков, купцов, духовенства; и другое, представлявшее большинство и состоявшее из толщи казачьей и вышедшей из него казачьей интеллигенции.

Эта борьба приняла особенно ясные формы на Кубани. Совершенно было очевидным, что Кубанский Атаман Филимонов и Правительство Сушкова своей политикой не соответствовали настроениям безусловного большинства населения Края. Атаман и Правительство активно поддерживали Деникина в его стремлении возродить неделимую Россию, а Куб. Кра. Рада вменяла в обязанность этому Правительству приступить немедленно и активно к построению Союза государств, значит, — к разрушению возводимого русскими людьми здания неделимой России.

На тактику кубанских самостийников, без сомнения, повлияло торжественное и публичное провозглашение существования самостоятельной Кубанской Армии. В эти заявления самостийники не верили (см. стенограммы заседаний Зак. Рады в том же феврале мес.), но в то же время не могли выступить перед казачьей массой в Раде или вне ее с заявлениями, что и Кубанский Атаман, и Кубанское Правительство Сушкова официально распускали явную неправду и открытый обман относительно организации Кубанской Армии...

Кроме того, Правительство Сушкова в прочитанной им в Зак. Раде 29 января 1919 г. декларации говорило, что

„Объединение в настоящее время существующих ныне государственных образований мы мыслим лишь на основах федерального Союза“,

что Правительство заботится об удовлетворении национальных нужд всех национальностей, живущих на Кубани и т. д. (см. печатную декларацию).

Кубанский Атаман Филимонов, желая укрепить положение Правительства Сушкова, попробовал поставить перед Краевой Радой вопрос о доверии этому Правительству, но Краевая Рада уклонилась от решения этого вопроса. Поэтому борьба между Правительством Сушкова, с одной стороны, и самостийническим большинством Законодательной Рады, с другой, приняла затяжной характер.

Таким образом, на казачьем Дону к власти пришла в феврале 1919 г. русская партия сторонников Деникина во главе с вновь избранным Атаманом, ген. Богаевским, и председателем Круга, В. Харламовым. Казачий Терек был подчинен „главноначальствующему“ ген. Ляхову... А на Кубани Деникин имел свою крепкую опору в лице Атамана А. Филимонова и Кубанского Правительства Ф. Сушкова, тормозивших укрепление Кубанской самостоятельной и независимой государственности и всячески стремившихся включить Кубань в общерусскую работу построения единой и неделимой (на словах федеративной) России.

В то время, когда на Казачество наступала русская красная армия, Казачество было раз'единено, политически дезорганизовано, обессилево внутренней борьбой...

(Продолжение следует).

Ген. Т. Стариков.

Зависимость создания армии от состава населения страны.

(Из труда автора: Организация вооруженных сил самостоятельного государства Казакии)

Население Казачьих Краев, как материал для создания армии, может рассматриваться с нескольких точек зрения: политической, классовой и военной. В последнем случае вопрос идет о пригодности населения к военной службе вообще и к службе в том или ином роде оружия в частности.

Русский полководец Суворов сущность военного искусства определил всего тремя словами: „глазомер, быстрота, натиск“.

Через сто с лишним лет другой полководец, маршал Фош, основными принципами военного искусства считал: „Подготовка, масса, стремительность“. Считается, что маршал Фош заменил суворовский глазомер подготовкой, натиск — массой. По существу это действительно одно и то же.

При разборе тех народов, из которых будет формироваться казачья армия, нужно определить, могут ли они по своим духовным и умственным качествам соответствовать указанным началам военного искусства. Способны ли они к быстроте и натиску, способны ли воспринять и усвоить современную „подготовку“, современный „глазомер“.

Но, может быть, современное вооружение таково, что дух народа и его особенности уже не имеют значения, что они не будут играть роли, что машина равняет людей, что, может быть, храбрость, мужество, трусость, бездарность, выносливость, быстрота в решениях и дряблость нивелируются, сглаживаются техникой?

Из выше приведенных формул Фоша видно, что принципы войны со времен Суворова остались теми же. Это произошло потому, что свойства человеческого духа, его психика не изменились. Остался неизменным и основной вид оружия — щит и меч, остались и основные виды борьбы — нападение и защита, атака и обо-

рона. Значит, все на своем месте. Принципы войны, основы человеческой природы и оружия остались неизменными. Изменились только формы. А раз так, все старо, то следовательно разница индивидуальных способностей людей, как и народов, будет, как и в старое время, иметь в борьбе первенствующее значение.

Поэтому то нам и необходимо указать, какими же особенностями духа, психологическими свойствами отличаются те народы и народности, которые входят в состав Казакии.

Надо иметь в виду, что Казачьи Края находятся в особых политических и географических условиях, особенно же свойствами должна обладать и их армия. Как мы увидим ниже, она должна отличаться огромной подвижностью и высокой степенью маневренности. Не каждая армия и не каждый народ может удовлетворить этим условиям. Но есть ли данные у казаков и других народов, живущих на их землях, чтобы обеспечить создание армии, обладающей такими свойствами?

Выше мы видели, что между городским населением и сельским существует огромная разница во всех отношениях. Ген. Ллойд говорит: „можно комплектовать армии рабочими и городскими ремесленниками, хотя обычно эти элементы представляют наименее подходящий материал для выработки солдат, так как они упрямы, нетерпеливы и резонируют... в случае неудачи сваливают вину на своих начальников, а сами начинают бунтовать и дезертировать“. Наоборот, тот же генерал с похвалой отзываясь о крестьянах. „Они покорны и терпеливы. Работа и самая усталость не вызывают у них ропота“... В политическом отношении крестьяне (земледельцы) более устойчивы, националисты, любят свой край и свою родину. Рабочие непостоянны, чувство родины у них развито слабее. Они

интернационалисты. И будут с большим подъемом драться за свои классовые идеалы, за социализм, чем за родину, за свое отечество.

Итак, значит, земледельческое население является лучшим элементом для создания национальной армии, для защиты родины; из рабочих же будет лучшей революционной армией для защиты классовых интересов. Армия из земледельцев вынослива, дисциплина и послушание ей прививаются много лучше и т. д. Короче говоря, земледельцы дадут лучшую армию, нежели рабочие и ремесленники. Это обстоятельство надо иметь в виду при создании системы вооруженных сил, способа комплектования и пр.

В 1926 г. большевики насчитывали на Дону, Кубани, Тереке, в Асграханском Войске и Ставропольской губернии 9.470.700 д. об. пола. Из них было 7.547.500 душ сельского населения и 1.923.000 городского. Таким образом, сельское население составляет около 80% всего населения Края, на долю городского же населения приходится всего 20%. Процент этот не может считаться значительным, особенно, если привлечь во внимание, что в состав городского населения входят не только рабочие и мещане, но много и других элементов и при том таких, из которых можно создать недурных солдат. Таким образом, отрицательное влияние городов на создание армии сгнет еще меньшим. В армии, кроме того, нужны не только бойцы, но и канцелярские служащие, фельдшера, вестовые, трубачи, обозные, мастеровые и пр. Городское население и даст этих людей.

Но профессиональные рабочие во время войны нужны будут и в тылу. Во время Великой войны в России были мобилизованы все рабочие призывных возрастов. Благодаря этому русская промышленность не могла развернуть своей деятельности. Поставлено было под угрозу все снабжение действующей армии. Очевидно, что квалифицированные рабочие, призванные по мобилизации, будут поставлены не в строй под ружье, а на завод. Это в Казачьих Краях тем более возможно, что процент рабочих не велик по отношению к земледельческому населению. При таких условиях действующая армия будет создана почти исключительно из земледельческого населения, т. е. из лучших по выносливости элементов.

По национальному признаку население казачьих земель в том же 1926 г. делилось:

Казачков	4.138.300	душ.
Украинцев	3.035.000	"
Русских	1.626.900	"
Немцев	105.900	"
Евреев	46.100	"
Армян	150.300	"
Татар	76.300	"
Киргиз	68.100	"
Горцев	163.400	"
Других народов	66.400	"

А всего . . . . . 9.470.700 душ.

В процентном отношении казаки составляют . . . 43,7%
Украинцы 32,0%
Великоруссы 17,0%
Другие народы и народности 7,1%

В Оренбургском и Уральском казачьих Войсках в том же году состояло:

Казачков	847.000	душ.
Киргизов	447.000	"
Татар	115.900	"

Из этих цифр видно, что даже после большевизской войны, унесшей огромный процент казачьего населения, казаки в количественном отношении занимают господствующее положение. Затем идут украинцы, русские, киргизы, татары и др.

Что же представляет собою это население, как материал для армии, в смысле пригодности для боевой работы, а также в смысле тех или иных политических симпатий или антипатий?

О боеспособности и воинственности казаков говорить не приходится. Вся их история и боевая деятельность служат доказательством их высоких военных да-

рований. Историческая жизнь, полная опасностей и непрерывной борьбы, выковала из них особый тип людей — воинов, рыцарей степи и моря.

Раньше уже говорилось, что казаки, в силу особых условий своего существования, должны были быть в одно и то же время и конниками, и моряками, и пехотинцами. Донской флот был разрушен Петром I и потом уже не воскресал, постепенно казаки были обращены только в кавалерию. Пехотный и морской бой забыли. Были прекрасными пехотинцами только кубанские пластуны, применявшие в боях свою особую тактику, недоступную никому другому. Но в Великую войну и из Донских и Терских казаков стали составлять пехоту. И она была хороша. В войне с большевиками казаки также вынуждены были создавать свою пехоту. Были выдающиеся пехотные части. Особенно прославился Гундоровский полк.

Из всего сказанного вытекает, что казаки могут создать и конницу и пехоту с высокими боевыми качествами.

Работа в пешем строю воскрешена казаками. Так же может быть воскрешена и морская боевая работа. Вообще же казаки будут особенно пригодны в тех частях, в которых нужна подвижность, активность, самостоятельность. Надо полагать, что они будут прекрасными летчиками и хорошо будут управлять быстродвижными, маневренными, разведывательными танками, броневыми автомобилями и пр.

Второй составной частью казачьих республик по количеству населения являются украинцы. Жизнь этого народа протекала в тех же почти условиях, как и жизнь Донских, Терских и иных казаков. Сами украинцы с древних времен называли себя казаками. Особенно знаменитыми были Запорожские казаки. Они так же, как и донцы, были прекрасными мореходами и так же, как и они, умели драться и на море, и на коне, и в пешем бою. Запорожские казаки потом перешли на Кубань и стали Черноморскими казаками, оставив за собой все традиции, все боевые навыки старого Запорожья. В последующей своей жизни этим казакам пришлось вынести тяжелую боевую жизнь с горскими народами и развить свои боевые качества еще больше. Украинцы же после Петра I стали создавать регулярные войска и вошли в те части, которые формировали великоруссы. Население Украины подчинялось общероссийским законам. На службу выходил, по сравнению с казаками, небольшой процент. Это обстоятельство повело к тому, что украинцы стали утрачивать прежние свои боевые качества. Но тем не менее они были прекрасными и моряками, и пехотинцами и кавалеристами. Старые психологические свойства и боевые качества не успели исчезнуть. Из них будет создаваться выдающаяся и пехота, и кавалерия. Несомненно, они будут и хорошими моряками. Главная разница между казаками и украинцами заключается в том, что последние более медлительны и в то же время более спокойны, чем казаки. Они, несомненно, больше будут пригодны в тяжелых родах войск: в тяжелой пехоте, в тяжелой артиллерии, на тяжелых танках и т. д. Они упорны и поэтому легче, чем казаки, будут выносить фронтальные сражения, будь то атака или оборона. Надломить дух украинцев, посеять в них панику — трудно, ибо они не так легко поддаются внешним впечатлениям, внешним воздействиям.

Итак, казаки, благодаря большей подвижности, активности, темпераментности, более пригодны для службы в маневренных частях, где требуется быстрота в решениях, находчивость, подвижность; а украинцы в тяжелых войсках, где нужны упорство, выносливость, спокойствие. Из украинцев и казаков можно, таким образом, создать прекрасную армейскую комбинацию, способную ко всем современным операциям.

Третьей группой по количеству населения в казачьих землях являются великоруссы. Они по преимуществу — горожане: мещане и рабочие. Много их занималось и интеллигентным трудом, были торговцы и предприниматели. Как видим, все они в большей или меньшей степени мало пригодны для боевой работы. Но крестьяне — великоруссы в Каз. Краях отличаются всеми теми же свойствами, какими отличаются и вели-

короссы внутренних российских губерний. Из них можно создать тоже хороших солдат. Но они менее упорны, легче поддаются панике, чем украинцы, не выносят обхода, действий неприятеля в тылу. Они должны чувствовать соседа плечом к плечу. Прорыв на них действует отрицательно. Они должны ломить стенами, действовать „миром“, закидывать шапками, т. е. чувствовать численное превосходство. Фланги их должны быть надежно прикрыты или естественными рубежами, или сильными укрепленными пунктами. Поэтому все уставы русские создавались так, что маневр не был в почете.

Итак, значит, солдат из великороссов может действовать только по прямым, обеспеченным линиям, только ударом в лоб. В Великую войну великорусские части могли пробивать фронты, но плохо использовывали свои прорывы. Они могут быть тяжелой (не маневренной) пехотой, хорошо действовать в укрепленных позициях, вести фронтальные бои.

Крестьян великороссов среди населения Казачьих Земель вообще мало. Их душевные и физические свойства не окажут особого воздействия на устройство армии и на создание военных основ в тактике.

С великороссами горожанами придется так или иначе считаться. Они могут быть в технических частях, в военных мастерских, работать во время войны на оборону внутри страны, работать над созданием укрепленных пунктов. Они, несомненно, будут хорошими саперами и специалистами (телефонисты, радиогелеграфисты, мотористы, газэвники и проч.).

Жители других народностей по своим душевным и физическим качествам принадлежат к весьма различным категориям. Немцы по преимуществу были техники и торговцы, армяне — исключительно торговцы, татары и киргизы обладают всеми свойствами хороших кавалеристов, горцы темпераментны, способны к партизанской войне, к налетам, к боям в горах, но для упорных боев на равных местах, с действиями тяжелой артиллерии и всех видов современной техники, они меньше пригодны. Они нервны, легко поддаются внешним впечатлениям, внешним воздействиям. Способы войны, к которым они привыкли и с которыми сжились

в течение столетий, ныне уже отживают. Поэтому из горца трудно создать хорошего современного пехотинца. В легкой коннице они служить могут и будут прекрасными кавалеристами и партизанами.

С точки зрения политической население Казачьих Земель неоднородно. Великороссы, украинцы горцы и пр. будут, несомненно, иметь каждый свои политические симпатии. Это обстоятельство надо будет иметь в виду создателям казачьей армии.

Известно, что даже сербы были плохими воинами на русском фронте и легко сдавались в плен; а немцы, состоя в русской армии, неохотно воевали против немцев. Галичане не будут отличаться воинственностью, когда война будет против Украины и т. д. Известно также, что когда казакам Донским и Запорожским приходилось эмигрировать в Турцию, они ставили турецкому правительству условие не посылать их на русский фронт. Это происходило не потому, что казаки не хотели и не могли сражаться с русскими, от политики которых они вынуждены были покинуть свою родину. Но они знали, что им придется на войне нести такую же службу, которую несли казаки в русской армии, т. е. быть на разведке, в авангарде, в охране, действовать на флангах в тылу. Следовательно, они могли встречаться главным образом с казаками. Идти же против своих братьев они не хотели. Найдутся элементы и в казачьей армии, которые неохотно будут драться против Украины, Великороссии и горских народов. Армия должна быть создана таким образом, чтобы это обстоятельство по возможности меньше сказывалось на ее боеспособности.

Многие государства прибегали и будут прибегать к соответственному распределению солдат той или иной национальной группы по общим войсковым частям, к соответствующей дислокации войск в мирное время и к распределению их на том или ином фронте во время войны...

Будет иметь значение и внутренняя политика Казачьих Земель, которая должна направляться к тому, чтобы все национальности чувствовали себя в казачьем государстве, как дома, считали его своей родиной, а защиту его своей обязанностью, своим долгом.

А. Ленивов.

Материалы по истории Степного Похода.

Шестнадцать лет исполнилось с момента начала Степного похода... Пришло время сказать то, что нужно, о Степном Походе, и сделать подробное и достойное истории описание его. Работая продолжительное время над составлением истории Степного Похода, ползуясь для этого всеми необходимыми данными, включительно до выемок из дел отдельных партизанских отрядов, штаба Походного Атамана, военно-революционных комитетов ст. ст. Зимовники, Котельниково, сел. Малый Гашун и т. д., свидетельскими показаниями офицеров и партизан Отряда Вольных Донских казаков, опросом местных жителей, личными воспоминаниями, изучением всех печатных материалов, относящихся к времени Степного Похода, автор считает необходимым опубликовать в свое время свой труд по истории Степного Похода.

Вечная память, вечная слава всем героям партизан-степнякам, погибшим за честь и свободу Донского Казачества на Донской Земле в тяжкий 1918 год!..

Оставление гор. Новочеркаска.

С утра 12-го февраля завязался последний бой партизанских отрядов с большевиками у ст. Персияновка (в 12 верстах от гор. Новочеркаска). Разница в силах большевиков и Донских партизан, защищавших подступы к гор. Новочеркасску, увеличившаяся с оставлением добровольцами гор. Ростова (9-го февраля) и отходом последних за р. Дон, делала неизбежным падение Новочеркаска...

Разбирая вопрос о сдаче гор. Новочеркаска 12-го

февраля 1918 года, надлежит отметить, что еще в ночь на 29-ое января, Войсковой Атаман Каледин получил от ген. Корнилова телеграмму с извещением, что добровольцы оставляют гор. Ростов и уходят на Кубань, ввиду безнадежности положения для них на Дону.

Решение об оставлении добровольцами гор. Ростова 30-го января все же не было приведено в исполнение, т. к. вновь избранный Войсковой Атаман Назаров заверил добровольческое командование в том, что он даст две тысячи казаков в помощь добровольцам. Расчет Атамана Назарова не оправдался и он сообщил (7-го февраля) ген. Корнилову, что данного обещания не может выполнить... Со стороны добровольческого штаба последовал ответ, что добровольцы оставляют 9-го февраля Ростов и отходят за р. Дон. Приняв подобное решение, ген. Корнилов настаивал на том, чтобы Донская студенческая боевая дружина перешла из Новочеркасска в Ростов.

О дислокации Донских партизанских отрядов в Ростово-Новочеркасском районе в указываемый момент времени см. статью автора в № 99 „В. К.“.

Бесконечно тяжелое состояние фронта значительно усложнилось тем хаосом, каковой царил в Новочеркасске. Население последнего, в смысле отношения к большевикам, резко делилось на два лагеря, именно: городских обывателей, которые ставили выше всего собственное благополучие, предоставляя другим (т. е. партизанам) драться с большевиками; другой лагерь составляли подонки городского населения, которые с плохо скрываемым нетерпением ожидали прихода большевиков, ведя яростную агитацию в пользу последних. Стрельба

из-за угла, нападения на одиночных партизан, скупка оружия темными элементами, присутствие в городе большого числа приезжих агитаторов, близость фронта и т. д. — заставляли Походного Атамана держать относительно большое число партизанских отрядов в самом Новочеркасске, что ослабляло фронт. Приведенное ни в коем случае не относится к казачьей части Новочеркасского населения, ибо казаки Новочеркасской станицы проявили исключительную жертвенность и стойкость в указанные дни...

Существование военно-революционного комитета в Новочеркасске из состава бывших членов Войскового паритетного правительства (от неказачьей части): доктора Брыкина, проф. Кожанова, прив. доцента Боссе, далее рабочих Киригова, Ковалева, Воронина, городского головы гор. Новочеркасска Лигова, есаула Щепкина, хорунжих Автономова и Алешина, „Дуньки“ Кулаковой, студентов Ларина, Полотебнова, Ягодина, урядника Фомина и др. — указывало на подготовку местного восстания городских большевиков.

С оставлением гор. Ростова добровольцами и выдвижением конного „Северного революционного казачьего отряда“ Н. Голубова от ст. Шахтная (гор. Александровск-Грушевский) к ст. Заплавской положение Новочеркасска стало совершенно трагичным, ибо он был почти окружен большевиками; оставался единственный возможный выход — к ст. Старочеркасской.

11-го февраля в 9 час. вечера в гор. Новочеркасске имел место военный совет под председательством Войскового Атамана ген. А. М. Назарова. Участниками этого совета были: Походный Атаман ген. П. Х. Попов, его нач. шт. полк. Сидорин, начальники партизанских отрядов полк. Мамонтов, войск. ст. Семилетов, войск. ст. Ленинов, ес. Слюсарев и др. Атаманом Назаровым было внесено предложение сосредоточить все партизанские отряды и дать генеральный бой большевикам под Новочеркасском. Аргументом Атамана Назарова являлся расчет на возможность изменения настроений Казачества в положительную сторону, в случае благоприятного исхода боя для партизан. Партизанские начальники категорически высказались против генерального боя, т. к. полагали, что партизаны понесут лишь большие потери, но существенных надежд на подьем Казачества не будут иметь. Подавляющее большинство участников военного совета не согласилось с доводами Атамана Назарова, сообразно чему последовало отклонение его предложения. Наряду с этим был поднят вопрос и о возможном переходе Малого Войскового Круга и Войскового Атамана под прикрытием партизанских отрядов из гор. Новочеркасска в ст. Константиновскую (окружная ст. 1-го Донского округа). Военный совет, заслушав сообщение есаула Слюсарева о возможностях прорыва на ст. Константиновскую, отклонил мысль о переезде Малого Войскового Круга и Войскового Атамана в ст. Константиновскую.

В конечном итоге, после ряда суждений, военный совет вынес постановление о сдаче Новочеркасска без боя с последующим выводом партизанских отрядов из города за р. Дон. В основу принятого решения военного совета легло определенное суждение, именно: „в целях сохранения живой силы для дальнейшей борьбы с большевиками, немедленно вывести из под ударов последних партизанские отряды и отвести их за р. Дон“. И действительно, приняв в расчет, что к 11-ому февраля общая численность большевистских войск, сосредоточившихся в Новочеркаско-Ростовском районе, достигла цифры в 22.000 штыков и шашек при 62 орудиях и нескольких стах пулеметах, будет естественным считать, что партизаны, не имея в наличии и 2000 бойцов, вряд ли могли иметь надежду на выигрыш генерального боя с большевиками! Расчет Атамана Назарова на изменение настроений казаков в лучшую сторону имел в тот момент под собой весьма шаткие основы... С окончанием военного совета, Атаман Назаров, невзирая на ночное время, вызвал в Областное Правление президиум Малого Войскового Круга во главе с председателем (войск. ст. Е. А. Волошинов) и сообщил о постановлении, сделанном партизанскими начальниками.

С раннего утра 12 февраля начались приготовления к выводу партизанских частей из города; выступление было назначено в 1 час дня.

В свое время некоторыми лицами было брошено обвинение Походному Атаману ген. Попову в том, что он намеренно оставил „золотой запас“ в Новочеркасске для обогащения большевиков. Означенный „золотой запас“ создан из серебряной и золотой валюты, поступившей в Войсковую казну в январе 1918 года от продажи спирта и водки, организованной Войсковым Правительством, а равно и ценностей ростовского отделения государственного банка. Последние были перевезены из Ростова в Новочеркасск в последних числах января, когда добровольческое командование решило оставить Ростов. В момент оставления Новочеркасска „золотой запас“, погруженный на сани, был принят под охрану особым отрядом, составленным из чинов Войскового штаба под командой ротмистра Пухлякова. Обоз с „золотым запасом“ простоял долгое время у здания общества 1-го взаимного кредита на Дворцовой площади, ожидая распоряжений о выезде к переправе через р. Аксай, что у лесной биржи Цыкунова. В час дня ротмистр Пухляков получил по телефону личное распоряжение от Атамана Назарова — оставить „золотой запас“ в Новочеркасске и присоединиться к партизанским отрядам, оставляющим Новочеркасск. Приказание Атамана было выполнено, и „золотой запас“ остался в Новочеркасске. Вполне логично полагать, что Атаман Назаров запретил вывозить „золотой запас“ из Новочеркасска, полагая, что подобное мероприятие набросит тень на имя Донских партизан, равно-же наличие „золотого запаса“ в рядах партизанских отрядов вызвало-бы усиленное преследование со стороны большевиков... Как дополнение к вопросу о „золотом запасе“, отметим тот факт, что по прибытии на хут. Веселый, Походный Атаман распоряжением от 16-го февраля образовал особую комиссию для производства учета денежных сумм, имевшихся в распоряжении партизанских отрядов. Работа особой комиссии установила денежную наличность всего в размере немногим более 800 тысяч рублей... при личном составе партизанских отрядов в 2100 человек!

Невыясненным является и т. н. „офицерский вопрос“, в отношении коего ген. С. Денисов писал: „Точно забыл Походный Атаман, в каких именно условиях и по чьей вине остались в Новочеркасске Войсковой Атаман и 2000-3000 честных офицеров в штабах, в офицерском собрании, в госпиталях и по квартирам. Но если это можно забыть, то как же может забыть Походный Атаман о тех честных партизанах у Персияновки, 12-го числа отбывающихся от большевиков и ничего не знающих об уходе из Новочеркасска Походного Атамана, вынужденных с боем проходить свой город, а затем и распыляться“.

Нельзя не удивляться тому обстоятельству, что в Новочеркасске пребывало до 3000 офицеров, которые не знали об оставлении партизанскими отрядами гор. Новочеркасска 12-го февраля, благодаря чему и не могли выступить в Степной Поход!.. Прежде всего, все офицеры, находившиеся в Новочеркасске, включительно до 12-го февраля, могли совершенно свободным образом вступить в ряды партизанских отрядов полк. Мамонтова, полк. Каргальскова, войск. ст. Семилетова, войск. ст. Ленинова, войск. ст. Мартынова, войск. ст. Чернушенко, есаула Бокова, есаула Дувакина, под'ес. Боброва, хор. Назарова и др. Независимо от всяких обстоятельств, все офицеры, пребывавшие в Новочеркасске, были обязаны регистрироваться в комендантском управлении, после чего были зачислены в резерв чинов Донского Войска. Для офицеров же были созданы обширные офицерские общежития в зданиях Военного собрания и Войсковой имени Атамана Платова гимназии. Начальником офицерского резерва являлся ген. Груднев, которому были подведомственны все офицеры, состоявшие в офицерских отрядах (штаб-офицерский отряд, офицерский войск. ст. Гилорыбова). Неопровержимый факт, что офицеры, состоявшие в офицерских и партизанских отрядах, выполнили приказ Походного Атамана о выходе из Новочеркасска — за малым

исключением... К числу последних прежде всего надлежит огнестрельным причинам в Новочеркасске и расстрелянного большевиками. Отмечаем, что на квартиру ген. Груднева, находившуюся в доме Варламовой на Баклановском проспекте № 26, дважды прибывал автомобиль с партизанами с Аксайской переправы, стремившимися забрать ген. с собой, но все усилия были напрасны...

Для большей определенности отмечаем важнейшие центры партизанских отрядов, размещавшихся в гор. Новочеркасске, именно: Кадетский корпус, Военное училище, Войсковая имени Атамана Платова гимназия (угол Скородумовской ул. и Ермаковского просп.), церковно-приходская школа (Троицкая площадь), Казачье подворье (старый базар), Военное собрание и реальное училище (угол Комитетской и Московской улиц) и т. д.

Выполняя приказ Походного Атамана, партизанские и офицерские отряды ровно в 12 часов дня 12-го февраля покинули места своих стоянок и двинулись походным порядком через весь город к месту переправы через р. Аксай. За исключением раненых и больших офицеров и партизан, находившихся на излечении в госпиталях, в Степной поход ушли с партизанами все, кто желал, ибо на глазах всех обывателей Новочеркаска происходил отход партизанских отрядов. Надлежит знать, что приказ об отходе из гор. Новочеркаска был передан для исполнения во все офицерские и партизанские отряды, но отнюдь не отдельным лицам...

Показательным фактом является регистрация офицеров в гор. Новочеркасске, произведенная большевиками 10 марта 1918 г. и установившая наличие 3164 офицеров. Согласно официальным данным следственной комиссии (по окончательному взятии восставшими казаками Новочеркаска), явствует, что в период времени с 13-го февраля и по 1-ое апреля 1918 года, большевики расстреляли в г. Новочеркаска — 14 генералов, 23 полковника, 292 кадровых офицера и 181 офицера военного времени (в общем итоге — 510 офицеров). По утверждению ген. Денисова в состав войск возглавляемой им Заплавской группы восставших казаков входило до 600 офицеров, ушедших из города Новочеркаска 4-го апреля. Произведя подсчет, легко установим, что при вогоричном взятии большевиками гор. Новочеркаска (4-го апреля), в последнем, несмотря на расстрелы, чинимые большевиками, продолжало оставаться свыше 2000 офицеров! Следуя терминологии ген. Денисова, ставим вопрос, почему же «эти офицеры, забытые Походным Атаманом», не пожелали уйти из Новочеркаска 4-го апреля, совместно с восставшими казаками, где находился и ген. С. Денисов?

Вступление большевиков в Новочеркасск 12-го февраля, рано как и оставление последнего донскими партизанскими отрядами, было ведомо каждому городскому обывателю; между тем ген. С. Денисов далее утверждает: «Весьма знаменательно, что оставление Новочеркаска 12-го февраля произошло настолько внезапно, что видные штабные работники Войскового штаба и штаба Походного Атамана только утром 13-го февраля, придя на очередные занятия в штабы, увидели пустые комнаты и груды сожженного мусора и вороха бумаг, которые им же пришлось дожигать». Подобное утверждение ген. С. Денисова также неправдоподобно, как и вообще все его нападки на партизан-степняков; разве возможно поверить тому, что на другой день по занятии большевиками гор. Новочеркаска штабные офицеры явились на очередные занятия... и притом в полной офицерской форме!

Заканчивая разбор т. н. «офицерского вопроса», заметим, что 13-го февраля могли придти на занятия в штабы лишь следующие офицеры: есаул Щепкин из Войскового штаба (член Новочеркасского военно-революционного комитета) и подполковник ген. шт. Рытиков, который по занятии большевиками Новочеркаска состоял членом «революционной пятерки» по разработке плана защиты гор. Новочеркаска от восставших казаков. Не проверив собранных сведений, ген. С. Денисов ссылается, вероятно, на тех офицеров, которые не думали ни при каких обстоятельствах идти в Степной Поход. Громадная часть офицеров из числа оставшихся в гор. Новочеркаска была, очевидно, по-

давлена событиями, утратила веру в свои силы, была совершенно деморализована...

Утверждаем далее, что партизаны, утром 12-го февраля дравшиеся с большевиками на позициях у ст. Персияновка, своевременно получили приказ об отходе к переправе через р. Аксай. Ген. С. Денисов, не являясь ни участником, ни свидетелем означенных событий (находился вне территории Донского Войска) и не имея под руками необходимых доказательных документов, берет на себя смелость представлять боевую обстановку в искаженном виде... Приказ об отходе с Персияновских позиций был передан в партизанские отряды утром 12-го февраля. Одновременно, утром того же дня, Малый Войсковой Круг выслал парламентаря есаула Сиволобова в Кривянскую станицу (в 3-х верстах от Новочеркаска) для ведения мирных переговоров с Голубовым, занявшим указанную станицу. В то же время Походный Атаман выслал конный юнкерский отряд есаула Слюсарева к ст. Кривянской, вменив последнему в задачу «Северный революционный казачий отряд» Голубова в Кривянской станице до трех часов дня, к каковому времени должна была закончиться переправа партизанских отрядов через р. Аксай. Есаул Сиволобов, обсуждая с Голубовым вопрос о сдаче гор. Новочеркаска, предательски рассказал последнему о происходящем в Новочеркаске, чем не замедлил воспользоваться Голубов...

В три часа дня есаул Слюсарев с своими юнкерами, выполнив поставленную задачу, начал отход к Аксайской переправе; спустя полчаса, части «Северного революционного казачьего отряда» подошли к Новочеркасскому вокзалу и встретились с пешей сотней Семилетовских партизан, отошедших с Персияновских позиций. Партизаны оказали вооруженное сопротивление большевикам, вступив с ними в бой! В конечном итоге предательство есаула Сиволобова имело своим следствием гибель пешей сотни Семилетовских партизан; часть из них была изрублена, часть обезоружена и жестоко избита нагайками; не малые потери понесли и большевики.

На переправе через р. Аксай, что у лесной биржи Цыкунова, происходила невообразимая толчея; сбившиеся в одну кучу обозные повозки загромаждали путь и образовывали пробку. Пустынные до этого времени улицы привокзального района Новочеркаска, населенного главным образом рабочими, внезапно оживились и наполнились шумным сбродом городской черни, которая с нескрываемой усмешкой злорадствовала над уходящими партизанами. Общій шум и гвалт внезапно пререзывает громкая команда: «Смирно, равнение направо!» Мерным шагом движется к мосту группа всадников, испуганная толпа растерянно шарахается в стороны. Впереди конной группы — всадник. Сухое обветренное лицо, чуть сгорбленная фигура, ласковые глаза зорко смотрят из под надвинутой смятой фуражки, отороченный серым мехом полушубок, на груди офицерский Георгий, на шапке Георгиевский темляк, — известный партизан Мануил Семилетов...

Скользая по талому снегу, спускается к мосту партизанская батарея. Весьма необычные для военного глаза ездовые: сплошь офицеры. Быстрым шагом, чуть не бегом, выходит из бокового переулка китайская партизанская сотня. Раскосые лица, оскалены зубы, у некоторых из под папах болтаются косы. Командир сотни под есаул Хоперсков, чистокровный китаец, вывезен во время боксерского восстания из Манджурии на Дон ген. Мищенко, окончил кадетский корпус и военное училище! Идут последние части — офицерские отряды, партизанские отряды хор. Назарова, войск ст. Мартынова, полк. Мамонтова, Семилетовская партизанская батарея...

Переправившиеся отряды проходят мимо Походного Атамана, расположившегося со своим штабом неподалеку от моста, и начинают движение к ст. Старочеркасской.

Военный совет под председательством Войскового Атамана Назарова определил отход партизанских отрядов за р. Дон; отряды, однако, выступили в Степной Поход без Войскового Атамана! Как надлежит понимать этот момент, и где следует искать разгадки это-

му?.. Не следует ли искать сути дела в том, что Атаман Назаров связал себя клятвенным обещанием „разделить участь с Войсковым Кругом, какая-бы она ни была?“ Действительно, если-бы Войсковой Круг, вместо того, чтобы вести мирные переговоры с большевиками и сдаваться на милость победителя, решил идти в Степной Поход, несомненно, что и Войсковой Атаман Назаров тоже пошел бы в поход и возглавил бы собой партизан-степняков.

Со стороны Походного Атамана было сделано все, чтобы спасти Войскового Атамана Назарова, в частности за последним трижды присылались партизаны, дабы сопровождать его к переправе через р. Аксай...

Сверх того, при Атамане Назарове находился неотлучный вестовой казак с оседланной лошастью. Тщетно прождав долгое время у Аксайской переправы, Походный Атаман в конечном результате получил от Атамана Назарова короткое приказание отходить без него (Войскового Атамана). Итак, Походный Атаман выполнил решение военного совета от 11-го февраля, при чем, в виду того, что Войсковой Атаман ген. Назаров в поход не пошел и остался с Малым Войсковым Кругом в Новочеркасске, Походный Атаман должен был возглавить партизан, оставивших столицу Дона под натиском большевиков.

Степной Поход начался!..

Р. Мкурнали.

Общность интересов.

(Информационная статья).

Мы, грузины, ведущие борьбу за освобождение нашей родины, с величайшим вниманием и симпатией относимся к идее В. К., выразителем которой является журнал „В. К.“. Естественно, что в борьбе за свободу мы будем со всеми теми угнетенными народами, которые преследуют одинаковые цели.

Повсюду мы видим бурное пробуждение национальных чувств народов, и горе тем, которые этого не замечают.

История повторяется. Мы знаем, как распадались великие Империи, силою оружия присоединившие чужие земли; так было — так и будет, вопрос только во времени. Великая война 1914-18 г. г. показала, что государства, представляющие противоестественный „союз“ народов, распадаются при первом же серьезном испытании. Мы знаем теперь, какая судьба постигла когда-то грозную Австро-Венгерскую монархию. От Российской Империи удалось освободиться Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Финляндии. Другим народам не удалось освободиться в силу тех или иных причин, но повторяю, что освобождение это неизбежно — вопрос только во времени.

Для успешной борьбы с угнетателями — необходима не только мобилизация национальных сил и твердая воля к свободе, но и взаимное ознакомление угнетенных народов.

Необходимо установить связь между нашими политическими организациями, изучить наше культурное и историческое прошлое.

Для управления народами угнетатели прибегают к излюбленному средству — „Разделяй и властвуй“. Мы должны этому противопоставить наш девиз: „объединяйся и борись“.

„В. К.“ в беспристрастном и спокойном тоне знакомит нас с историческим прошлым Казачества. Большая и благородная задача. В русских учебных заведениях история народностей преподносилась в кривом освещении; казалось, что раздел Польши, покорение Кавказа, занятие Туркестана, присоединение Украины, Грузии... все это делалось исключительно для блага этих народов, терзаемых внутренними раздорами. Особенно знаменательно в этом отношении „добровольное“ присоединение Грузии. Оказывается, царь Грузии „добровольно“ вручил России свой престол и народ“.

Я хочу здесь возможно вкратце объяснить друзьям казакам, как произошло присоединение Грузии.

Еще задолго до Рождества Христова Грузия жила самостоятельной жизнью. Первый царь грузинский — Парнаоз царствовал с 327 до 250 года до Р. Х. Грузия перенесла бесчисленное количество войн. Она испытывала и горечь разорения и сладость победы.

В IV веке Грузия приняла христианство. За 500 лет до Рождества Христова Грузия имела свой алфавит. Она оказывала своими войсками помощь Византии, посылала отряды для освобождения гроба Господня. Особенного могущества Грузия достигла при царице Тамаре (1184-1212). При ней жил и величайший грузинский поэт Шота Руставели.

Таким образом, грузины были культурным народом еще задолго до образования Руси. Предпоследнему царю Карталинскому и Кахетинскому Ираклию II, царствовавшему свыше 40 лет, пришлось вести непрерывные войны с турками, персами и горскими племенами. Исключительное дарование полководца помогло ему не только отразить врагов, но сделать своими данниками ханства Ганджинское и Эриванское. Заключив перемирие с врагами, Ираклий II знал, что мир этот не прочен и естественно искал союзников среди могучих европейских государств. Между прочим, 18 октября 1782 г. он отправил письмо с предложением союза Римскому Императору Иосифу. Понято, что в борьбе с персами и турками ближайшая и единоверная Россия представлялась Ираклию II наиболее желательной и естественной союзницей. Этим и объясняется, что в 1769 по его приказанию были впервые пропущены русские части через Дарданеллы, и он принял предложение Екатерины II принять участие в войне с турками.

24 июля 1783 года царь Ираклий II заручился высоким покровительством Екатерины II, но русская царица признала его своим союзником, а не подданным. В доказательство этого достаточно привести пункт 6-й: „Ея Императорское Величество обещает именем своим и преемников: 1. Народы тех царств почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с Империей Е. В... 2. Светлейшего Царя Ираклия Теймуразовича и его дому Наследников и потомков без непременно сохранить на Царстве Карталинском и Кахетинском. 3. Власть, со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу и сбор податей предоставить Его Светлости Царю в полную Его волю и пользу“. 5-й пункт говорит о назначении послов при дворах.

Во 2-м сепаратном пункте предусматривается военная помощь со стороны России. Естественно, что сближение Грузии с Россией сильно обеспокоило Турцию и Персию. Грузия перестала быть буфером между ними и Россией и становилась плацдармом агрессивных действий против них.

Ираклий II скончался в 1789 г., и на престол вступил Георгий XII.

11 февраля 1799 года Павел I утвердил наследником грузинского престола сына Георгия XII Царевича Давида, но когда Георгий XII опасно заболел, русский царь пишет вероломное письмо своему генералу Кноррингу: „Отправьте, коль скоро кончина Его последует, немедленное объявление, чтобы не было приступлено к назначению преемника на Царство Грузинское“. По его распоряжению русские войска занимают Грузию, хотя Царевич Давид правил уже страной, как будущий Царь. Послы Царевича Давида не застали Павла I в живых, а вступивший на престол Александр I издает знаменательный манифест о присоединении Грузии к России.

Этому захвату Грузии он предпосылает следующие высокопарные слова:

„Сила обстоятельств сих обще по сему чувству ваше и глас Грузинского народа, преклонили нас не оста-

вить и не передать в жертву бедствия язык единоверный, вручивший жребий свой великодушной защите России. Возбужденная надежда Ваша на сей раз обманута не будет. Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов у и так уже обширнейшей в свете Империи приемлем мы на себя бремя правления Царства Грузинского“...

Так совершилось „добровольное“ присоединение Царства Карталинского и Кахетинского (Восточная Грузия) к России. Вслед за тем, естественно, также „добровольно“ была присоединена и Западная Грузия. Присоединение это было настолько „добровольным“, что после ряда кровавых боев, Царь Имеретинский Соломон вынужден был эмигрировать в Турцию, и поныне прах его покоится в Трапезунде.

„Так закончила свою многовековую самостоятельность Грузия — одна из древнейших монархий. Чего не могли добиться разнообразные многотысячные враги оружием, сделало союзное государство одним взмахом руки... Не гром пушек и лягз мечей отняли у грузин их самостоятельность и самобытность, а лист бумаги с собственноручной подписью „Александр“. (Д. Чиабров. Россия и Грузия. 1919 г.).“

Отсюда ясно, какова была ценность слова русской Императрицы и ее речительство за потомков своих при заключении трактата 1783 года. Любимый внук ее Александр I „честно“ выполнил обещание своей бабушки...

Кто же даст свободу угнетенным народам? Царская Россия присоединяла, либеральное Временное Правительство — закрепляло и старалось приумножить... Не Советское ли правительство — самое кровожадное из правительств, когда либо существовавших в мире? Золотая Орда, правившая 250 лет Русью, разве не была много гуманнее этой власти?

Татары, правя Русью, брали только дань, но не вмешивались во внутренние дела, не преследовали веры и традиций народных, а Советское правительство в XX веке объявляет беспощадную войну религии, тысячами расстреливая священнослужителей, уничтожая

церкви и монастыри. Эта власть уничтожает также интеллигенцию — хранительницу и носительницу национальной идеи и культуры, рабочих и крестьян, не желающих быть „попутчиками“ красных тиранов и проявляющих самостоятельную творческую энергию. Борясь за власть, правительство это особенно беспощадно с теми народностями, в которых крепки национальные чувства и быт. Недавно в одной русской газете была помещена интересная заметка о казаках: „Казаки — злейшие враги коммунизма. У них — мелкобуржуазная психология. Я не сомневаюсь в том, что они воспользуются первым случаем, чтобы восстать против нас. Мы должны уничтожить Казачество как класс, как особую касту. Самая память о них должна быть стерта“... Слова эти приписываются Сталину.

Ни белая, ни красная России не дадут свободы угнетенным народам. Наше освобождение зависит исключительно от нашей организованности, взаимной поддержки, упорства и воли. Чем больше преступлений делают поработители, тем сильнее будет возмездие. Никому до его времени не удалось на крови, грабежах и чужих страданиях строить на продолжительное время свое благоденствие.

Говоря о России, мы, конечно, имеем в виду прежде всего ее правительство. Когда русские станут нашими добрыми соседями, исчезнут сами собой и вражда и ненависть.

Только свободные народы могут в полной мере развернуть свои духовные и культурные силы.

Мы знаем, что сладость победы ослепляет самодовольных властителей. Они уверены, что танки, авиопланы, газы, пушки, опричина — их верная защита. Они беспечны, глухи, и от них ускользают те подземные толчки, которых жадно и трепетно ловит наш слух. Час нашего освобождения не так далек, как это им кажется. Живое слово и воля к свободе — самое сильное оружие против сатрапов сегодняшнего дня. И это оружие мы должны использовать в полной мере.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

„Оппозиции“.

Итак, уж новый „центр“ явился:
Иван Безуглов разозлился,
Что Билый „царствует“ один,
Что не считается он с ним,
Не говорит ему ни слова,—
И... оппозиция готова...
Безуглов, Жуков и Балинов,
Залез туда А. Н. Трофимов,
Медведев первый и второй
И даже — ужас! — „Гнат Большой“,
Глазков, Карпушкин и Фесенко,
Из ОРК-а некто Огиенко —
Все инженеры, доктора
Et cetera, et cetera...
(Еще бы Чапчикова вам,
Тогда совсем бы был бедлам)...
И это все. Мой вам совет:
От „массы“ подождать ответ.
На все же ваши прокламации,
На лживые все информации
Та „масса“ каждому ответит так:
„Совсем не вольный ты казак,
А отщепенец ты, предатель,
Казачеству гробокопатель...
Тебе не место среди нас.
Уйди, сокройся с наших глаз!“

Одумайтесь, пока не поздно —
Прощенье вам еще возможно,
Но только надо поспешить...
Тогда и „масса“ вас простит...
А лично я на вас чихаю
И признавать вас не желаю...

6-III-34, Colombelles.

З. Кондрашов.

Казачья Голгофа.

Братья казаки! 13 лет прошло, как казачество покинуло родные Края, обездоленное, ограбленное и измученное в жестокой непосильной борьбе с красным врагом... Посмотрите, что творится там, в Казачьих Краях, какие эксперименты проделываются над нашими братьями казаками, томящимися в красном плену? Посмотрите и вы увидите, как страдает и изливается кровью Казачество, оккупированное московскими красными оккупантами; и как за 13 лет эти страдания достигли того крайнего предела, какого они никогда раньше не достигали.

13 лет казачество вымирает с голоду.

13 лет десятки тысяч казаков и их семьи переселяются в далекие северные тундры, устила свои длинный мученический путь трупами умерших от голода, замерзших от холода.

13 лет десятками тысяч расстреливаются казакотруженники, а все их достояние, нажитое кровью и потом, просто конфискуется в личную пользу красных хозяев... И все это лишь за то, что они имеют мужество заявлять о своем желании на право жить, на право трудиться. Голод, холод, смерть и полный разбой царствуют по всем казачьим землям и довели эти земли до того, что там, где раньше было приволье, цветущая мирная жизнь и изобилие всего, — там теперь стон стоит, царствует нужда и смерть...

13 лет, как казачья душа затоптана в грязь, как пропала с казачьего лица улыбка, как исчезла вся красота жизни, и на развалинах прежней жизни воздвигнута гора нечеловеческих страданий и невыплаканных обид... И заслонила эта гора все счастье жизни и сделала дни темными и страшными...

13 лет этот „спектакль“ творится в Казачьих Краях, и продельваются безумные эксперименты над казачеством...

13 лет, как красный варвар-оккупант правит свой пир, ликуя над казачьими трупами и своим жестоким террором старается смять священное знамя казачьей свободы, а вместо закона и права — создать господство убийц и палачей, совершающих безнаказанно нечеловеческие пытки и казни.

И в бешенстве диком в грязь топчут они
Права и законы гражданства
И тут же нахально кричат на весь мир:
„Да здравствует любовь, равенство, братство!“

Братья казаки! Неужели все это не может отозваться больно в ваших сердцах? Помните, что наш священный долг — помочь всем, чем можем, освободиться нашим братьям от красного ига и создать свою жизнь самостоятельной и ни от кого не зависящей. Безучастными и посторонними зрителями мы оставаться не можем, это наш долг перед Родиной и Войском, за неисполнение которого мы должны будем дать наш ответ перед Богом, Родиной и будущей историей.

Наша цель должна быть одна и ясна для всех: полное освобождение наших казачьих земель от московских красных оккупантов и создание самостоятельной казачьей жизни со всеми ее традициями и обычаями.

Быть может, многие из вас спросят, как же бороться, какими силами, ведь нас так мало. Не скрою, что вопрос довольно трудный, разрешить его одним росчерком пера нельзя; но разрешение этого вопроса найти можно, раз цель у нас уже есть. Для этого надо прежде всего собрать воедино все казачество, тщательно изучить наше положение и обстановку текущего времени, а тогда уже не трудно будет найти решение и первого основного вопроса.

В. Богданов. (К. К. В.).

24 января 1934 г. Франция.

О дисциплине.

Некоторые казаки хотят быть вольными казаками, но... никому не подчиняться — ни атаману станицы, ни Окружному Атаману, избранному делегатами от вольно-казачьих организаций, — словом, не желают признавать никакого начальства. Как старый казак, я заявляю, что это — не дело!

Говорят даже, что установление дисциплины в рядах вольных казаков пахнет „старорежимной властью“... Да разве быть вольными означает, что не должно быть ни закона, ни порядка, ни дисциплины?! Казачье самостоятельное государство не сможет существовать без закона, порядка и дисциплины. Казаки, утверждающие обратное, вероятно, вообще не прошли никакой службы, никогда никому не подчинялись и по своему недомыслию не понимают значения добровольного и сознательного подчинения. Такие казаки, повидимому, никогда не нюхали пороха. Они, видите ли, получив какое нибудь приказание от Окружного Атамана, начинают „рассуждать“: стоит ли приказание это исполнить или лучше оставить это до будущего года. Это, повторяю, — не дело! Раз есть Центральное Правление и Окружное Правление, — есть, следовательно, и начальство; и если мы не можем помочь этому начальству материально, то наш долг — помочь ему морально, поддерживая его во всех начинаниях путем проявления здоровой дисциплины. Наше вольно-казачье начальство, нами же избранное, состоит из видных казачьих патриотов. Наш долг — поддерживать его, ибо оно никогда нам зла не пожелает.

Слава вождям Вольно-Казачьего движения!

Слава тем, кто чистосердечно поддерживает их, идя вместе с ними по вольно-казачьему пути!

В. Н. Федосеев.

Виши.

Будем осторожны.

Настоящая обстановка заставляет нас, вольных казаков, обратить серьезное внимание на деятельность и способы борьбы противников ВК, пытающихся скопрометировать и сорвать вольно-казачье движение.

Если бросить взгляд назад, то всю борьбу с нашим движением можно разбить на несколько этапов. По мере развития вольно-казачьего движения, способы борьбы, которыми пользовался противник, принимали все более изощренные формы.

Этапы борьбы противников с вольно-казачьим движением суть следующие:

1. Со дня появления в свет журнала вольно-казачьего национального движения русские „добродетели“ Казачества (в том числе и казаки „вожди“-общероссы) предсказывали журн. „ВК“ скорую смерть.

2. Зловещие предсказания не сбылись, и наступил второй период борьбы с вольно-казачьим движением. На этот раз была пущена в ход русская пресса, которая, к счастью, оказалась не только бессильной в борьбе с ВК, но и вооружила против себя почти всю казачью массу (за исключением части казачьей „старшины“ справа и слева).

3. Как только русская пресса поломала свои зубы, русские поняли, что они бессильны бороться с казачьим сепаратизмом. Учитывая свою слабость, они прибегли к старому, испытанному методу борьбы с Казачеством, поручив ведение борьбы „русским казакам“ чтобы... русские били казаков казачьими же руками (по примеру прошлого!) Услужливая часть казачьей „старшины“ слева, на страницах своего журнала, открывает травлю против ВК (см. „Р. К.“), а правая часть казачьей „старшины“, прикрываясь самостийностью „впредь до“... заговорила через „Лигу Возрождения Казачества“ на страницах „Казачьего Дела“ об „эволюции в сепаратизме“ (№ 2, стр. 7)... Хитроумство всех этих способов борьбы заключается еще и в том, что казаки „вожди“-общероссы выпускают в свет журналы, в политическом отношении бесцветные, представляющие какую-то „смесь“, но с задачами как бы... параллельными журналу „ВК“. Делается это, очевидно, с расчетом оттянуть часть сотрудников из рядов ВК, а потом... закрыть свои журнальчики.

4. Четвертый этап борьбы против ВК, очень короткий, отобразился в виртуозной постройке самостоятельной „Черноморской Антанты“ (журн. „Дон“). Краткость этого этапа объясняется тем, что нельзя ничего построить на... политическом жонглировании.

Необходимо здесь же отметить твердую и ясную линию политического поведения журн. „ВК“ — ни вправо, ни влево — и его отчетливо формулируемую программу, основанную на ясном и здоровом понимании казачьего вопроса.

5. Те, кто случайно „прилип“ к ВК, а потом „отлип“ от него, соединились с вольно-казачьими „уклонистами“ и, действуя, как в сказке — бабка за репку, внучка за бабушку, — восстановили незаметным образом „цепочку“ с казачьими „вождями“-общероссами слева и справа, как последние в свое время, с 1917 по 1920 г., устанавливали „цепочку“ с Россией. Доказательством существования этой „цепочки“ может служить № 10 „Вестника О. С.-Х. Союза в Ч. С. Р.“, а парижская „цепочка“ выявилась на страницах журналов „Ков. В-ны“ (№ 8, стр. 36) и „Казакция“ (№ 1, стр. 50)... Теперь понятно, откуда появляется шопог, и кто создает враждебную для ВК обстановку.

6. Шестой этап — этап борьбы под „демократическим“ соусом с привкусом русскости. В „Казакции“ пишут: „...„Большой Круг ВК составляется из делегатов от всех местных вольно-казачьих организаций, избранных сроком на три года“ (стр. 35). Ниже (стр. 36) напечатано: „Центральное Правление избирается сроком на 3 года“... Конечно, все это хорошо, но, к сожалению, проект организации ВК выработан оппозицией так, как будто бы мы находимся на Кубани или на Дону в спокойной и мирной обстановке. Мне кажется, что вольные казаки-националисты будут придерживаться казачьего народоправства, но думаю, что они не собираются подставлять многострадальное Казачество под удары игры

в народоправство. Мне кажется также, что, как теперь, так и в будущем, срок депутатских полномочий должен зависеть от поведения депутата, и что в случае проявления вредной деятельности депутат в любой момент может быть лишен своих полномочий.

В политике необходимо иметь союзников. Последние ищут политических деятелей с твердой и ясной линией политического поведения, а не людей с „уклонами“ и „эволюциями“. Это обязывает нас, вольных казаков, иметь Центр из казаков-националистов кристальной политической чистоты, которые ярко освещали бы ту цель, к каковой стремилась и стремится казачья масса. Следовать же за „вождями“ с трехлетним мандатом, собирающимися строить государство на „идеологических уклонах“, — было бы пресгупно.

Все это понятно казачьей массе, которая жаждет действительно самостоятельной жизни, но, к сожалению, непонятно тем вероломным честолюбцам, у которых атрофировались задерживающие центры. Смущая „малых сих“, они тычут пальцем казачьей массе: ... „был предан Каледин, Назаров, Волошинов, Караулов, был предан и повешен казачьими же руками Кулабухов. Был предан в Крыму Сидорин“ (см. 29 стр. „Информации“). И хотя автор на следующей странице „отдает должное“ Казачеству, все же им брошены по адресу казаков такие обвинения, как „предатели“, „предадут“...

Вот по этому поводу я и хочу коснуться в общих чертах прошлого, а от прошлого подойти к настоящему.

Неоднократно на страницах „ВК“ писалось о предательской роли той части казачьей старшины, которая, ради своих личных интересов, предавала интересы всего Казачества и умышленно создавала такую обстановку, при которой казачьи ряды становились неустойчивыми. Об этом в свое время писал и автор нынешней подпольной „информации“. Очевидно, он тогда тоже был „в погоне за дешевыми аплодисментами галерки“; ныне же, отказываясь от „галерки“, он сам себя сечет, говоря, что И. А. Билый в народе видит рыцаря, а вероломство — всего лишь в отдельных единицах.

Автор оппозиционной „информации“ пишет о „предательстве казаками А. М. Каледина“. Это утверждение необходимо проверить. В те печальные для Казачества дни на В. Круге доминирующую роль играли Каревы и Мельниковы. С одной стороны, они говорили, что „с Дона выдачи нет“, а с другой, — устанавливали „цепочку“ с российскими партиями, создавая „благоприятную“ обстановку для участия Аг. Каледина на Московском Совещании. После, подобно Пилату, они играли в жмурки и прятались то за демократию, в лице В. Круга, то за спину Аг. Каледина. Тем, кто не знал обстановки, которая ими была создана, и кто был противником поездки Атамана в Москву, они отвечали, что Атамана Каледина послал Круг... Тем же, кто знал обстановку, они отвечали, что Атаман Каледин сам настоял на поездке.

26 марта 1933 г. Карев в своем докладе „Причины самоубийства Атамана А. М. Каледина“ сказал, что Аг. Каледин совершил ошибку, поехав на Московское Совещание, и что это было одной из главных причин его самоубийства.

Печальный урок конца 1917 г. и начала 1918 г. ничему не научил ген. Краснова с Каревым, которые, бу-

дучи у кормила Донского корабля, вновь восстанавливают „цепочку“ с русскими кругами... Результат этой „цепочки“ — отход по Дону и потеря молодой армии. После, Богаевский и Харламов на Дону, а Филимонов и Науменко на Кубани — установили эту „цепочку“ с Деникиным. Все эти „единицы“, цепляясь за русского барина, действовали по примеру той части прошлой войсковой старшины, которая предавала казачьи интересы.

Защитника казачьих интересов А. И. Кулабухова повесила не казачья масса. Казачья масса ответила на это: „От Орла — до Новороссийска“...

Казаков можно обвинить в том, что они мягкосердечны и наивны. Вот на этих-то казачьих струнах и играют „идеологи с уклоном“, создающие необходимую для достижения своих целей обстановку. В случае неудачи — все сваливают на казаков...

Учитывая уроки прошлого, не будем повторять печальных ошибок 1917-1920 г.

В одной из информаций (см. „К. В.“ № 8) говорится следующее: В результате отшатнувшись от нас начинавшая сотрудничать с нами парижская группа самостийников Бояринова и Карева“. А ниже говорится: „Доклад, прочитанный на окружном съезде вольных казаков в Ч. С. Р., единогласно одобрен последним...“ Короче говоря, создается „дипломатическая“ обстановка, „благоприятная“ для сближения, но при этом все делается таким образом, чтобы за результат этого сближения отвечали потом казаки. Оказалось, что и в Чехии имеются „симпатизеры“, готовые признать Бояриновых и Каревых за самостийников, но прежде чем признать, считают нужным схорониться за казачью общественность, в данном случае — за „Окр. Съезд“. Полагаю, что на этом собрании были лица с дипломами высших учебных заведений, ход политических событий среди казачьей эмиграции участникам собрания должен быть, очевидно, известен, а посему я ограничусь всего лишь несколькими данными, характеризующими группу „самостийников“ Карева и Бояринова:

1. См. „Общий список делегатов Зарубежного Съезда“ (газ. „Возр.“ № 314 от 12 апр. 1926 г.), где г. Бояринов числится наряду с теми, кто требовал безоговорочного подчинения казачьих интересов интересам России. Г. Карев тоже „настаивал на безоговорочном подчинении“ („Р. К.“ № 2, стр. 36).

2. Книга „Казачество“, где на 97 странице помещена статья г. Бояринова, излагающая его политические взгляды.

3. См. статью „Оказачивание казаков“ (газ. „Возр.“ № 2168 от 10 мая 1931 г.).

4. „Эволюция самостийности“ (см. журн. „К. Дело“ № 2, стр. 7).

5. Будущее вхождение в состав Российской империи (см. программу „Л. В. К.“).

6. См. вообще все содержание журн. „К. Дело“. Полагаю, что настоящие данные не должны были бы позволить „Окр. Съезду“ в Брно считать группу г. г. Бояринова и Карева за самостийников.

Вместо того, чтобы делать вольно-казачье дело, оппозиционеры заигрывают с теми, кто предавал Казачество и кто на протяжении 13 лет только всего и делал, что иногда смущал умы казаков...

Ив. Скобелин.

Париж.

Станичным, хуторским и куренным атаманам и старшим ВК групп

настоящим предлагаю не позже 15 будущего апреля сообщить сведения о количестве членов своей организации на 31 сего марта, имеющих право голоса на станичных, хуторских, куренных или групповых сборах (собраниях): 1. во Франции — мне и Окр. Атаману, 2. в Югославии — мне и Окр. Атаману, 3. в Болгарии — мне и представителю ВК — П. Н. Кудинову, 4. из всех остальных стран — только мне в Прагу.

И. Билый.

От Округа В. К. во Францию.

В дни, когда вольные казаки прилагают свои силы для спасения Казачества, определилась подрывная работа „известных лиц“, когоры, стремясь провести в жизнь свои личные замыслы, ведут гнусную провокационную работу, желая подорвать Вольно-Казачье движение, — мы, вольные казаки, проживающие во Франции, заявляем:

1. Работу „оппозиции“ считать предательством, ибо безответственные лица, стремясь дискредитировать инж. И. А. Билого, главного руководителя В. К., возводят на него всевозможные ложные обвинения, не имеющие под собой никаких оснований.

2. На 1-м Окружном Вольно-Казачьем Съезде во Франции было отмечено, что инж. И. А. Билый совершил упущение, создав т. н. Малый Круг, образованный не по принципу выборного начала, испокон веков существовавшего в Казачестве.

3. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни одна Вольно-Казачья организация во Франции не выбирала делегатов на т. н. Малый Круг Вольного Казачества, а посему резко отвергаем всякие самочинные попытки захвата руководящей власти в Вольно-Казачьем движении со стороны лиц, именующих себя членами т. н. Малого Круга Вольного Казачества.

4. Выражаем полное доверие и искреннюю признательность инж. И. А. Билому — главному руководителю В. К. — за его высоко полезную деятельность и огромную энергию в деле организации Вольно-Казачьего движения, направленного к спасению Казачества и созданию казачьего независимого государства — Казакии.

Да здравствует Казакия!

Да здравствует Большой Круг Вольного Казачества!

Да здравствует все Вольное Казачество!

Подписали:

Окружной Атаман Вольных Казаков во Франции
А. Ленивов.

Помощник Окружного Атамана С. Настоящев.

Окружной писарь И. Кувиков.

Окружной казначей В. Крыштопа.

*Вольно-Казачья станица имени А. И. Кулабухова
въ Париже:*

Станичный Атаман С. Федосеев.

Помощник Атамана П. Калита.

Писарь Е. Чертков.

Казначей А. Лебедин.

Союз Вольных Казаков (сепаратистов) имени Донского Атамана Самойла Лаврентьева в г. Лионе:

Председатель Союза Н. Юров.

Тов. председателя Е. Шаншиев.

Секретарь Мельников.

Казначей Н. Калинин.

Ревизионная комиссия:

С. Ерохин, Т. Кулик.

Вольно-Казачья станица имени Пугачева в г. Южине:

Станичный Атаман И. Орехов.

Писарь К. Разливаев.

Казначей Н. Белобородов.

Ревизионная комиссия:

А. Ивановсков, А. Сапунов.

Вольно-Казачья станица в г. Тулузе:

Станичный Атаман Еф. Якименко.

Помощники Атамана Н. Шепель, К. Курило.

Писарь И. Хрипушин.

Казначей Г. Шерстюк.

Объединенная Вольно-Казачья станица в г. Дижоне:

Станичный Атаман Я. Безгласный.

Писарь Ю. Золотарев.

Казначей Т. Сорокин.

Ревизионная комиссия:

Мищенко, Промовляйко.

Вольно-Казачья станица в г. Монтаржи:

Станичный Атаман Н. Ивановсков.

Помощник Атамана М. Попивненко.

Писарь А. Морозов.

Казначей А. Демченко.

Ревизионная комиссия:

Д. Вертий, А. Забирка, В. Мокиенко.

Культурно-просветительный кружок имени Атамана К. Булавина в г. Туркуане:

Председатель А. Дронов.

Тов. председателя И. Федотов.

Секретарь С. Антипов.

Казначей М. Красноплахтов.

Ревизионная комиссия:

В. Чекин, И. Лаштабега, И. Кривоносков.

Федерация Вольных Казаков комбаттантов имени Донского Атамана А. Назарова во Франции:

И. Д. Председателя Д. Пятилетов.

Генеральный секретарь И. Сухоруков.

Казначей Д. Пимкин.

Ревизионная комиссия:

Ф. Коркишко, В. Зуров, К. Иванов.

Вольно-Казачий курень имени К. Бардижа в г. Виши:

Атаман Н. Коваленко.

Пом. Атамана Д. Чесноков

Писарь И. Попов.

Казначей П. Кондратенко.

Ревизионная комиссия:

А. Солодухин, А. Черко, В. Федосеев.

Вольно-Казачий курень „Донская Сарынь“ в г. Сен-Эрве:

Атаман И. Болдырев.

Вольно-Казачий хутор имени Атамана Ст. Разина в г. Тамарисе:

Хуторской Атаман А. Дьяков.

Писарь В. Семенкин.

Казначей И. Латышев.

Вольно-Казачий хутор имени Е. Грузинова в г. Шарлевилле:

Хуторской Атаман А. Кунделеков.

Писарь Г. Хохлачев.

Казначей Т. Забусов.

Учетная комиссия:

И. Курнасов, К. Квашура.

Вольно-Казачий хутор имени Атамана Некрасова в Коломбеле:

Хуторской Атаман З. Кондрашов.

За писаря Л. Ковалев,

П. Медведев, А. Ануфриев, В. Башкатов.

Вольно-Казачья группа в г. Валянсе:

Старший гр. Ф. Водяный.

Писарь И. Зотов.

Вольно-Казачья группа в г. Дессине:

Старший гр. В. Фролов.

Писарь А. Георгиев.

Вольно-Казачья группа в г. Сен-Мартин:

Старший гр. Пятибратов.

Писарь И. Козликин.

Казначей Г. Сербинов.

Вольно-Казачья группа в г. Сансе:

Старший гр. А. Киреев.

Писарь Б. Лепешкин.

Казначей С. Лашманов.

Ответ „оппозиции“.

Протокол

заседания станичного правления Тулузской Вольно-казацкой имени А. И. Кулабухова станицы 10 февраля 1934 года.

Станичное правление ознакомилось со всеми информационными материалами:

1. Информацией Парижского Представительства Вр. Центрального Правления В. К.
2. С ответом „Окружного правления В. К. Округа в Чехословакии“ Окружному правл. В. К. в Югославии.
3. С журналом „Казакия“ и
4. Воззванием „Вр. Центральн Правления ВК“...

Из приведенных выше материалов видно, что некоторые вольные казаки, сводя личные счета с редактором журнала „В. К.“, И. А. Билым, стараются втянуть в эту игру вольных казаков. Мы считаем совершенно для себя не интересным то, что у Балинова или Балыкова, или кого либо другого, возникли недоразумения с Билым, но выражаем свой протест против того, что эти личные недоразумения выносятся наружу, с одной целью — внести разлад в крепкую вольно-казацкую среду.

Считаем совершенно бесчестным называть Окружной В. К. съезд в Лионе фикцией, и что был созван секретно, без ведома яко-бы даже представителей „В. К.-ва“ (Хоруженко), т. к. о съезде было объявлено в журнале „В. К.“, к тому же все организации, избравшие своих делегатов, представителем жур. „В. К.“ Лениновым были уведомлены подробно письменно о дне съезда.

Такой взгляд на съезд высказывают представители Парижского „Общества Ревнит. К.-ва“ очевидно потому, что съезд не позволил представителям этой организации, Жукову и Балинову, сводить личные счета с Билым, т. к. съезд был созван не для того, чтобы улаживать слух делегатов взаимными препирательствами личного характера. Совершенно неправильно возводятся обвинения по адресу съезда, что некоторые делегаты, в частности Болдырев, были на съезде, не имея ни от кого полномочий: Болдырев является атаманом В. К. куреня „Донская Сарынь“, который к моменту съезда не был оформлен в силу только местных условий. Здесь же не лишне привести справку из ответа „Окруж. Прав. в Чехословакии“: „состав же делегатов на съезде в Брно объясняется тем, что нами был принят принцип допустить на съезд всех в. к., желающих и могущих на свои средства приехать в Брно, чтобы вынесенные решения и выбранные органы возможно полнее выражали мнение масс“... Значит, в Брно считают все это законным, а во Франции, где лишь один делегат своими полномочиями вызывает сомнение, — это большой грех.

Само возникновение „Окружного правления в Чехословакии“ считаем незаконным, т. к. путь вольных казаков, которые создали настоящую обстановку, считаем чисто революционным явлением, которое недопустимо в данное время. Считаем необходимым указать на эту казуистику, к которой прибегают в обращении члены „Малого Круга“, и которые считают законным и авторитетным Малый Круг, а несколькими строчками ниже говорится, что это „сборище Билый назвал Малым Кругом“. Где же логика?

Порекомендовать „Окруж. Прав. в Чехословакии“ и его „Представительству в Париже“ оставить в покое В. К. организации в своем споре с редактором журнала „В. К.“ Билым, а лучше представить весь этот материал на Большой Круг В. К., который и скажет свое авторитетное слово.

Настоящим приветствуем Окружное Правление в Югославии за правильное отношение к создавшейся ситуации.

Выражаем доверие редактору журнала „В. К.“ Билему и оказываем всякую поддержку по созыву Большого В. К. Круга, дабы последний положил конец

смутьянским выходкам тех казаков, которые на почве личных счетов наносят вред всему Вольному Казацтву.

Настоящий протокол послать: В редакцию журнала „В. К.“, „Окружному Правлению в Чехословакии“, „Представительству Вр. Центр. Правления в Париже“ и в редакцию журнала „Казакия“.

Атаман В. К. имени А. И. Кулабухова станицы Под'есаул Еф. Якименко.

Помощники: Есаул И. Курило, Под'есаул Шепель.
Казначей Г. Шерстюк.

Станичный писарь Хрипушин.

Постановление Б. О. К. С. станицы.

Заслушав доклад ст. атамана о появлении и работе „оппозиции“ и ознакомившись с перепиской Окр. Правления с „нею“, а также приняв во внимание содержание журналов №№ 6, 7, 8 „К. В“ и № 1 „Казакия“, сбор ОКСС в Белграде единогласно постановил:

1. За разрушительную работу в ВК-ьем движении и за насильственную попытку навязать свою власть всем ВК-чьим организациям исключить из станицы: г. г. Балинова, Балыкова, Карпушкина, Жукова, Елисева и Безуглова и лишить их звания почетных казаков.

До сведения г. г. Балинова и Балыкова доводится, что ст. Н. Ф. Букин не является атаманом ОКСС в Белграде, и что вышеупомянутые лица были выбраны не Н. Ф. Букиным, а станицей. Последняя же, видя „узкость“ взгляда на почетное звание (Заметка в № 8 „К. В“) лишь лишней раз убеждается в стремлении их и на сей раз выйти безответно из гнусных начинаний.

2. Стаж, на который г. г. оппозиционеры так часто опираются, лишь усугубляет их вину, но не стоит забывать и того, что в свое время и у Азефа был самый большой стаж.

3. Категорически настаивать перед председателем Ц. Пр. В. К. инж. И. А. Билым и ВК-ьей общественностью о недопущении кого-бы то ни было из „оппозиции“ на Б. К, ВК-ва и рассматривать их вред, как сознательных врагов нашего движения.

4. Присоединяясь к речи Е. Г. Кундюрцовой, в которой она ярко выразила, что ее супруг Борис Александрович никогда бы не разделил того, что идет во вред Великой идее, и никогда бы не допустил, чтобы трепалось святое для него имя, которым он назвал, в свое время, выпускавшуюся им информацией ОКСС, свято чтя имя собрата, категорически требуем снять название „Казакия“ с выпускаемого г. г. „оппозиционерами“ разрушительного журнала и тем самым действительно почтить имя покойного поэта и борца за Казакию.

Атаман студ. станицы Константин Поликарпов.
12-III-1934 г. Белград.

Господам „оппозиционерам“.

Я получил вашу „информацию“; кроме того, ознакомился с первым номером вашего же журнала „Казакия“...

Так как я являюсь человеком с большим литературным, политическим и общественным стажем (43 года без перерыва), то и считаю себя в праве высказаться по поводу всей вашей литературы. Подчеркивая, что в течение всей своей деятельности я всегда руководствовался исключительно принципами: честность, справедливость и искренность, я и в данном случае не изменю своим взглядам и, по обыкновению, буду писать просто, ставя все точки над і.

Я не буду касаться отдельных эпизодов, обрисованных во всей вашей „литературе“. Прежде всего, я слишком далек от всех закулисных драг и подвохов и потому, вполне естественно, не в курсе всех дел. Затем, если хотите, разбираться не в чем. Мне кажется, пройдет немного времени, вы остынете от первого „дыла“,

прочитаете еще раз все то, что сами же изображали, и поймете, как свойственно людям делать глупости. Лично я служу не лицам, а идеям и потому это письмо пишу не под диктовку И. А. Б., а по своему личному побуждению.

И вот, если бы даже на одну секунду согласиться с тем, что И. А. Билый только на 50% такой разбойник, каким вы (г.) изображаете, то и в таком случае вы все в квадрате неправы. И вот почему:

Что такое литература, политика и общественность — три кита, на которых зиждется работа каждого народа?

Это не больше, как тоже своего рода ремесло — профессия, которую нужно не только изучить. В то время, когда мальчишка-лоботряс, поступив в учение к сапожнику, современем может стать сам хорошим мастером-профессионалом, указанным выше „ремеслам“ нельзя выучиться, стоя за верстаком. Люди, избравшие себе это „ремесло“, должны быть одаренными внутренним содержанием, тем, что на нашем профессиональном языке, называется „нюхом“, дабы, живя сегодняшним днем, можно было, хотя бы приблизительно, предугадать не только положение на завтра, но и за десятилетия вперед.

Судя по тому материалу, который вами „обнародован“, вы все лишены этого необходимого багажа, без которого работа на литературном и политико-общественном фронте является профанацией самого дела, кощунством над самой избранной идеей, словом, — вредным злом для общего дела.

Ваша группа по всем этим трем положениям не выдержала, по крайней мере передо мною, экзамена даже на первый класс. Вы, как видно, не даете себе отчета даже в том, что можно быть самым честным идеалистом (а таковыми я вас всех считаю), но в то же самое время бездарнейшим активистом, лишенным самых элементарных понятий о практически-творческой организационной работе. Постараюсь это вам доказать со стороны:

1. По отделу литературы: насколько мне известно, вы не так еще стары, но в то же самое время воображаете себя чуть ли не Толстыми, в вас развито большое самонимение, и благодаря этому вы не „заприметили“, какой безграмотный, безвкусный и духовно убогий листок вы выпустили. Вы, как видно, во вражде с тем языком, на котором выпустили свою „литературу“, и потому получились какой то жаргон, не говоря уже о редакционных ляпсусах. И если вы там жалуетесь, что Билый „затирал“ вас в своем журнале, то после выхода в свет вашей стряпни я его вполне понимаю и глубоко ему сочувствую. К себе, в редакцию, если после третьего визита я видел, что автор, подобно вам, не исправил, я его не пускал даже на порог. Рекомендую вам самим вчитаться в свое же собственное сочинение и быть может и вы нащупаете то, что так бросается в глаза со стороны. Единственное исключение, это воспоминания профессора Ф. А. Щербины. Мне больно было за него, я недоумевал, каким образом его материал попал в ваше „свалочное место“, именуемое вами журналом. И я объяснил себе столь печальное явление исключительно доверием старика к человеческой порядочности, а может быть, это просто недоразумение. Для меня ясно, что вы совершенно незнакомы с публицистикой и потому подходите к ней так, как будто это то же самое, что и продажа папирос с лотка. Как старый профессионал я протестую всеми фибрами своей души против такого бесцеремонного обращения с печатным словом.

2. По отделу политики: милые люди, да вы так далеки от понятия, с чем едят эту самую политику, как я от папского престола. Я уже подчеркнул, что готов поручиться в том, что все вы 100% идеалисты, но ваше несчастье в том, что, еще не закончив своего воспитания, уже вбили себе в голову то, что по латыни называется „мания грандиоза“. Вы не чувствуете, да благодаря отсутствию навыка и необходимой практики, и не можете чувствовать, что, охраняя святость своего идеала, вы совершенно подчинились какому то влиянию со стороны и слепо ведете дело на радость нашим

врагам и в ущерб своему же идеалу. У меня, искушенного длительным опытом и уже третий раз попавшему в эмиграцию, определенное и непоколебимое убеждение в том, что вы сами не сознаете всей ответственности таких неосмотрительных шагов. Выходит так, что вы работали идейно, но для себя, для того, чтобы еще при жизни вас на руках качали. Вы забыли о двух истинах: 1. не сотвори себе кумира и всякого подобного и т. д., 2. нервы будем распускать завтра. Это второе изречение необходимо повторять ежедневно, до принятия пищи. В конечном итоге привыкнете не горячиться, быть более наблюдательными и отличать хорошее от скверного.

И, как старший брат, горячо рекомендую вам: оглянитесь хорошенько вокруг себя. Нам здесь виднее. Кое кто из получивших вашу „литературу“ (даже не из казаков), но тоже с практическим стажем, всецело разделяют мою точку зрения. Около вас собираются провокационные тучи, а вы, развесив уши, сидите, совершенно не сознавая этого, впутываете свои имена в возможно недалекий скандал.

3. По отделу общественности: если вы думали рекомендовать себя, как общественных деятелей, выпуском своей литературы, так вы уже можете крест поставить на всю свою дальнейшую общественную работу. Ведь вы же первыми „вынесли сор из избы“. Ваше большое себялюбие заставило вас, в угоду исключительности своего „Я“, вынести этот сор не только в души казаков, но и пустить его дальше, с попутным ветром. Это по вашему называется „понятие об общественности“. Уверен, что помимо вашего ведома и желания, кто то получил хороший куш за то, что вы сделали.

Вам совершенно чужды законы этики, а ведь знание ее необходимо в нашем, обязующем нас, положении. В каждой профессии есть своя этика по отношению к своей профессии, а у вас, претендентов на звание „вождей и повелителей массажи“, ни малейшего намека на ее наличность. Вот один из ваших „обижен“: составил проект, „хороший проект“, правда, сопряженный с большими расходами и с большим вопросом по поводу необходимости осуществления самого проекта, даже больше: сам автор не уверен в его успехе. Ясно, что при наличии таких данных, проект забракован. Автор этого фантастического проекта настолько антиобщественник, что не может понять такой простой истины: не то хорошо, что ты сам хвалишь, а то хорошо, что хвалят другие. Нужно быть безгранично смелым, если не сказать больше, чтобы веровать в свою непогрешность и чувствовать себя вне критики.

И так, слово за словом, страница за страницей, — беспредельное убожество, отсутствие самых элементарных знаний у вас того дела, за которое вы взялись. Для самого даже посредственного деятеля ясно, что дело у вас не в идее, даже не в самом деле, а лишь в личном самолюбии, самолюбии мешан, мелких обывателей, героев Щедринских и Чеховских произведений. Раз задето личное „Я“, — гони во всю, не заглядывая за завесу неизвестного грядущего, сей рознь между теми, с которыми так еще недавно приходилось работать; больше того, работай на руку своим же врагам... Вот какое, в общем, получается впечатление от всей вашей белиберды. Пока вы работали под надзором и руководством опытных людей, и вы были, как люди. Но заболев величием и вырвавшись на „волю“, вы сразу же обнаружили всю свою никчемность и непригодность к той работе, которая или вас не понимает, или вы ее понять не можете.

Я ограничился бы вообще молчанием: мало ли ежедневно мусору бросаешь в корзину. Но вы задели меня, как старого профессионала, всю жизнь посвятившего служению общественному делу, вы плюнули прямо в лицо моему же родному идеалу. Я не юрист и меня не уполномочил Билый быть его защитником. Пишу вам резко, но искренно, как старший к младшим. Это еще не значит, что вы должны просить прощения и опять идти на свои места. На месте Билого, я лично не принял бы ни извинений, ни обратного сотрудничества: в таком серьезном деле пощады быть не может. Но если бы вы умели разобраться сами в том, что вы написали, вы почувствовали бы, что сели бесповоротно

в лужу, и выбраться из нее вам не так то легко будет. Указывать на ваши промахи я не буду. Считаю слишком мелким для себя полемизировать с вами по деталям и мелочам и потому ограничиваюсь общими местами. Готов поручиться, что пройдет немного времени, вы подзаиметесь собою, многое непонятное станет для вас ясным, и тогда вы вспомните о моем письме и хотя в душе согласитесь, что я прав.

Я сохранию вашу литературу для того, чтобы со временем вам же ее показать, как горькое воспоминание и пример вашей анти-литературной и антиполитико-общественной работы. Вы настолько профаны в чужом и чуждом для вас деле, что не понимаете столь простой вещи: печатный орган не груша и не спички. Платить за него, а тем более жертвовать на него можно тогда, если он соответствует своему назначению. Это некрасивый способ вытягивать из карманов и без того отощавших казаков жалкие гроши исключительно для удовлетворения личного самолюбия.

Вот все, что я должен был вам написать. Недалек тот час, когда та третья сила, которая, может быть незаметно для вас, вами руководит, вылезет наружу. Тогда вспомните, что я, сидя в Берлине, знал и видел то, что было у вашего бока и мимо чего вы молча проходили.

Вольный казак Г. Ковловский.

28-II-1934.

Мое слово.

Отягощенный физической работой по добыванию себе „хлеба насущного“, отрываемый по ночам от отдыха желанием не празднично жить на земле и во исполнение данной присяги перед своим Отечеством — Всевеликим Войском Донским — все силы отдать на благо Народа и Отечества, покрывая росчерками карандаша клочки бумаги, зачастую лежа в постели, — стараясь дать будущим вольным потомкам моего любимого, родного Казачьего Народа — свою литературу, я, откровенно говоря, сквозь пальцы смотрел на всяческие попытки тех или иных „оппозиций“ Вольно-Казачьему движению.

Не радовали меня эти „оппозиционные“ попытки внести раскол в вольно-казачью семью, собранную усердием двух казаков-националистов: донца — М. Ф. Фролова и кубанца — И. А. Билого, собранную на последний, решительный бой — за честь Казачества и за казачье имя, за свой порог родной и угол!..

Не радовали... Нет!..

— Ну, что-ж, — думал я, — ведь в семье не без урода; глупцы есть везде и всюду, но не может быть среди казаков сознательных губителей дела освобождения своего Казачьего Народа!

Их не может быть в казачьей семье!

Да!.. Так думал я, но... „чем черт не шутит, когда Бог спит“?!

Седьмой год я работаю в организации В. К.; седьмой год, зачастую — с боем, провожу в казачью массу идею:

Казак — наша цель!

Наш девиз — Казачья Воля!

И вдруг... Как из рога изобилия, посыпались по моему адресу письма, информации, брошюры, журналы и прочая литература —

начиная с художественной и политической и кончая карикатурной и заборной!..

... Передо мной куча писем. С первого и до последнего они содержат в первых же строках одну и ту же фразу (как будто авторы сговорились!):

„Вы не в курсе дела“...

Черт возьми!.. За семь почти лет сотрудничества в журнале „В. К.“ и за свое долготелее пребывание в эмиграции, как будто-бы, я не мало знаю лично как поборников в.-к. движения так и его противников.

Уже насточертело мне платить французским фактам (почтальонам) — „пур буар“ (на выпивку) за

черезчур увесистую, а главное — ежедневную корреспонденцию: пишешь, получаешь, а результат:

„Вы не в курсе дела“...

Вот так фунт!..

То есть, один из старейших сотрудников „Вольного Казачества“ — „не в курсе“ вольно-казачьего движения!..

Ну-с, дорогие мои корреспонденты разнокалибернейших категорий, должен и я вам сказать мое слово раз и навсегда!

Вы, нынешние, с позволения сказать, черезчур „вольные“ казаки, с каких это пор стали, подобно яйцам, учить наседку — как вас высиживать?..

Неужели вы до сего времени, уже избавившись в реальности от яичной скорлупы, все еще воображаете себя зародышами в яйце казачьего народного движения?

Что-ж? Прикажете вам, может быть, еще соску подать для полного вашего политического вразумления и обязательно с материальным содержанием, состоящим из... птичьего молока?!

Да!.. „Говорят, что в Москве кур доят, а коров на яйца сажают“ Может, вам пахнет птичьим молочком от... московских кур?

Вполне возможно, что для кой-каких брехунов оно и полезно, — так сказать, для голоса!..

Не верите?!

А загляните-ка в № 1 журнала „Казак“, в замечательный фантастический роман под заголовком: об „окружном с'езде“ в Лионе!

Талант-то какой!.. Художественность!..

А брехня!..

Ну, прямо таки — шедевр!

И добавок:

Смелость!.. Храбрость!..

Ведь не всякий щелкопер решится подписать под заведомой брехней свой... псевдоним!

А тут: на тебе! — „соб. кор.“!

И где только такие отчаянные „храбрецы“ родятся? Даже редакция журнала „Казак“ сконфузилась от такой „храбрости“ и, любезно сдерживая „геройский“ пыл своих сотрудников, пишет:

„редакция просит своих корреспондентов по возможности воздержаться от присылки сообщений за подписью „соб. кор.“ Каждый материал должен быть подписан. Точно так же по возможности будем избегать помещения статей под псевдонимами“.

Весьма любезно, но...

на самой задней страничке!

То есть: сначала плюнем в физиономию, а потом извинимся: дескать по ошибке! — не туда попали!

Нет! не! Правильно! В добрый час, новые конкуренты хуторских кобелей:

гавкайте! плюйте! харкайте!

Как раз вы туда попали! —

в Казачий Народ!..

Гей! Вы!!!

В тяжкие годы для Воли и Доли

Родины нашей — Казачьей Земли —

Вы!.. Вы забыли казачьи невзгоды

В гранях чужой, безотрадной земли!

Нам не нужна „оппозиция“ Воле —

Делу свободы Казачьей Земли!

Вы не работники — лодыри в Поле

Доли казачьей! плюс — глупаки!..

Вы, станичники „оппозиционеры“, пишете: „никто один (т. е. в данном случае ст. Билый. П. К.) без поддержки всех нас ничего не сможет сделать“.

Без кого это не может обойтись ст. Билый: без нас?.. Без нас — казаков?.. Но если бы не было нас, казаков, то станичнику Билому вообще незачем было бы „раздувать кадило“ и издавать журнал „Вольное Казачество“!.. Если же без вас — „оппозиционеров“, то позвольте вас спросить: это вы, что-ли, шесть лет издавали журн. „В. К.“? Это вы, что-ли, создали 2 вольно-казачьих округа? Это вы, что-ли, заставляете скрипеть зубами от бессильного бешенства русских „казачков“?..

Сколько времени прошло с тех пор, как некоторых из вас „ушли“ из редакции журн. „В. К.“? Если не ошибаюсь, уже несколько лет. За это время ст. Билый сделал хоть что-нибудь для блага нашего Народа.

А вы?.. Что вы сделали?.. — Ничего!

Скажите нам, рядовым казакам, „темной массе“: за время вашего пребывания вне редакции „В. К.“, что вы сделали полезного для в.-к. движения и для всего Казачьего Народа?

Выступали с „разоблачениями“ перед русскими аудиториями?

Так какая же это заслуга?!

Все ваши „оппозиционные“ стремления выражаются в одном: свалить ст. Билого и захватить лидерство в в.-к. движении в свои руки.

Воображая, что вы — соль Казачьего Народа, и без вас казаки — буквальные сироты, вы, не спрашиваясь мнения вольно-казачьей массы, образовываете „оппозиции“, собравшись „ты да я, да мы с тобой“, „выбираете“ друг друга в „вр. Центр. Прав. В. К.“, в „Малый Круг“, в „Окружн. Правл.“ и черт знает еще куда!..

Подобный шаг, с явно выраженными захватническими целями, совершенно беспринципными, носит одно достойное название:

узурпаторство!

А люди, состоящие в этих „высокогуманитарных“ образованиях и имеющие вышеупомянутый лозунг, — узурпаторы!..

Вы, господа хорошие, хотите играть роль в казачьей политической и общественной жизни?! Смею вас уверить, что на бессовестной брехне в глаза казачьей массе, а главным образом — на узурпаторстве, вы дальше собственного стула не уедете!

Вы называете ст. Билого „единоличным диктатором с эгоистическими и материалистическими стремлениями“. А вы кто же, позвольте вас спросить:

святители, что-ли какие? — „яко благ, тако наг, в общем: нет ни черта“?!

„Чудотворцы“ новоявленные!..

Вы, господа хорошие, увидев, что за ст. Билым идет казачья масса, отовсюду шлет ему доверенности (до созыва Б. К. В. К.; а может — и дальше!), и увидев, что вас казаки не только никуда не выбирают, но и вообще не замечают (ибо вы ни черта ничего полезного не делали и не делаете!) — вы самым нахальным бессовестным образом лезете в „главверхи“ в.-к. движения, при чем: — в „главверхи“ коллективные, стремясь в единство внести разноречивую и митинговщину!

Кто вас просил? Кто вас уполномочивал на это дело?.. Ваши жены?..

Не доставало, чтобы вы еще ваших малолетних детей привлекли к этим „выборам“!

Это было бы уже совсем мило!..

Вы пишете в № 1 „Казакки“, что „прибыл казак Болдырев в качестве делегата от организации... которая будет им когда-нибудь образована“

Такую фантастическую вещь может придумать только такой заведомый „храбрец“, как устыдившийся собственной фантазии и скрывшийся за подписью „соб. кор.“ из „оппозиции“.

К сведению ст. редакторов журнала „Казакки“ сообщая, что хорунжий И. А. Болдырев был на Окружном С'езде делегатом от группы вольных казаков, в какой-либо имею честь состоять и я.

Еще до созыва Окр. С'езда нами была намечена кандидатура в Окр. Атаманы А. К. Ленинова.

Знаю отлично, что кой-кому выдвижение ст. Ленинова на пост Окружного Атамана в.-к. Округа во Франции далеко не по вкусу, ибо эти господа сами не прочь были бы занять этот пост, но, вот беда! — вольные казаки во Франции не желают видеть этих господ не только в Окр. Правлении, но и в самом Округе.

Указывая на то, что некоторые из делегатов на Окр. С'езде во Франции якобы не имели за собой людей, вы, станичники „оппозиционеры“, почему-то умалчиваете: сколько у вас людей в ваших организа-

циях (не говоря уж о том, что некоторые из них существуют только в вашем разгоряченном воображении!), — „раз, два и обчелся“?!

Вы пишете, что с вами 99% членов Малого Круга и в то же время говорите, что Малый Круг В. К. был продукт „единоличного диктаторского“ творчества ст. Билого, — следовательно, по вашему мнению, — фиктивный орган власти, вдобавок — незаконный.

Поздравляю вас с очередной глупостью!

Значит: пока члены этого Круга были при Билом — все было в порядке и „законно“, но когда ст. Билый нашел, что его помощники пользы ему не приносят и распустил их, — они заартачились: незаконный, дескать, разгон Круга! По Голубовски!

Так ли?!

Голубов разогнал законно избранный населением Дона Круг.

Ст. Билый распустил (а если хотите, разогнал) группу своих личных помощников, составленную им по личному подбору.

Имел ли он на это право!

Вы, „оппозиционеры“, теперь апеллируете к нам вольным казакам, о „незаконном“ разгоне М. Круга. Но мы, казаки, вас туда не выбирали (интересно, что когда вас пригласили туда, вы к нам не апеллировали!) и если считались с т. наз. М. Кругом, то только потому, что это группа личных помощников инициатора и организатора в.-к. движения инж. И. А. Билого, за действия которых он и должен будет нести ответственность перед законно избранным всем Вольным Казачеством Б. К. В. К.

Если ст. Билый „распустил“ своих помощников, то значит — они не заслуживают его доверия, а мы, казаки, теперь, судя по „информациям“ 99% этих бывших помощников ст. Билого, выражаем только сожаление, что ст. Билый не распустил их раньше:

больше бы было пользы для Казачества!..

... „Чудны дела Твои, Господи!“..

Группа сотрудников, не поладив с редактором-издателем, отходит (или ее „оглошили“) в сторону и... „выражает недоверие“... редактору-издателю!..

Ей-Богу! Когда-нибудь эти „оппозиционеры“ заставят меня умереть от смеха!..

— И. А. Билый, мол, пользуется всеми незаконными способами, чтобы удержать журн. „В. К.“ и власть в своих руках...!

Ну, а вы, разлюбленные „законники“, на основании каких это „законов“ поступаете, объявляя себя ни более, ни менее, как... собственниками журн. „В. К.“: на основании законов узурпаторства?!

Дурные примеры, говорят, заразительны. Заражаюсь и я и объявляю всем

вольным и подневольным казакам: считаю себя редактором-издателем журнала „Вольное Казачество“. Всю подписную плату за журнал, а также обязательные добровольные пожертвования на приобретение для меня соответствующей редакторскому званию виллы прошу направлять по адресу: M-r Pierre Krukoff, La Bartézie par Briatexte (Tarn) France.

Чем я хуже „оппозиции“, всей вместе взятой?!

Если у вас, станичники из „Казакки“, есть желание писать, то постарайтесь для своего Казачьего Народа создать художественную самостоятельную казачью литературу. Если вам не хочется сотрудничать у ст. Билого, издавайте свой альманах или сборник. В заборной же „литературе“ ни В. К. движение, ни тем более Казачий Народ

не нуждаются!..

Вы — инженеры, доктора, химики, агрономы, историки, экономисты и проч., и проч., и проч.! Займитесь как вашим делом: изобретайте открывайте, стройте, создайте, — помня, что все это нужно будет независимому Казачьему Государству!

Вы учились чему и для чего? Конкурировать с ху-

торскими кобелями, что-ли?... Эх, вы! — „Орлы — кар-
жиные перышки“!..

Стыдитесь, дорогие станичники!!!

Казачий Народ ждет от вас пользы, соответствен-
но вашим знаниям, а не собачьего гавканья!

Работайте по вашим специальностям и предоставь-
те общественно-политическую работу делать тем, ко-
му доверяет казачья масса.

Когда Казачий Народ кого-нибудь из вас призовет
к этой общественно-политической деятельности — не
отказывайтесь и не отнекивайтесь, но нахально лезть
в руководители политической жизнью Казачьего На-
рода —

не по казачьи! бессовестно! и — глупо!..

Петр Крюков.

Подальше от „оппозиции“.

М. Г. господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить в очередном
номере журнала „ВК“ нижеследующее.

Хотя в номере 146—147 нашего журнала оппози-
ция осуждена достагочно, но я, вольный казак, также
хочу высказать пару слов. Читатели из вышеуказан-
ного номера уже знают суть дела, а поэтому буду
краток.

Эта самозванная „коллегия“ сама же свою сла-
бость выдает, осуждая Билого, что он у них незакон-
но захватил в свои руки „власть“, что он бесталантный
и т. п. . . .

Значит, вы — люди ума и таланта — не смогли
удержать в своих руках „руководство“.

Ясно и понягтно: вы слабы, неспособны... И тем
не менее вы все же претендуете на... великое руко-
водство.

Как же можно вольным казакам доверить себя вам,
не сильным людям? А вдруг явится из вражеского
стана какой либо сильной воли человек вроде Билого...
И, как слабые, — вы сдадите наши позиции. А что с
нами тогда?

Нет, гг. опозиция, в такие трудные времена, когда
кругом бушуют бури, к а п и т а н о м казачьего корабля
может быть только человек несокрушимой воли, сильный
духом, решительный, истинно казачий патриот, вроде
Игнатия Архиповича Билого. Только такой может
довести до цели. Другого, сильнее его — не видно...
Вы же, хоть и дипломированные и талантливы, но сла-
бы духом, и корабль наш в годину бурь не по вашим
силам.

Вне всякого сомнения, что те делегаты, когорые
с'едутся на ВК с'езд, выберут себе Вождем-Атаманом
не мало известное лицо, а того, кто за эти 6 лет за-
рекомендовал себя борцом за национальную казачью

идею. А таким верным и стойким Атаманам дают не
„коллегии“, а инструкции с диктаторскими полномочия-
ми — именно при нашей обстановке и в наши бурные
времена...

Хорошо высказались Округ Югославский и казаки
из Румынии, но не лишним было бы, если бы все ВК
организации предложили редактору Билому вернуть —
кому он найдет нужным — внесенные на с'езд деньги
г. г. оппозиционеров и этим лишить их права на уча-
стие в с'езде, хотя бы даже они и явились представи-
телями своих групп.

Ведь всякая оппозиция появляется на свет только
для того, чтобы похерить существующее; а раз это
так, то оппозиция явится на с'езд не как создатели, а
как разрушители.

Я так тяжело зарабатываемые деньги посылаю на
с'езд не для того, чтобы на нем были раздоры или
сведение личных счетов, а для продуктивной работы.
А поэтому, повторяю, было бы хорошо, если бы двери
с'езда для всяких оппозиционеров были закрыты. Пусть
не мешают нам.

Мне кажется, что к данной оппозиции следует от-
нестись серьезней, ибо в ее среде есть лица в овечьей
шкуре, и хотяг они власть захватить только лишь для
того, чтобы наш прямой казачий шлях изогнуть, изуро-
довать, приблизить своей „талантливой“ политикой к
московской дороге... Удастся ли им это?!

А. С. Тырин.

8 марта 1934 г. Швеция.

Присоединение.

Милостивый государь г-н редактор!

Атаман Крагуевацкой вольно-казачьей станицы
Иван Митрофанович Пушкарев по моему распоряже-
нию выезжал в провинцию и поэтому на экстренном
совещании Округа 11 февраля не мог присутствовать.
Прошу Вас объявить в „В. К.“, что и Крагуевацкая ВК
станция присоединяется полностью к постановлению
ВК Округа о Югославии от 11-II-34.

Окружной Атаман ВК округа в Югославии

П. Поляков.

Станичный атаман Крагуевацкой имени А. И. Ку-
лабухова станицы: Иван Пушкарев.

Поправка.

По редакционному недосмотру в прошлом номере
журнала, на стр. 25, под постановлением Окружного
Совещания пропущена подпись М. Чеботарева —
представителя Субогичкого ВК хутора имени Б. А.
Кундюковца.

Редакция.

Тому, кто ушел в „оппозицию“.

Друг мой, брат мой!

Ты откололся.. ты откололся от единственного
ствола Вольноказачьего Дуба?.. Не верю. Не хочу ве-
рить! Не могу верить!..

Не верю, ибо ты слишком глубоко вкопался под
тот Дуб.

Не с тем, чтобы свалить, но чтобы, крепко схва-
тившись за руки с такими-ж, как и ты, — образовать
могучие корни.

Могучие корни могучего свободного Казачества...

Друг мой, брат мой!

Ты ушел?.. Не верю! Не верю, ибо мы слишком
тесно переплелись под Вольноказачьим Дубом. А наша
пища, которую мы, как „беспочвенники“, 13-ю годами
отделенные от родного чернозема, черпаем из своего
сердца и посылаем вверх — стволу и веткам — и ко-
торая уже формируется в плод, не так то уж неисто-
цима, чтобы питать еще и... „параллельные“ отростки.

И — пол беды-б еще — отростки.

А если — наросты?..

Друг мой, брат мой!

Кто-б ни был ты, ушедший в „оппозицию“, знай,
что от самого себя тебе уж не уйти. До смерти.
Смерть-же придет сама. Но та, за которую мы когда-
то в наших храмах пели:

— Смертию смерть поправ! —
смерть в бессмертии.

Нашею смертью, смертью корней широко раски-
нувшегося Вольноказачьего Дуба — попрем смерть, на-
висшую над нашим родным Казачеством.

Вот как у братьев сербов было:

„Ако есу погинули ждрале —
остали су птичи-ждраловичи“...

А ты — ушел. И хочешь:

„параллельно“ с нами идти к
Вольноказачьему Дому...

Ты это серьезно, брат мой?.. Или.. Или ты устал.
Устал кровью сердца своего питать Вольноказачьи .
Всходы?..

И порешил покончить с жизнью?.. Которая
(кстати сказать) для нас имеет смысл только тогда,
когда она:

Борьба за Родину.

Тогда ты отдохни. Уйди из строя.

Строй опять сомкнется. Из новых. Из ждраловичей...
Но тогда не прикрывайся „святой традицией“, „старо-
казачьей общественностью“...

Ее здесь нет. И быть не может.

Ты это знаешь. И сам ты гимны пел:

Дерзнувшим.

И сам ты был в числе — Дерзнувших.

10 декабря 27 г. раздался первый выстрел.

Кто первый нажал курок — не столь уж важно.
Важно то, что в боевом патроне была частица и тебя.
Твоей души. И сердца...

А вот сейчас ты хочешь „доказать“, что выстрел
был в пустую. Холостой...

Друг мой, брат мой — приди в себя!

И опасно игрою с незаконнорожденной прекрас-
ной „Оппозицией“ не отрекайся от самого себя!..

Эффект работы „ВК“, Сполух Вольноказачий ты не
отрицаешь. Ты знаешь, каким стократым эхом отклик-
нулось раздерганное по „позициям“ и „оппозициям“
Казачество. И — сгрудилось около „ВК“, как холод-
ной зимней ночью голь бездомная около огня...

А вот сейчас ты сам — уходишь... в „оппозицию“...

Кому?.. Тому, кто нажимает курок и по сие время?..

За что?.. За то, что он — Главноработаю-
щий, а не — Главноглаголящий?

Только за то! Ибо другого нет. И не нашлось во
всей твоей „оппозиционной“ литературе.

Осечки не было ни разу. Огонь, зажженный пред
алтарем Казакии, не меркнет. И с каждым днем моля-
щихся в Вольноказачьем храме все больше.

Никто тебе не подменил ни Бога, ни Символа Воль-
ноказачьей Веры...

Зачем-же ты ушел?

Ведь не потому-же, на самом деле, что Главнора-
ботающий, быть может, имеет более „модерный“ гал-
стук?

Хоть в том и заключается крупнейший „козырь“
оппозиции.

Брат мой, приди в себя! И опасно игрою с неза-
коннорожденной оппозицией не отрекайся от самого
себя.

Есть ли во всем твоём оппозиционном выступлении
какой смысл?..

Смысл — в смысле укрепления и расширения В. ка-
зачьей Идеи?

Прости мне, брат мой — я вижу в нем лишь один
„смысл“: смысл, выгодный врагам Вольного Казаче-
ства:

Ослабление Вольного Казачества.

Или, что не невероятно: постепенное его разложе-
ние. Разложение на ту эмигрантскую пыль, в которой
существовало Казачество до появления журнала
„Вольное Казачество“.

Ведь в самой обстановке, вернее в положении без
всякой обстановки, работа „параллельного“ с „ВК“ жур-
нала неизменно пойдет

параллельно в обратном направлении.

И, вместо концентрации всех живых сил В. К. эмигра-
ции, произойдет — распыление. Разброд.

„Соперничество“, даже и идеально лояльное, идеаль-
но благожелательное, убьет нам нашу фактическую цен-
ность и, в самый ответственный перед Казачеством час,
— мы очутимся у разбитого корыта...

Я знаю, ты того не хочешь. И хотеть не можешь.
И скажу тебе, что такого черного, бесславного конца
нашей В. Казачьей идеи и не будет.

Вы опять найдете себя на В. К. шляхе, по ко-
торому идут уже тысячи наших братьев, и остановить
которых, даже свернуть хотя бы и на „параллельную“
ленту — не сможет никакая оппозиция.

Тем менее оппозиция к личности Игната Билого.

Наша борьба за Родину близится к своему решаю-
щему часу:

Брат мой, друг мой!..

Не трать напрасно силы на организацию вольно-
казачьей оппозиции — вольно-казачьей позиции.

Но в каждый боевой патрон, которые с беспри-
мерной регулярностью выпускает Игнат
Билый, попрежнему вкладывай частицу своей души,
частицу сердца...

И тогда... тогда мы скорей дождемся того светлого
дня, когда со спокойной совестью скажем:

— Ныне отпускаеши...

Или вот как сербская Мать сказала:

— Наше семя погнути нече,

Наше племя погнути нече.

Наши Двѣры пусты оstatt —

нече...

В. К.

Р. С. Уважаемого г. редактора прошу поместить
это в „В. К.“ как самый краткий ответ на большие
вопросы моих друзей из „оппозиции“.

В. К.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от Ильинова (Auch) — 47 кч. 25 г.; от
Я. Луговского, Ив. Мальша, Гр. Луговского и Ст. Шко-
ляра — 10 кч.; от Н. Боровлева (из Бельгии) — 100 кч.;
от И. Зотова (из Фр.) — 77 кч.; от Тихона Канарева
(из С. Ам.) — 23 кч.; от Дм. Стрельченко (из Фр.) —
30 кч.

ВК во ФРАНЦИИ.

От правления станицы вольных казаков имени А. И. Кулабухова в Париже.

Многоуважаемый станичник Редактор! В интересах
истины не откажи поместить в „ВК“ нижеследующее:

На странице 39 журнала „Казакия“ напечатано:
„Наш путь — путь правды и искренности“ ... На стра-
нице 53 того же журнала сообщается, что „Из шести
своих сторонников Белый организовал в Париже новую
станцию и одного из них повез на свой счет в Лион на
Окружной С'езд“... Две эти „правды“ скрыты за под-
писью „собкор“-а нового журнала.

Правление станицы решило представить фактиче-
ские данные относительно поездки своего представите-
ля на Окружной С'езд в г. Лион, дабы доказать, что,
вопервых, станция состояла не из „шести сторонников
Билого“, а вовторых, — что представитель станицы
ездил в Лион не на счет И. А. Билого.

Список членов станицы, сделавших взносы на по-
ездку:

Ст. Хиль — 11 фр. 50 с., ст. Савченко — 5 фр.,
ст. Александрин — 11 фр. 50 с., ст. Пашнев — 5 фр.,
ст. Кисляк — 1 фр. 50 с., ст. Сыроватка — 5 фр.,
ст. Зуб — 5 фр., ст. Калита — 10 фр. 50 с., ст.
Чертков — 110 фр. (из коих 100 фр. — взаимо-
образно), ст. Затенко — 140 фр. (из коих 100 фр.
— взаимобразно), ст. Лебедин — 140 фр. (из
коих 100 фр. — взаимобразно), ст. Федосеев —
30 фр., ст. Линник — 25 фр., ст. Скобелин — 10 фр.
Всего правление имело в своем распоряжении 510
фр., из каковой суммы и авансировало своего пред-
ставителя в размере 300 фр.

Одновременно правление заявляет, что пред-
ставитель станицы на Окр. С'езде, Е. И. Чертков, на своем
докладе по поводу работ С'езда не говорил, что „яко-

бы Жуков и Балинов, по приезде в Лион на С'езд, распространяли какие-то прокламации", как это сказано в постановлении „О. Р. К.“ от 6 января. Ст. Чертков сказал, что г. Балинов до созыва Окр. С'езда разослал по вольно-казачьим организациям письма, с которыми некоторые из представителей и прибыли на С'езд, настроенные именно эти письмами против их авторов.

Ст. атаман С. Федосеев.
Пом. ст. атамана Калита.
Казначей А. Лебедин.
Писарь Е. И. Чертков.

В г. Оше (Auch).

ПРИГОВОР № 1.

Мы, нижеподписавшиеся вольные казаки разных Войск в городе Оше, на состоявшемся сборе 11 марта 1934 года в количестве 16 человек под председательством инж. А. Д. Усатова, обменявшись мнениями, постановили:

1. Образовать здесь, в Оше, хутор под общим лозунгом: „Наш девиз — Казачья Воля, Казакия — наша цель“, — в духе светлых заветов нашей седой старины.

2. Зарегистрировать хутор в Центре В. К. движения в городе Праге. Ревностно поддерживать его работу по освобождению Казачьего Национального Государства; строго руководиться только директивами Центра В. К. в Праге.

3. Держать непосредственную связь с Окружным правлением В. К. в Лионе, всецело подчиняясь распоряжениям Окруж. Атамана А. К. Ленинова.

4. Принимать казаков в члены нашего хутора по правилам, выработанным сбором хутора.

5. Собрать добровольное пожертвование в фонд для освобождения Национального Казачьего Государства.

6. Установить членский и вступительный взнос.

8. Избрать тайной баллотировкой должностных лиц хутора.

Были единогласно выбраны: Алексей Давидович Усатов — хуторским атаманом, Андрей Яковлевич Калюжный — пом. атамана и писарем. Корней Григорьевич Строганов — казначеем, Афанасий Ефимович Ильинов и Иван Кириллович Тупица — в ревизионную комиссию.

Настоящий приговор отослать в Центр В. К. в городе Праге и представителю В. К. в гор. Лионе А. К. Ленинову.

Хут. атаман А. Усатов.

Пом. ат. (он же и писарь) Андрей Як. Калюжный.
Члены хутора: А. Ильинов, И. Тупица, П. Безубов, К. Строганов, Г. Ларионов, П. Прохоров, В. Малевич, К. Дьяченко, К. Пувель, П. Семенов, И. Мухомов, Д. Воронов, М. Корольков, П. Фитисов.

Необходимое раз'яснение.

Г. Редактор!

Не откажите в любезности напечатать в журнале „ВК“ следующее:

Не желая полемизировать с „О. Р. К.“ в Париже по поводу части постановления этого общества от 6 января с. г., касающейся Донской станицы в Париже, я все же, для доказательства того, что я, как атаман станицы, имел право передать голос станицы на Окр. С'езд в г. Лионе кому я найду нужным, а не „делегату-донцу“ от О. Р. К., — привожу выписки из постановления станицы от 17 декабря 1933 г., каковая гласит: „... сговориться по этому поводу с „О. Р. К.“ и передать полномочие станицы одному из делегатов от „О. Р. К.“, наказ же выработать совместно с „О. Р. К.“; в случае же несогласия с „О. Р. К.“ — предоставить право голоса лицу по усмотрению атамана“.

Когда, при переговорах с „О. Р. К.“, затронут был вопрос о возможности „инцидента“ между И. А. Билым и Ш. Н. Балиновым на Окр. С'езде в Лионе, я, не желая втягивать в этот „инцидент“ свою организа-

цию, передал голос станицы не „делегату-донцу“ Ш. Балинову, а совершенно нейтральному лицу — А. Ленинову.

Я недоумеваю, что послужило мотивом „О. Р. К.“ для вынесения вышеназванного постановления, основанного на извращении фактов, и опубликования его. Ведь члены этого общества — в частности г. Балинов — всегда протестовали против искажения мыслей и подтасовки документов, практикуемых врагами ВК. Видно, само „О. Р. К.“ стало теперь на тот же путь, восприняв приемы врагов казачьего освободительного движения.

Атаман станицы М. Колесов.

Иезуитам.

Под заголовком „Хроника из Парижской жизни“ (журн. „Казакия“ № 1) я нашел много лжи и иезуитских приемов борьбы с некоторыми вольными казаками, в частности — с пишущим настоящие строки. Автор этой „хроники“, скрывшись под псевдонимом „соб. кор.“, пытается, повидимому, сделать какой-то вызов. При этом он почему-то, говоря о деятельности названной им организации, разбирает все не с головы, а с хвоста.

Настоящим заявляю, что вызов приму только в том случае, если „соб. кор.“ станет во фронт перед казачьей общественностью, назвав себя собственным именем, а не прячась под псевдонимом. Такое же отношение к разным анонимным авторам рекомендую и всем вольным казакам.

Ив. Скобелин.

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

В В. Бечкереке.

15 февраля, в годовщину смерти вольного казака-поэта Б. А. Кундрюцкова, Кубанская Вольно-Казачья имени генерала Я. Г. Кухаренко станица в В. Бечкереке устроила траурное собрание, на котором присутствовали также донцы и украинцы.

Атаман станицы К. Ачмизов по открытии собрания предложил присутствующим почтить вставанием память поэта, а затем сделал доклад о жизни и творчестве покойного.

После доклада помощник Атамана Н. П. Акульшин и члены станицы Я. Мирошник, З. Кобазев и П. Беляков прочли по два стихотворения Бориса Александровича.

Закрывая собрание, станичный атаман высказал пожелание, чтобы вольным казакам приходилось как можно реже собираться на траурные собрания.

(Соб. кор.)

В Суботице.

18 февраля с. г. вольные казаки хутора имени Б. А. Кундрюцкова отслужили в сербской церкви панихиду по шефу своего хутора, молодому певцу Вольно-го Казачества.

Долг всех вольных казаков — вспоминать одного из самых пламенных проповедников вольно-казачьей идеи.

Хуторск. атаман К. Ситников.

Приговор Куб. хутора в Грделице.

Мы, казаки Кубанского хутора в Грделице, собрались сего числа на очередное собрание, на котором хуторской атаман Е. М. Кичкарь произнес следующую речь:

„Братья казаки! в 1917 году, во время царившей в России анархии, у казаков заработали умы об образовании Казачьего Государства, дабы не попасть под власть красных палачей. Для этой цели по распоряжению областных центральных органов были выбраны от станиц и хуторов более видные люди — представители, которые и были посланы в казачьи столицы. Представителей тех выбрали мы, казаки, и каждый

представитель имел от нас же казаков строгие инструкции-наказы для защиты казачьих интересов. Из посланных нами представителей были образованы Круги и Рада. Цель Кругов и Рады была одна: образование самостоятельного Казачьего Государства, в чем было заинтересовано все казачье население.

Но благодаря нашим противникам, из наших же казаков и русских генералов, тормозивших всеми силами наше дело, — с одной стороны, и наступающими большими полчищами красных оккупантов — с другой, осуществление казачьего плана не увенчалось успехом. Оставив свою родину и попав за границу, Казачество не умерло, и вновь нашлись казаки-богатыри которые подняли казачье знамя и, не жалея сил, борются за создание независимого государства — Казаккии, несмотря на то, что многие из казаков, посылавших своих представителей, а зачастую и сами народные представители, забыв свои наказы, пошли по совершенно чужой для них дороге, т. е. отказавшись от своего родного и дорогого всему казачеству, и решили уйти в услужение баринам не казакам и „русским казакам“.

Для того, чтобы не попасть нам, казакам, в рабы к нашим противникам, я вношу предложение вступить в ряды Вольных Казаков.*

Выслушав со вниманием атаманское слово и найдя его вполне справедливым, единогласно постановили: вступить в ряды Вольного Казачества и поддерживать с таковым тесную связь.

Да здравствует Вольное Казачество!

Да здравствуют его руководители!

Дай Бог вам сил и бодрости.

Вы, старые вольные казаки, примите от нас, молодых вольных казаков, поклон.

Хуторской атаман подхорунжий **Ефим Кичкарь**.

Писарь: **И. Шевченко**.

Члены правления:

Е. Камлацкий, И. Ф. Пучинин, Петр Лукирин, К. Зармухамбетов, ес. Георгий Дронов, учитель Титов.

В Новом Саду.

Кубанская вольно-казачья станица в Новом Саду на своем сборе 24 декабря 1933 г. произвела очередные перевыборы станичной администрации.

Станичным атаманом избран П. И. Недбаевский; помощником Г. Ф. Голобородько; казначеем Ф. Я. Иванушка; писарем Б. И. Соколов; доверенными: И. З. Безладнов, И. М. Карпенко и М. Н. Беловолов (дон.); в ревизионную комиссию: А. А. Степанов, Т. А. Воронкин и А. С. Кошельников.

Обращение.

Мы, казаки Кубанской вольно-казачьей станицы имени Кошевого Атамана З. Чепеги, в количестве нижеподписавшихся, постановили обратиться к казакам, проживающим в Новом Саду и его окрестностях и не желающим и до сих пор ясно понять истинного стремления казачьего народа — иметь одну чисто казачью цель — Волю Казачью.

В русских организациях нам не место.

Все русские организации между собой далеко не в согласии политическом. Все они стараются затянуть к себе казаков, из коих некоторые вступают активными членами в те организации и тем невольно становятся казак против своего же брата казака.

Мы призываем всех казаков стать рядом плечо к плечу и только за казачьи интересы.

Интересы казачества всем русским чужды и ненавистны, а потому нам, как и нашим предкам казакам вольным, одно остается: служить только Казачеству, ему молиться, ему нести свои силы. Наше спасение в самих себе, но не в служении тем, кому казачество нетерпимо. Будем верны заветам старины — Воле Казачьей — и все силы свои понесем на спайку среди самих же казаков. Только эта спайка спасет тех, кто под гнетом русского большевизма терпит непосильные сверхчеловеческие муки только потому, что они казаки.

Наши мысли, наши стремления должны быть направлены к тем, кто ждет нас на казачьей земле с именем достойных сынов Казачьего народа.

Мы, казаки, сары-аз-маны, сами выбрать мы сумеем в Казаккии Атамана.

1. П. Недбаевский, 2. Г. Голобородько, 3. Ф. Иванушка, 4. Н. Васильев, 5. М. Беловолов, 6. Б. Соколов, 7. М. Стецынский, 8. А. Кошельников, 9. И. Сивцов, 10. Л. Ильяш, 11. Ф. Щелров, 12. М. Шатохин, 13. И. Алексеенко, 14. И. Кисиль, 15. Т. Воронкин, 16. Золотухин, 17. И. Никитин, 18. А. Пыль, 19. Ф. Кошик, 20. М. Чернявский, 21. И. Белоусов, 22. А. Булаков, 23. П. Глуходид, 24. Ф. Третьяк, 25. Н. Водолазов, 26. В. Цокур, 27. И. Карпенко, 29. И. Безладнов, 29. А. Степанов, 30. С. Сивцов, 31. А. Колисник, 32. И. Петров, 33. И. Устименко, 34. А. Руденко, 35. П. Матвеев, 36. К. Островерхов, 37. П. Мижевикин, 38. Ф. Чуб, 40. М. Болгов, 41. П. Попов, 42. Я. Букреев, 43. В. Дмитренко, 44. И. Балахнин, (дон.) 45. В. Рамазанов (черк.) 46. Г. Ткачев (куб.), 47. К. Шевченко (куб.). 48. Ав. Белоусов (куб.)*.

Мои впечатления о поездке в Кральево.

Этот город давно уже интересовал нас, членов Окружного Правления, но все как-то складывалось обстоятельству, по которым выехать туда не удавалось.

Знал я, что там имеется несколько десятков кубанских казаков и совсем мало других. Великолепно я знал, что там же находится и Кубанский Атаман ген. В. Г. Науменко. Так же я знал и его отношение к вольному казачеству и потому для меня Кральево представлял особый интерес.

Мне почему-то казалось, что там больше казаков, чем оказалось в действительности. Ну, это не так важно. Главное мне думалось, что живя рядом со своим Атаманом, казаки не утратили своего хотя внешнего вида; думая также, что там самостийников встретит оппозиция, подготовленная если не специально к нашему приезду, то вообще с течением времени, постепенно, путем частых встреч и беседований с казаками о Казачестве вообще.

Больше скажу — ожидали на сбор и самого Войскового Атамана, тем более, что за несколько дней до нашего приезда в Кральево все знали, кто приедет и с какой целью, и к тому же мы просили некоторых станичников передать ген. Науменко о нашем желании видеть его на общем сборе — не для того, чтобы обрушиться на него, как это представляют себе наши противники, а просто показать, что мы можем и глазуна-глаз встретиться и так-же продолжать говорить о казачьем честно и открыто. Выехали мы туда с целью прочитать доклады и образовать вольно-казачий хутор или станицу.

Оказалось, что все то, что предполагалось, не как обязательное, а как вполне возможное, — все это было лишь предположение, основанное на некоторых примерах.

Первое, что бросилось в глаза по пути от станицы до назначенного для сбора места, это небольшая группа людей, стоявших на противоположной стороне улицы около углового дома. Впереди меня, за несколько шагов, шли Окружной Атаман и подхор. Кривец. Я заметил, что П. С. Поляков обратил внимание на этих людей и как будто что-то спросил у своего соседа именно о них. Да, так и оказалось: Окружной Атаман спрашивал об этих странных на вид лицах. Действительно, стоило только на них посмотреть, хотя бы случайно, и уже безучастно не отведешь своего внимания в сторону... Это стояли нерешительные фигуры, впервые увидевшие живых существ, подобных себе; они как будто-бы издали почувствовали, что их с приехавшими что-то связывает, объединяет, но они же чувствовали и то, что они настолько отстали от жизни вообще и, в частности, от своей казачьей семьи, что им каза-

*) Последние пять казаков числятся в другой станице и подписались добровольно.

лось странным и непонятным наша цель — читать какие-то доклады, беседовать... Они имели вид людей осиротелых, забытых, оставленных без заботы о них и внимания. На их лицах уже давно легла тень неудовлетворенности и некоторого безразличия к себе и окружающему. Это были, как нам сказали, казаки!.. Трудно было в этих фигурах, одетых в одежду местных крестьян, узнать казаков. Правда, редко где приходится встречать в провинции казака, одетого в свое национальное платье, но, встретив его в первый раз, будучи с ним не знаком, — прямо скажешь: это казак, это твой брат. Почему? Ответ совершенно не сложный. Этот человек имеет общение с другими казаками; они часто встречаются и ведут разговоры о своем казачьем; они получают казачью литературу; они организованы в станицу или хутор. Здесь же, в Кралево, казаки редко встречаются вместе, а кто встречается с кем, так разговоры не идут дальше вопроса о насущном хлебе. И этот вопрос является, конечно, вполне естественным, но ведь нельзя же нам, казакам, ограничиваться только им. В течение года, по словам самих казаков, их никто не собрал ни разу, никто не обмолвился родным казачьим словом, никто не сказал, что творится в этом свете, не говоря уже о том, и „чий — мы діти“; к ним никогда не попадает даже „Кавказский Казак“... И только недавно к ним проник священный огонь, начавший очищать их души: это „Вольное Казачество“. С ним они познакомились, и их погнало в общий казачий храм, к своему Богу, к своему Солнцу. Даже не так уж и много пришлось работать над тем, чтобы попасть в, казалось бы, „осиное гнездо“. „Мы узнали, что Казачество живд еще, и решили вас звать для собеседования с нами“, — так было заявлено некоторыми лицами еще до сбора.

Главным образом подчеркивали недовольство генералом Науменко, т. к. „никогда с нами о Казачестве не говорит“, — говорили казаки. Повидимому, существовавшая на бумаге до нашего приезда станица, все еще держала равнение на ген. Науменко, и потому никакой своей внутренней казачьей жизни не было... Но настало время, и станица разравнялась и начала выравниваться по той линии, которую г. г. Атаманы, неизвестно почему, стараются всеми силами сломить. Кралеване прямо заявили: „Ваше превосходительство, если вы не хотите нас собирать и разговаривать с нами о казачьем, то мы вот вызываем к себе самостийников и переходим к ним“.

„Мне все равно, какими вы будете казаками: вольными или не вольными“, — последовал ответ со стороны ген. Науменко. Казаки это расшифровали так: „значит, ему казачество вообще безразлично“.

Не менее грустное впечатление произвела одежда многих казаков. Один за другим входят какие-то люди в одежде местного крестьянского населения. Спрашиваешь: что это за люди? „Казаки“, — отвечают. Посмотрел я на них и похолодел: а кубанка где? Ноговицы?... Раз на Рождество ходит в этом, значит уж действительно своего ничего нет. Почему? Износилось, понятно. Справить хотя-бы только родную папаху не представляется возможности. Зарабатывать раньше приходилось едва на пропитание, а теперь и говорить нечего: многие из них без работы... Таких казаков оказалось чуть-ли не половина из всех присутствовавших.

Конечно, одежда меняет лицо, это и говорить нечего. Но присмотрись к нему, и тебе с трудом удастся найти что-либо похожее на казака. На его лице мертвая тень, печать отчужденности, он старается быть незамеченным, он словно стыдится самого себя. И я угадывал их, конечно, необоснованную стыдливость за костюмы. Но разве они виноваты в том, что были вынуждены одеться в чужое платье? Конечно, — нет!.. Не обязаны их были одевать и другие. Но разве не видел г. Науменко этих казаков в местном национальном крестьянском платье, не встречался он с ними? И неужели при виде их у него не дрогнула душа! Как? Да ведь это же казак!.. Так быстро... в силу материальных условий он уже начинает терять свой природный облик?!... И неужели не пришла такая ему в голову мысль: „Так, стоп! Ведь у нас же много денег, собранных от

казаков на различные цели, как напр.: в фонд спасения России; в фонд спасения Родины (в этом случае не уточняли понятия родины); на казачий дом; на мою поездку в Америку, и т. д. и т. п. Сколько всяких причин было к пожертвованию! И куда они пошли? И где они, эти суммы? В Америку, хотя-бы, я же не поеду никогда. Дай-ка я пошью хотя дешевые кубанки казакам, из козла что-ли. Все же не шайкага“ (сербская шанка)...

Да, а не дурно бы было сделать хотя-бы, только папаху.

Разве эта папаху, частичка национального костюма, разве бы она казаку не говорила о многом? И разве это не было бы сильнее каррикатурных приказов, помещенных в „Кавказском Казаке“? Безусловно, да!

О покупке казачьего дома грустные размышления приходят подчас. Если его когда и купят, так не будет ли это вторая Роскошная Даровая Квартира (Русский Дом Культуры в Белграде)? Не поселятся ли там казачьи „боги“ благоденствия ради для, спокойно этак, дожидаться свои деньки? А сотни казаков будут жаться в зимнюю стужу, ожидая уюта и приюта, жаться в тех же шайкагах, сидя в какой-нибудь приемной. Возможно и это.

Да что я говорю об одежде. Вернусь назад. „Скажите хоть вы, господа! Что в наших казачьих Краях? Не умерло-ли казачество наше? Что думают казаки здесь?“ — спрашивают казаки.

Не ужас-ли эти вопросы наводят на читателя?

— Вы как будто ничего и не знаете, станичники? спрашиваю я. — „Да откуда же? Мы все ждем, когда нам Науменко скажет, а он молчит“.

Беседуя с казаками еще до чтения наших докладов, я видел, как у казаков просветлялись лица, на них замечались признаки оживления. И мы не обещали „молочных рек с кисельными берегами“, нет! Мы всего лишь говорили о положении дел в мире, о казачьих Краях вспоминали, расспрашивали и о станицах, говорили им о положении там, здесь, в эмиграции и, наконец, в докладах четверо за пять часов: собеседования — мы наглядно охватили всю историю казачьего народа до настоящего времени. Нужно было видеть этих бедных казаков, истосковавшихся по родному слову! Каждое слово докладчика с любовью и жадностью глоталось! Напряженное внимание. Говорят о казачестве, о его истории, о его стремлениях... Лица, повторяю, светились от радости у этих забытых, грубо брошенных отцом детей. Мы пели песни казачьи, что тоже редко бывало в Кралево. Мы с благоговением, стоя, пропели кубанский гимн, а предварительно мною было сказано некоторое пояснение слова „гимн“. И это было с интересом выслушано. Все это вместе взятое возродило духовно казаков-кралеван; заметно было, как эта тень мертвая, рожденная пребыванием казаков в безизвестности и всепоражающей повседневною, растаяла и улетучилась, как воск от огня.

Много-ли надо было дать казакам, чтобы поднять их дух, чтобы напомнить им о былой вольнице и о том, что смысл их жизни более высок, чем это им кажется? — Нет, немного!.. Всего лишь любовь к своему народу и желание с ним говорить о временно утраченном счастье.

И думал я на обратном пути в Белград, под впечатлением Кралева: за что же так поносят нас, самостийников, свои же казаки (я не говорю о других), когда мы проповедуем казачье слово? Почему нас называют какими то предателями, чуть ли не „большевиками“ и т. п. громкими именами? Разве плохое дело говорить о своем народе, о его прошлом, настоящем, о желаниях на будущее время? Разве есть что-либо преступное в том, что мы, изучая старинные казачьи песни, знакомим с ними казаков? Объяснишь: вот эта песня написана тогда-то, по такому то случаю и поется она так-то. И какое же такое зло творят самостийники, когда на лицах казаков видишь жизнь, радость, желание, стремление и т. д.? А между тем наблюдаешь влияние другой стороны на казаков — со стороны противников Вольного Казачества. Прочитали, скажем, „Кав. Каз.“ да и оставили его в покое. Не будешь же изучать или радоваться непонятной озлобленности неко-

торых господ на самостийников за то, что они вспоминают преступные грешки некоторых особ и вспоминают для того, чтобы, конечно, их в будущем не повторить; и еще за то, что пишут о истории казачьей, говорят о свободе, о казачьей воле, о самостоятельности... Все это, направленное против казаков-националистов, не имеет под собой серьезной почвы, а потому и скоро умирает.

К примеру, взять Кральево. Хотя там „Кав. Каз.“ редко когда залетал, но за то находились его представители, иногда заменявшие печатное слово. Все равно ничего не сделано. Получилось обратное: рядышком самостийники заложили еще одну организацию и, поверьте, г. г. пугающие, — крепкую!.. Доказательством ее прочности служит то, что, несмотря на угрозы некоторых господ лишить казаков работы (а угрозы эти посыпались на казаков после нашего отъезда на другой же день), организацию развалить не удалось, а наоборот — еще больше сплотить. Казаки поняли все. Поняли они и смысл бездеятельности своих давно выбранных и давно бросивших казаков Войсковых Атаманов. А Казачество чуткое... Поняло оно, что В. Атаманы сыграли свою роль и что теперь, когда мир на пороге великих событий, может быть, новых потрясений, когда казачий народ должен быть организован для использования вполне возможного счастливого момента, — Атаманы оказались в стороне от своего народа, совершенно глухими и немыми, совершенно неспособными для созидательной работы в своем казачьем государстве.

Они оказались способными лишь прислуживаться и тянуть за собой еще несколько десятков казаков туда, где о казаках говорят совершенно не по казачьи...

Под стук колес быстро несущегося поезда много грустных мыслей пролетело в голове. На душе была и радость, и нравственная удовлетворенность, и тяжесть угнетающая. Все мысли сами собой вылились в одну формулу: все это результат бездеятельности Атаманов. Если бы по приезде за границу они взялись заботиться о своем народе, не лезли бы к „начальству“ на услуги, а держали-бы себя, как суверены казачьих государств, — пожалуй бы таких казаков, как в Кральево, встретить не пришлось, да и возможно, что мы не сидели бы здесь. Но что им Казачество? Они смешались в кучке русских „вождей“, попали в полную политическую неразбериху, этим самым ухудшили положение казаков в эмиграции. Сами, наконец, потеряли всякое уважение со стороны казачьей массы, а в массе русской эмиграции их не упоминают, как казачьих Аганов, а если и упоминают, то только в том случае, когда имя казачьего Атамана надо взять, как „авторитет“, против казачьей самостоятельности. Хорошее оружие, что и говорить.

Какой кошмар, когда подумаешь, что твои избранники — клятвопреступники, предатели!.. К чему эта их политика? Что это за неприличное влияние хвостом? Уйди совсем, скройся, это будет гораздо лучше. Не мешай своему народу думать самому о себе, раз ты отказался о нем думать сам. Ведь все равно же не погубить вам окончательно того, что так живуче и законно.

И чтобы спугнуть мысли тяжелые, затянули песню казачью — одну, другую, третью. Одна другой лучше. Зашевелился плотно набитый пассажирами вагон. Все слушают и уже узнают, что это казаки поют свои песни.

„То су козаци“ (это казаки), — доносится до уха. И видно, что казачья песня как-то особенно привлекает внимание попутчиков. „Ваши песни — какие-то особенные; мы их понимаем“.

Да, не понимают только те, кому больше всего надо их понимать, кому больше всех надо вникать в смысл и значение родных песен, слезами и кровью написанных.

По над лесом ой-да шлях-дороженька...

Никго по ней ни проехал, ни прошел...

Или еще лучше:

Зібралися всі бурлаки...

Катарина, вража баба,
Що-ж ти наробила?!

Эта песня обратила особенное внимание публики. Лейся, родная казачья песня! Пусть враги твои скрывают историю твоего народа и не признают ее, как таковую, но ты — наша живая история, наша сила, наша мощь непобедимая и ты родишь верного вождя казачьего, который не изменит своему истекающему кровью народу...

Николай Буксин.

„Я ваш Бог“.

В Панчево живет один „казак“ Тульской губернии, которого зовут здесь „Красным Галстуком“ и который, как полицейская собака, разнохивает все, что делают самостийники, а потом занимается доносами. Меня сподобил Господь поговорить с этой личностью. Произошло это 21 января.

Сначала он послал ко мне своего „агента“, а потом явился и сам. Завязался разговор. Коснулись истории. Он, конечно, — свое, я — свое... В конце концов, „Красный Галстук“, являющийся „бележником“ неизвестного села, заорал, стуча кулаком по столу:

— Вы же русский человек!

— Нет, вы ошибаетесь, — отвечаю. — Русским я никогда не был и не буду. Я — казак телом и душой. Вам хотелось бы сделать меня русским, но не можете.

— А что такое казак?

Я ему начал объяснять, что такое казак, и откуда взялись казаки. Ему мои объяснения пришлись не по вкусу. Не понравилось ему и то, что я, простой рабочий, смею перечить ему, г. „бележнику“. Он вошел в азарт и в конце концов зарпортовался до того, что выпалил:

— Ты — идиот; Я тебя выгоню из Панчево через 15 дней! Я — ваш Бог!!! Мы вас, казаков, топтали и топтать будем! Заставим вас служить России! Разбойники, беглые люди, — вот что такое казаки!

— Матушку Россию, — говорю, — вы защищаете сами. Приятно будет уехать из Панчево по вашему распоряжению, но смотрите, как бы и сами не лопнули... Он выругался и ушел.

Не прошло и четверти часа, как ко мне вошли два жандарма вместе с „Красным Галстуком“. Спрашивают у меня жандармы, в чем дело. Я рассказал все, что произошло. Жандармы заинтересовались вопросом о Казачестве. Я им стал рассказывать о казаках, о Казачьих Землях, показал журналы... Они с интересом слушали меня и рассматривали журналы, а потом сказали:

— А мы думали, что казаки, это — русская конница... Теперь же, после ваших объяснений, видим, что это не совсем так... Будьте уверены, что мы — самого хорошего о вас мнения. Можете всегда рассчитывать на нас...

Я думал, что этим все и закончится, но, как оказалось, это было лишь первым актом фарса... Недели через три пришел ко мне детектив с приказом о моем аресте. Арестовали. Сижу двенадцать часов. Выводят на дознание... И вот оказывается, что я — коммунист и большевицкий провокатор! Начали разбирать дело. Принесли все мои журналы, книгу „Пять лет ВК“, „Гаморкина“ покойного Б. А. Кундрюцкова и всю мою переписку. Я начал давать спокойные объяснения... Через три часа мне объявляют:

— За вами никакой вины нет. Можете быть свободны.

Я попросил сообщить мне, кто подал на меня жалобу, но на это последовал отказ... Очень жаль.

Вот что русские „боги“ делают с вольными казаками!

После этого я стал еще тверже в своих убеждениях.

Братья казаки! Тесней смыкайте ряды — в этом наше спасение! Проснитесь казаки, сгните все на ноги! За Вольное Казачество, за Казакую — вперед!

5-III-1934, Панчево.

Мих. Махно.

Заявление.

Я, нежеподписавшийся, заявляю, что, будучи атаманом в.-к. имени А. И. Кулабухова станицы в городе Смедерево, кор. Югославии, вел переписку с появившейся „оппозицией“, желая сдержать расхолодившиеся страсти; к поступкам же и выпадам с их стороны относился и отношусь отрицательно, не являюсь их тайным представителем на кор. Югославию и впредь не желаю иметь с ними ничего общего.

Бывший атаман в.-к. имени А. И. Кулабухова станицы **Николай Гниловуб.**

3 марта 1934 г. Смедерево.

В. К. в БОЛГАРИИ.

Представитель „ВК“ в Ломе
Никита Михеевич Егоров,
казак ст. Вешенской ВВД.

В Варне.

Обще-казацья имени Атамана Назарова станица произвела перевыборы атамана и должностных лиц (старое правление состояло исключительно из младороссов-кирилловцев). Избранными оказались в подавляющем большинстве новые лица, а именно: атаманом — А. П. Ольшансков (непредрешенец), помощником — Ил. М. Аввакумов (вольный казак), казначеем — Ст. М. Поляков (вольн. казак), писарем — В. П. Семешко (в. к.), доверенными — Ив. Ф. Лагутин (в. к.), Н. П. Пупченков (в. к.) и С. М. Ефимов (непредреш.); в ревизионную комиссию — Л. Д. Бразда (в. к.), В. И. Донецков (в. к.) и П. И. Победин (русский).

Ввиду того, что большинство вошедших в правление, состав доверенных и ревизионную комиссию лиц — самостийники, младороссы-кирилловцы, в количестве 10 человек, „в знак протеста“ подали заявления о выходе из станицы. Просьба их новым правлением была удовлетворена.

Таким образом, наши младороссы потерпели страшное поражение, и именно там, где, по собственным их заявлениям, они были самыми сильными и организованными.

(Соб. кор.).

ВК в ГЕРМАНИИ.**Доклад о В. К.**

Грузинская колония в Берлине занялась организацией серии докладов на национальные темы. С докладами по очереди выступают представители различных народов, входивших когда-то в состав „единой-неделимой“. Каждый из докладчиков в кратких словах знакомит аудиторию с историей своего народа и с современным положением вещей. Доклады такие имеют несомненный успех у аудитории, приглашаемой правлением Колонии; на них бывают действительно представители всех порабожденных народов.

18 февраля с очередным докладом выступил представитель журнала „В. К.“ в Германии Г. А. Козловский.

Открывая собрание, председатель колонии Р. К. Мкурнали отметил необходимость такого общения всех народов и взаимного ознакомления друг с другом. Это сближает и дает возможность установить самый тесный контакт между собою; с другой стороны, в случае необходимости выступлений, поможет координировать действия в работе для достижения общего идеала — независимости. Очередной доклад о Вольном Казачестве является тем интереснее, что, несмотря на самое ближайшее соседство с казаками, о них меньше всего некоторые знают, точно так же мало осведомлены о нынешней тактике, о конечных целях и задачах движения В. К.

Г. А. Козловский указал на чисто природные географические особенности, с которыми, несмотря на всю любовь к борьбе с этой самой природой, человечество бессильно бороться. В данном случае эта борьба и не нужна. Как, напр., ухитриться попасть сохопутьем в Ялту, минуя Перекоп? Как в пути по железной дороге с севера в Тифлис игнорировать Минеральные Воды? Вот эта же самая природа создала огромное звено, связывающее север, северо-восток, запад и восток с Персией и даже с Багдадом. Это звено и является той полосой земли, которая в наше время известна под названием Казакии. Этот великий тракт лежит всем по пути. И кого только не побывало на территории нынешней Казакии. Она помнит удары копыт Тамерлановской конницы; по ней лихо носились всадники Тахтамыша, Чингисхан, Татары, Турки, Киргизы; Литва, Польша и Москва тоже поили своих лошадей в истоках Дона и Кубани.

Ссылаясь на данные арабской летописи, докладчик в последовательном порядке развил перед слушателями зачатие Казакии в древние времена, последовательные ее переживания и необходимость, ввиду вечных набегов со всех сторон неприятелей, выработать из себя особого склада воинов, всегда готовых к борьбе за свою землю и независимость. Легенду о том, что Казачество является военной кастой чисто русского происхождения, докладчик рассеял фактом приглашения Иваном III Васильевичем казаков после разгрома их территории печенегами на окраины Московского государства для несения пограничной охраны. Если, разочаровавшись в отношении к себе московского царя, казаки ушли обратно на старые места, то это было простой реэмиграцией. Если мы, напр., из Германии вернемся домой, не будем же мы, в самом деле, германцами.

Далее докладчик отметил ту роль, какую играло Казачество в развитии военной мощи России. Не было ни одного похода, ни одной войны, в которой Казачество не являлось бы авангардом армии. Но то, что называется роком, преследовало царскую Россию. Она могла и умела расширяться и крепнуть внутри себя, захватывая обманным путем слишком доверчивых. На внешних фронтах она часто терпела поражения. Казачьи костями усеян весь путь до Парижа во время Наполеоновского поражения, на костях донских казаков в Лейпциге выстроен храм-памятник; много их лежит по кладбищам Берлина, Будапешта и даже в Скандинавии. Казалось бы, за столь беззаветную службу царизм должен был бы быть признателен этому воинственному народу. Ничего подобного! Насколько царизм дорожил Казачеством, настолько же боялся его, прижимал, положил начало той работе, которую сейчас

более решительными мерами проводит в жизнь преемник династии Романовых — товарищ Сталин, истребляя Казачество, чтобы очистить место русскому мужику.

Коснувшись истории завоевания казаками Сибири, выступлений Степана Разина, Булавина и Некрасова, докладчик подчеркнул, что идея Вольного Казачества не новая и не в Праге изобретена. Вольное Казачество народилось еще тогда, когда, оставив негостеприимные пределы московского царя, казаки вернулись к себе и начали устраивать свою государственную жизнь по своему разумению... Только сейчас, отдохнув от „белой интервенции“, доведшей вообще все народы до эмиграции, вопрос о возрождении Вольного Казачества в пределах столь же старой и по названию и по своим границам Казаккии — стал снова во весь свой рост.

В судьбах народов, входивших в состав бывшей России, есть много общего. Но помимо очередных заданий дня, нам, казакам, приходится кому то еще доказывать, что мы самостоятельный народ, ничего общего, в смысле национального, не имеющий с великоруссами, и что сейчас мы идеологически слишком далеки от России.

В борьбе за единство идеала нам необходимо и единство действий. Вот потому то нам необходим самый тесный контакт, потому то мы здесь должны вести самую дружную работу для достижения нашей общей цели — абсолютной независимости.

С большим интересом прослушала публика весь доклад. Многие не скрывали, что большинство положений, приведенных в докладе, им совершенно неизвестно, и что только сегодня впервые они в действительности поняли, что такое Казачество.

Благодаря докладчика за столь интересное сообщение, Р. К. Мкурнали выразил надежду, что сама жизнь заставит отдельные силы сгруппироваться для общего фронта. Психология людей такова, что победитель всегда более беспечен, и мимо него проходят те подземные удары и толчки, которые улавливает чуткое ухо побежденного. А посему нельзя раскладывать свою подготовительную работу на десятилетия. Мы должны быть всегда готовы к различным неожиданностям, и лучше для нас, если грядущие события не застанут нас врасплох.

Кн. Г. Н. Диасамидзе, выражая свою признательность за очень интересные и новые для него данные, подчеркнул необходимость систематического ознакомления друг с другом и поставил очередным вопросом дня издание органа, объединяющего все стремящиеся к независимости народы.

(Соб. кор.)

ВК в ПОЛЬШЕ.

В Августове.

2 марта с. г. Вольно-Казачья станица имени Атамана Назарова в Августове почтила память своего шефа. Открывая собрание, атаман станицы обратился к собравшимся вольным казакам со следующей речью: „Сегодня мы чтим трагический казачий день, память казачьей скорби и печали. Этот день напоминает нам о потере казачьей столицы — города Новочеркаска и мученической смерти Войскового Атамана Анатолия Михайловича Назарова, великого казака-рыцаря, именем которого называется наша станица. Мы с вами сидим в г. Августове вне досягаемости московских ком-

мунистических щупальц и ведем свободно разговор о несчастьи, постигшем казачий народ 16 лет тому назад. Никто из нас не боится говорить открыто казачью правду. Там же, дома, за право свободно рассуждать наши братья истязаются и умирают, застилая своими трупами улицы станиц и хутов. Что же мы на это скажем? — Скажем одно: поклялись мы перед Богом — служить Казачеству верно и неизменно и защищать свой народ от всех бед и напастей. Пример берем с первых казачьих мучеников, проливших кровь за жизнь и славу Казачества. Провозглашаем им славу! А всем тем, кто стремится к освобождению казачьего народа, пожелаем больше сознательности, любви и согласия. Да здравствуют сознательные вольные казаки, понявшие, что в сплоченности — сила всего Казачества!“

Следующим высказался ст. Кочетов о том, что „в Польше казачья интеллигенция почти не принимает активного участия в деле освобождения Казачества, а больше всего приходится укатывать шлях-дороженьку самим казакам“.

Ст. Громов: — Станичники, мы не должны скорбеть, что наша интеллигенция спит. Лишь бы мы, вольные казаки, бодрствовали и стремились к сплоченности, а не к рассеянию... Я пришел сюда отдать должную честь великому казаку Анатолию Михайловичу Назарову — шефу нашей станицы, кровь которого требует от нас сплоченности...

Ст. Мотарыгин: — „Я, как старший из всех вас годами, подчеркну одну характерную черту наших старших поколений, заслуживающую подражания. Когда наши деды давали кому либо чтонибудь в долг, то они не пользовались ни векселями, ни расписками, а просто ставили на палочке крест. Когда кончался срок и наступал день платежа, должнику предъявлялась палочка с крестиком и задавался вопрос: „Отдашь? Если нет, то сейчас же уничтожу крестик“... И должник всегда исполнял свой долг... В настоящее время мы все грамотны и обладаем большой жизненной практикой... Не следует ли нам напомнить своим братьям, состоящим в долгу перед Казачеством, чтобы они принесли должное, и что, если они своевременно этого не сделают, то Казачество поступит с ними по примеру своих предков... Будем последовательны... От казачьего долга нас может избавить только смерть. Слава нашему шефу — Анатолию Михайловичу Назарову!“

Затем собравшиеся единодушно осудили поведение и деятельность г. Кирьянова, а в заключение встали и пропели хором песню казачьего поэта П. Крюкова:

... Пройдут лета. В кругу казачьем
Потомки наши помянут
Тех, кто с отвагою — не плачем —
Рискнул стяг воли развернуть...
... Он помянет всех, кто за Волю
Казачью мучился, страдал;
Борясь за свой народ и долю,
Своею жизнью рисковал.
И проклянет народ наш вольный
Всех тех, кто воле изменял
И ради личной жизни подло
Народ свой в рабство предавал...
А вам же, рыцари народа
Казачьей издревле Земли,
Вам — слава в род пройдет из рода —
Благословят вас казаки!..

Атаман станицы Ф. Сафонов.

Подхор: Петр Максимович Журкин, каз. ст. Елизаветинской В. В. Д. Умер 19 января с. г. в гор. Сосновицах (Польша), где и похоронен стараниями казаков ВК хутора во главе со своим атаман. А Ляшко.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Казачество в Азии!

Декларация Организационной Комиссии в Дайрене по подготовке Съезда народов Азии от 12 февраля 1934 года, гласящая, что „Народы Азии должны самоопределиваться в отдельных государствах и объединиться воедино, образовав Лигу Азии...“, заслуживает особого внимания тех народов, которые расположены на территории Азиатского материка.

Принимая во внимание, что Сибирь и Д. Восток — это Азия, и что народы, размещившиеся на ее территории, являются равноправными членами великой семьи Азиатского Мира, и так как на территории Сибири и Д. Востока находятся восемь Войск казачьего народа: Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Енисейское, Иркутское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское, и что эти Войска — выходцы из седого Дона, потомки завоевателя Сибири — Ермака Тимофеевича (Аленина Василия Тимофеевича, казака Качалинской станицы), и так как Дон является колыбелью казаков всех Войск и ведет свое начало не только из седой древности, а с незапамятных времен, — следовательно, казачий народ такой же старый, как народы Азии, и поэтому не может быть и речи о том, что казаки „русские люди“ или что „казаки сословие“.

Дореволюционная Россия, — это было лоскутное государство, составленное из многих народов и наций путем завоеваний (на подобие былой Византии, Рима, Греции, Турции). В момент революции Россия распалась на свои составные части по национальностям (как в свое время распалась Византия, Рим, Греция), и на территории быв. России образовались островки самостоятельных государств. И только в губерниях Велико-россии, вместо национального возрождения, родился

большевицко-красный империализм во главе с русским дворянином-помещиком Ульяновым-Лениным. Этот дееспотический большевизм снова поработил все народы, в том числе и казачий, и вот уже 16 лет русские большевики систематически истребляют самый храбрый, самый стойкий казачий народ. Они понимают, что казачий народ переделат в крепостного — колхозника нельзя, как их предшественники — цари Московии — не могли переделат его в крепостных рабов. Казаки не один раз брались за оружие, чтобы тряхнуть Москву и этими мерами предупредить свое уничтожение. Вожди и Атаманы Казачества: в 1667 г. Степан Разин (казак Старочеркасской ст.), в 1707 г. Кондратий Булавин; в 1773 г. Емельян Пугачев (казак Зимовейской ст.), в 1800 г. атаман Грузинов (казак Старочеркасской ст.) подымали Дон против царей и бояр, потрясли все устои монархии и этими мерами предупреждали уничтожение казачьего народа. Москва, видя свое бессилие, уничтожение Казачества откладывала и только подкупом казачьей старшины урезывала некоторые его права и вольности. Но не удалось сломить волю казака, и казачий народ на протяжении веков отстоял и сохранил свою самобытность, казачьи традиции, уклад казачьей жизни, казачью удаль и храбрость. О последней знает весь Мир.

Теперь, когда маньчжуры, которые почти ассимилировались и превратились в китайцев, самоопределились и образовали Маньчжу-Го, казачий народ имеет не меньшее право на самоопределение и самостоятельную жизнь, как отдельная нация. И когда ставится вопрос о созыве Съезда народов Азии и об организации Лиги Азии, мы, казаки Сибири и Д. Востока, приветствуем это начинание и готовы принять непосредственное участие в работах этого Съезда, как члены великой семьи Народов Азии!

П. Ковган.

В Казаки.

Из писем оттуда.

1. ... С начала 1931 года и до настоящего времени я живу в Грузии... О причине сам можешь догадаться. Таких, как я, здесь чуть ли не пол-станицы. Семья К. вся здесь, как много и других семейств... О положении нашего хутора можешь догадаться сам: от него не осталось и потрохов — начиная от хаты Ш. и кончая хатой Г., — сплошные пустые места. И. Ш. и его жена умерли в Ставропольской губернии. Кум Г. живет со своим семейством на Урале. Мария умерла, Дуня умерла еще в Тифлисе. Твое семейство живет пока в станице, а А. — со мной в Грузии. Его хата отошла в станичный совет... В общем, как видишь, — все хорошо... Если хочешь, чтобы я описал тебе все, пришли мне... буквы на тарбарском наречии. Только пиши не прямо мне, а домой — мне перешлют. Хата моя — на колесах: сегодня тут, а завтра в другом месте...

2. ... К. работает в совхозе, а папая умер в сентябре 1932 г. на Урале... Когда я был здоров, то все дети были со мной, а когда заболел, то мать не могла их содержать и сдала в приют... Теперь, хоть и выздоровел, но никак не могу стать на ноги... Работаю на своих лошадях (вожу лес)... Жить трудно... На себя я получаю 1 клгр. хлеба, а на маму — 300 гр. Получаю на месяц: 5 кил. бураков, 5 кило капусты, 3 кило морковки, 1 кило луку и 1½ кил. масла. Это все...

По страницам „Молота“.

Из одного „постановления“:

„Признать установленным, что в ряде колхозов Кореновского района, Платнировской МТС („Новый путь“, „Червоное поле“, „ОСО“ и др.), Ново-Покровского района, особенно в Кальниболотской и Еянской МТС, Павловского района, в частности в Крыловской МТС, были допущены грубые извращения в распределении доходов; в ряде случаев не выдавался 10-процентный аванс от обмолота, до настоящего времени не закончено распределение доходов в колхозах, причем практикуется кулацкая уравниловка, в виде ежедневной выдачи печеного хлеба, бесшабашное штрафование колхозников. Все это, в значительной мере, понизило

значение трудодня и характеризует грубо-бездущное отношение со стороны партийных и колхозных работников к колхозникам, даже лучшим ударникам“...

(„М.“ 27 февраля).

„Еще неизвестно“.

„Новочеркасск. Проверка семян на всхожесть с полным анализом закончена в колхозах Придонья и Маньчжурской МТС. 60-70 проц. ячменя дали всхожесть 84-85 проц., остальной ячмень вполне удовлетворительного качества. Неблагополучно с семенами кукурузы, всхожесть которых не превышает 40-35 проц.

Для замены недоброкачественной кукурузы организуется внутриколхозный обмен. Результаты обмена райЗО неизвестны.

Какого качества семена в колхозах остальных МТС района — Кривянской, Персиановской, Родионо-Несветаевской — еще не известно“...

Семена не охраняются.

„В колхозе им. Никольского (ст. Старо-Черкасская) семена не очищены и не завезены в хранилища на месте сева, хотя станица во время таяния снегов бывает отрезана от полей.

Посевные производственные планы не доведены до бригад и не проработаны.

В колхозе развалена трудовая дисциплина. Местные организации занимаются пустозвонством в то время, как зернохранилища не охраняются, лошади низкой ушганности. Смотреть за лошадыми некому, конюхи по ночам играют в карты и не заглядывают на конюшню“...

Розыски.

Казака Бондарева Михаила разыскивает станичник Елевар Ал. Шереметов.

Знающих его местожительство сообщить по адресу: Jugoslavia, гор. Кральево. Ефим Кривец (трговец до хотела Задужбина).

Сидора Еф. Пелипенко, находящегося во Франции, розыскивает Л. А. Зинченко — Merarhia 16, Ag. Mavraki. Pirée, Grèce.

Открыта подписка на 1934 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	75 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	75 фр.	4 фр.
В Болгарии	100 лева	175 лей	10 лева
В Румынии	200 лей	350 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	18 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	9 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Ч.С.Р. 1 корунгову знамку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.